

Московский журнал международного права

- ОРУЖИЕ В КОСМОСЕ
- ПРАВОВОЙ СТАТУС КАСПИЯ
- ЯДЕРНОЕ ЗАГРЯЗНЕНИЕ И ЭКОЛОГИЯ
- РОССИЙСКИЕ МИРОТВОРЧЕСКИЕ СИЛЫ

Moscow Journal of International Law

Главный редактор Ю.М.КОЛОСОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**Л.Б. АРХИПОВА, К.А.БЕКЯШЕВ, В.Д. БОРДУНОВ, И.И. КОТЛЯРОВ,
В.И. КУЗНЕЦОВ, Е.Г. ЛЯХОВ, Ю.Н. МАЛЕЕВ,
В.Г. НЕСТЕРЕНКО** (заместитель Главного редактора, ответственный
за английское издание),
В.П. ПАРХИТЬКО (первый заместитель Главного редактора),
**Р.А. ПЕТРОСЯН, Ю.М. РЫБАКОВ,
Г.П. ТОЛСТОПЯТЕНКО, И. Г. ФОМИНОВ, О.Н. ХЛЕСТОВ**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Н.И. АКУЕВ (Алматы), **Э.Д. БЕЙШЕМБИЕВ** (Бишкек),
И. БЕРГХОЛЬЦАС (Рига), **В.Г. БУТКЕВИЧ** (Киев),
Р.В. ДЕКАНОЗОВ (Тбилиси), **Г.В. ИГНАТЕНКО** (Екатеринбург),
Ю.М. КОЛОСОВ (Москва), **Б.П. ЛИХАЧЕВ** (Москва),
С.А. МАЛИНИН (Санкт-Петербург), **А.Х. САИДОВ** (Ташкент).
Э.С. САРЫЕВ (Ашгабат), **А.В. ТОРКУНОВ** (Москва),
А.А. ТРЕБКОВ (Москва), **В.Н. ФИСЕНКО** (Минск),
А.Г. ХОДАКОВ (Москва), **Ю.Ю. ШАТАС** (Вильнюс),
В.Н. ЯКОВЛЕВ (Тирасполь)

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РФ**

**МЕЖДУНАРОДНОЕ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
"СОЮЗ ЮРИСТОВ"**

**МОСКОВСКИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО "МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ"

Адрес редакции : 117454, Москва, проспект Вернадского, 76
телефон 434-94-52
телефакс 434-94-52, 200-22-04

© Издательство "Международные отношения"
"Московский журнал международного права"

Свидетельство о регистрации № 01130 от 25 мая 1992 г.

Московский журнал международного права

Moscow
Journal
of International
Law

Научно-теоретический
и информационно-практический
журнал

Издается с 1991 года
на русском языке

Выходит один раз в три месяца

№3, 1995г.

июль – сентябрь

СОДЕРЖАНИЕ

Вопросы теории

- Ю.А. Решетов. Оговорки к Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации и поддержание международного правопорядка в области прав человека 3

- М.А. Королев. К вопросу о соотношении обычной и конвенционной норм относительно влияния изменившихся обстоятельств на силу международного договора 17

Международная безопасность

- В.А. Никитин. Юридические аспекты ограничения вооружений в космическом пространстве 46

Вопросы территории

- С.Б. Дьяченко. Проблема правового статуса Каспийского моря 70

Экология

- А.В. Кукушкина. Экологические проблемы производства ядерного оружия (на примере США) 83

Право и бизнес

- Б.А. Косырев. О пенсионном обеспечении российских граждан — работников иностранных представительств 91
С.М. Кудряшов. Институционный арбитраж в Стокгольме 101

Голоса молодых	
Т.К. Бадтиев. Правовой статус вооруженных сил ООН на Кипре.....	113
Трибуна преподавателя и студента	
Э.К. Шнекендорф. Опыт преподавания прав человека в педагогическом вузе.....	121
Страницы истории	
О.В. Шудра. Ханна Арентс: суждение об ответственности	125
Кто есть кто в нашей науке	
Волосов Марлен Евдокимович	139
Даниленко Геннадий Михайлович	141
Егоров Сергей Алексеевич.....	142
Хабиров Борис Ганиевич	144
Энтин Марк Львович.....	146
Хроника	
В.Д. Бордунов. Итоги Всемирной авиатранспортной конференции	149
Документы	
Венская декларация 1994 года Парламентской Ассамблеи ОБСЕ. — Вступительный комментарий М.Л. Энтина и Ю.И. Юрова	165
Третейский суд при МНИМП. — Вступительный комментарий Р.А. Петросяна	188
Соглашение о содействии в создании и развитии производственных, коммерческих, кредитно-финансовых, страховых и смешанных транснациональных объединений. — Вступительный комментарий А.Н. Ерохина.....	216
Закон России об участии в операциях по поддержанию мира. — Вступительный комментарий О.Н. Хлестова	220
Кафедра ЮНЕСКО по правам человека и демократии. — Вступительный комментарий Ю.М. Колосова	233

Вопросы теории

ОГОВОРКИ К МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНВЕНЦИИ О ЛИКВИДАЦИИ ВСЕХ ФОРМ РАСОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ И ПОДДЕРЖАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОПОРЯДКА В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Ю.А. Решетов*

24 сентября 1994 г. США ратифицировали Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Это событие, к которому США шли почти три десятилетия, можно только приветствовать. Ведь конвенция была принята Генеральной Ассамблеей ООН 21 декабря 1965 г. и подписана от имени США еще 28 сентября 1966 г. Все последующие годы влиятельные силы в этой стране препятствовали ее ратификации.

Причины нынешнего решения США довольно очевидны. Наверное, основная из них — осознание того, что самоизоляция США от международного сообщества в таком важном деле, как предотвращение расовой дискриминации, более не может быть терпима и что именно плодотворное сотрудничество с другими государствами в этой сфере международной жизни является одной из гарантий урегулирования опасных региональных конфликтов.

Конвенция — первый многосторонний договор в области прав человека, центральный документ в деле предотвращения расовой дискриминации, участниками которого являются на сегодняшний день большинство государств мира¹. И этот факт несомненно осознан американскими руководителями².

Выступая 11 мая 1994 г. в сенатском комитете по внешнеполитическим делам, заместитель государственного секретаря Дж. Шэттак, отметив опасный характер происходящих в мире расовых и этнических конфликтов, заявил: «Именно поэтому важно, чтобы США поддерживали борьбу за ликвидацию всех и любых форм расовой дискриминации в законодательной и политической областях»³.

* Доктор юридических наук, посол Российской Федерации в Исландии. Подробные сведения об авторе опубликованы в № 3 нашего журнала за 1993 год.

Та же мысль звучала и в выступлении советника государственного департамента по юридическим вопросам К.К. Харпера⁴.

Показательно, что представители американского эстеблишмента подчеркивают в первую очередь внешнеполитическую сторону этой ратификации в контексте американского лидерства в области прав человека.

Так, по мнению того же К.К. Харпера, после ратификации американцы, сотрудничая с другими государствами в деле ликвидации расовой дискриминации, «будут способствовать развитию уважения к принципам правового государства и прав человека за рубежом»⁵. По словам Дж. Шэттака, главная для американцев цель ратификации конвенции заключается в том, чтобы иметь лучшие возможности «подталкивать другие государства-участники в отношении их обязательств»⁶.

Одна из американских правозащитных организаций в подробном документе о ратификации США конвенции так определяет основные цели этой ратификации: «Она будет способствовать международному лидерству Соединенных Штатов в борьбе с коренной причиной многих этнических конфликтов — расовой дискриминацией» и даже «поощрит другие страны к ратификации этого договора и таким образом повысит эффективность международного режима защиты прав человека»⁷.

Последний аргумент, по нашему мнению, сомнителен, так как подавляющее число государств давно уже ратифицировали конвенцию и принимают участие в ее имплементации. Для сравнения упомянем, что в свое время ратификация Советским Союзом Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта о социальных, экономических и культурных правах действительно сдвинула с мертвой точки дело присоединения к этим договорам многих государств и вступление их в силу, независимо от причин, которыми руководствовался тогда СССР.

Голоса в США, объективно оценивающие состояние расовых проблем в этой стране применительно к ратификации конвенции, исходят в первую очередь от правозащитных организаций, отстаивающих права цветного населения. Так, в документах одной из них отмечается: «Очевидно, что расовая дискриминация является постоянной чертой американской истории и что расизм глубоко укоренился в ней»⁸.

Взгляд на американское общество, брошенный со стороны посетившим США М. Глеле-Аханханзо, Специальным докладчиком Комиссии ООН по правам человека, по современным формам расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с этим нетерпимости, подтверждает подобный вывод.

Конечно, в США происходят перемены к лучшему. Специальный докладчик отмечает, что «в процессе международных догово-

ров о правах человека, подписанных правительством Соединенных Штатов в начале 90-х годов, начинаются поиски равновесия между осуществлением внутренних правовых норм и универсально признанных норм в области прав человека, с уделением основного внимания единству прав личности, а именно взаимозависимости и неразрывности гражданских и политических прав и прав экономических, социальных и культурных»⁹.

Положение о равной защите четырнадцатой поправки к Конституции США запрещает любому штату отказывать своим гражданам «в равной для всех защите закона». Это положение обеспечивает защиту главным образом меньшинств и требует, чтобы все люди, «находящиеся в равном положении», пользовались равенством перед законом. Оно также запрещает неоправданные юридические различия между людьми, принадлежащими к разным классам.

Однако положение о равной защите не затрагивает действия федерального правительства. Квалификация федеральным правительством того или иного действия в нарушение положения о равной защите может быть оспорена в соответствии с положением о законном судебном разбирательстве, содержащимся в пятой поправке. Пятая поправка запрещает федеральному правительству отказывать своим гражданам в равной защите законов: «Никто не должен лишаться жизни, свободы или имущества без законного судебного разбирательства». Критерии судебного надзора в соответствии с положениями о законном судебном разбирательстве и равной защите закона идентичны¹⁰.

Однако несмотря на официально провозглашенную борьбу с расовой сегрегацией и принятие антидискриминационных законов, по словам Специального докладчика, сохраняются проявления расизма и структурной расовой дискриминации в отношении афроамериканцев, выходцев из Латинской Америки и Азии, американских индейцев, арабов и евреев в экономической и социальной областях; расовая дискриминация при отправлении уголовного правосудия; дискриминационная практика в деятельности полиции и жестокие методы, используемые ею, что проявилось, в частности, в знаменитом деле Роднея Кинга, которое всколыхнуло все Соединенные Штаты и вызвало отклик у международной общественности; участвовавшие случаи разжигания расовой ненависти¹¹.

Он приходит к выводу: «...Расизм и расовая дискриминация остаются актуальными проблемами в американском обществе»¹².

Законов, запрещающих разжигание расовой ненависти и деятельность расистских организаций, не существует в силу неприкосновенности первой поправки к Конституции, которая гарантирует

полную свободу слова и ассоциаций, каким бы ни был характер провозглашаемых намерений и преследуемых целей той или иной ассоциации. У Специального докладчика вызывает озабоченность тот факт, что в своей деятельности расистские организации свободно пользуются средствами массовой информации, распространяя свою пропаганду в радиопередачах и принимая участие в многочисленных телевизионных дебатах»¹³.

Практика американской юриспруденции, базирующаяся на первой поправке к Конституции США и сводящаяся к допущению подстрекательства к расовой дискриминации, если она не сопровождается немедленными насильственными действиями, хорошо известна¹⁴.

А. Сойфер называет подобную практику «дымящимся пистолетом», то есть ситуацией, когда лишь неопровержимые доказательства конкретного расового дискриминационного мотива, который данный истец может непосредственно увязать со своей ситуацией, могут побудить суд признать тот факт, что дискриминация, даже в отношении афроамериканцев, по-прежнему должна приниматься во внимание в судебном разбирательстве¹⁵.

Докладчик Комиссии по правам человека выразил озабоченность в связи с эволюцией взглядов Верховного суда Соединенных Штатов по вопросу о свободе слова. Так, в своем решении по делу Р.А.В. против города Сент-Пол, Миннесота, 60 США 4667 (22 июня 1992 г.) Верховный суд постановил, что сжигание креста как одна из форм запугивания, обычно используемая членами Ку-клукс-клана в отношении афроамериканцев, является формой проявления свободы слова, охраняемой Конституцией¹⁶.

Как указывает один американский исследователь, с учетом терпимости американского общества к разгулу расизма для снижения уровня сегрегации в городах США потребуется от 50 до 70 лет¹⁷.

Сенат США сопроводил ратификацию Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации следующими оговорками:

«1. Конституция и законы Соединенных Штатов содержат далеко идущую защиту индивидуальной свободы слова, выражения мнения и ассоциаций. Соответственно Соединенные Штаты не признают обязательства по конвенции, особенно по статьям 4 и 7 в отношении ограничения этих прав, путем принятия законодательства или любых других мер, в той мере, в какой они защищены Конституцией и законами Соединенных Штатов.

2. Конституция и законы Соединенных Штатов устанавливают далеко идущую защиту против дискриминации, включающую значительные области неправительственной деятельности. Тем не менее частная жизнь и свобода от правительственного вмешательства

также признаны среди основополагающих ценностей, определяющих наше свободное и демократическое общество. Соединенные Штаты полагают, что определение прав, защищенных конвенцией со ссылкой в статье 1 на области «общественной жизни», отражает подобное же различие между сферами общественного поведения, которое обычно является объектом правительственного регулирования, и сферами частного поведения, которые таковыми не являются. В той мере, однако, в которой конвенция призывает к более широкому регулированию частного поведения, Соединенные Штаты не признают обязательства по конвенции принять законодательные или другие меры, предусмотренные в пункте (1) статьи 2, подпункты (1) (с) и (d) статьи 2, статьи 3 и статьи 5 в отношении частного поведения, если это не санкционировано Конституцией и законами Соединенных Штатов...

Сделана была также оговорка в отношении передачи споров относительно толкования или применения конвенции на разрешение Международного Суда.

Сенат США сформулировал, наконец, понимание о применимости к конвенции федеральной оговорки и сделал заявление о том, что положения конвенции не являются самоисполнительными.

Упомянутые во второй оговорке положения конвенции касаются мер для «исправления, отмены или аннулирования любых законов и постановлений, ведущих к возникновению или увековечению расовой дискриминации повсюду, где она существует» (ст. 2, п. 1 с), «запрещения расовой дискриминации, проводимой любыми лицами, группами или организациями» (ст. 2, п. 1 d), осуждения расовой сегрегации и апартеида, предупреждения, запрещения и искоренения всякой практики такого характера (ст. 3), запрещения и ликвидации расовой дискриминации во всех ее формах и обеспечения равноправия каждого человека перед законом, без различия расы, цвета кожи, национального или этнического происхождения (ст. 5).

Важнейшим результатом первой оговорки будет по-прежнему гарантирование по существу свободы выражения ненависти, основанной на расовом превосходстве, и деятельности многих групп, защищенных первой поправкой, если только они не связаны с действиями, представляющими ясную и непосредственную угрозу. Статья 4b требует запрещения организаций, «которые поощряют расовую дискриминацию и подстрекают к ней». Но это не требования установления факта незаконной деятельности или «ясной и непосредственной угрозы»¹⁸.

Что же касается второй оговорки, то положения американского законодательства о разграничении общественного и частного сек-

торов довольно неоднозначны. Так, из сферы действия Акта о гражданских правах 1964 года исключаются предприятия с числом занятых менее 15 человек. Исключения предполагает и Акт о справедливости в области обеспечения жильем¹⁹.

Однако в свете заключения Комитета по ликвидации расовой дискриминации, содержащегося в его годовом отчете за 1978 год, о том, что государства — участники конвенции в своей национальной политике «должны исходить из цели ликвидации расовой дискриминации во всех ее формах, осуществляется ли она государственными властями, учреждениями или чиновниками или же частными лицами, группами или организациями», и что они «должны запрещать и ликвидировать соответствующими методами акты расовой дискриминации, осуществляемые любым лицом или группой против другого лица или группы», и выраженной им озабоченности в этом отношении в связи с докладами некоторых государств, например Бельгии и Великобритании, представляется ясным, что осуществление США этой оговорки будет означать отход от положений конвенции²⁰.

Надо сказать, что ряд государств-участников в свое время также сделал оговорки и заявления в отношении тех или иных статей конвенции. При этом для них характерна, на наш взгляд, глубокая противоречивость.

Австралия, Австрия, Бельгия, Франция, Италия, Великобритания сделали заявление по статье 4 конвенции.

Показательным является заявление Франции: «В отношении статьи 4 Франция хотела бы уточнить, что она толкует содержащуюся в ней ссылку на принципы Всеобщей декларации прав человека, а также на права, провозглашенные в статье 5 самой конвенции, как освобождающие участников конвенции от обязательств издавать репрессивные положения, не совместимые с правами на свободу убеждений и на свободное выражение их, на свободу мирных собраний и ассоциаций, которые гарантируются этими документами»²¹.

Однако в своем Факультативном заключении от 28 мая 1951 г. по делу «Об оговорках в связи с Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него» Международный Суд подчеркнул, что «принципы, лежащие в основе конвенции, признаны цивилизованными нациями в качестве обязательных для государств даже при отсутствии договорных обязательств. Было намерение сделать конвенцию универсальной по охвату. Ее цель чисто гуманитарная и цивилизаторская. Договаривающиеся государства не имеют каких-либо индивидуальных преимуществ или неудобств, а также собственных интересов, но только общий интерес. Это приводит к выводу о том, что объект и цель конвенции

предполагают, что в намерение Генеральной Ассамблеи и государств, принявших ее, входило, чтобы как можно больше государств участвовали в ней. Эта цель не будет достигнута, если возражение в отношении малозначительной оговорки приведет к полному ее исключению из конвенции. С другой стороны, договаривающиеся государства не могли иметь намерения пожертвовать самим объектом конвенции в интересах слабой надежды на обеспечение как можно большего числа участников. Следовательно, совместимость оговорки с объектом и целью конвенции является критерием определения отношения государства, делающего оговорку, и государства, возражающего против нее»²².

Можно утверждать, что основные принципы Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации имеют сопоставимую гуманитарную правочеловеческую ценность и столь же обязательный характер, как и основополагающие принципы конвенции против геноцида; поэтому государство, делающее оговорку к конвенции против расовой дискриминации, не может отказаться от принятия на себя обязательств в отношении них.

В 1989 году **Йеменская Арабская Республика** присоединилась к Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, сделав при этом оговорку²³.

Против нее как несовместимой с объектом и целями конвенции высказали возражения ряд государств. Анализ этих возражений показателен.

По мнению правительства **Канады**, «принцип недопустимости дискриминации является общепринятым, признан в международном праве и поэтому является обязательным для всех государств». «Цели Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, — как указывается в преамбуле, — состоят в ликвидации расовой дискриминации во всех ее формах и проявлениях»²⁴.

По мнению **Дании, Германии и Швеции**, обязательство запретить и ликвидировать расовую дискриминацию во всех ее формах относится к числу основных для государств-участников²⁵. Дания, Германия, Швеция подчеркнули необходимость «обеспечения равноправия каждого человека перед законом» без всякой дискриминации²⁶.

По мнению Мексики, в результате принятия йеменской оговорки определенная часть населения была бы подвергнута дискриминации²⁷.

Таким образом, **ликвидация расовой дискриминации является целью конвенции, представляет собой основное обязательство государств-участников**. Оно должно распространяться на все ее формы и проявления и на всех без исключения людей. Недопусти-

мы поэтому исключения из действия этого общеобязательного принципа.

Финляндия в своем возращении подчеркнула недопустимость несоблюдения государством, делающим оговорку, «обязательных для всех норм в отношении прав человека»²⁸.

Общепризнано, что договоры в области защиты прав человека составляют в силу их объекта особую категорию конвенций, что отражается и на решении вопроса о допустимости к ним оговорок. Эти конвенции связывают государства, отражая требования «универсальных принципов справедливости», заключают в себе «абсолютные обязательства»²⁹.

В конечном же счете ими затрагиваются не государства, а люди. Поэтому «оговорка бьет по всем лицам под юрисдикцией делающего оговорку государства... Принцип недискриминации является основополагающим...»³⁰.

Хотя в разделе об оговорках Венской конвенции о праве международных договоров говорится о недопустимости оговорок в случае их несовместимости с объектом и целями договоров (ст. 19 с) применительно ко всем конвенционным документам, существует мнение об особом статусе последних в рамках договорного права. Согласно ему, положение статьи 31 (ч. 3, п. с) об учете при толковании договора любых соответствующих норм международного права имеет в виду принципы международного права в области прав человека³¹.

Вопрос о допустимости оговорок к многосторонним конвенциям связан с вопросом о поддержании и укреплении международного правопорядка.

Международный правопорядок — это та часть международных отношений, которая урегулирована международным правом, реальные международные правоотношения, реальное состояние правовой жизни международного сообщества, международное право в действии, его конкретная реализация и применение. В то же время это совокупность реальных международных правоотношений, отличающихся стабильностью и эффективностью.

Некоторые принципы, институты и нормы старого международного права имели, несомненно, общедемократическую ценность. Решающее значение для становления современного международного правопорядка имели победа над фашизмом в итоге второй мировой войны, а также крах колониальной системы, создание Организации Объединенных Наций, являющейся ключевым инструментом мира и международной безопасности.

Принципы мирных и равноправных взаимоотношений государств играют все большую роль в борьбе за предотвращение угрозы мировой войны, за разрядку международной напряженности, за защиту обще-

человеческих гуманитарных ценностей. Эти принципы имеют свою историю, претерпевают удары под влиянием опасных кровопролитных конфликтов, однако никогда до сих пор заложенные в них положения не определяли в их совокупности в такой степени, как сейчас, характер международных отношений.

Трудно переоценить значение для развития сотрудничества между государствами, построения нового по своему характеру международного сообщества таких принципов, как неприменение силы, нерушимость границ, территориальная целостность, мирное урегулирование споров, суверенное равенство, равноправие, самоопределение, сотрудничество между государствами, права человека, добросовестное выполнение международных обязательств. Это основные принципы международного права, лежащие в основе международного правопорядка, универсального по самой своей природе.

Эти принципы не являются чем-то застывшим, таким, что может подвергаться каким-то модификациям исключительно во всемирном, так сказать, масштабе. Активная роль этих принципов в поддержании международного правопорядка как раз и проявляется в том, что в борьбе за положительные сдвиги в международной обстановке государства на индивидуальном, групповом и региональном уровнях толкуют и развивают существующие принципы и нормы международного права, создавая на их основе новые нормы.

Укрепление современного международного правопорядка связано с упрочением его юридических основ, повышением его эффективности с учетом, разумеется, особого характера международно-правового регулирования. Одной из основных его особенностей является то, что все государства обладают суверенным равенством, и над ними нет никакой власти, которая на постоянной основе осуществляла бы в принудительном порядке международно-правовые предписания. Это, однако, отнюдь не означает, что они вольны уклоняться от соблюдения требований международной законности.

Понятие **международной законности** наполняет конкретным содержанием основные общеобязательные принципы современного международного правопорядка. Главным условием поддержания и укрепления международного правопорядка является соблюдение государствами принципов и норм международного права.

Применение отдельных принципов, их толкование государствами претерпевают, конечно, значительные изменения. Однако никто не посягает прямо на современный правопорядок, имеющий общедемократический характер, и на лежащие в его основе принципы.

Так, обоснованной критике подвергалось и подвергается узкоэгоистическое толкование принципа невмешательства во внутренние дела государств, имевшие целью вывести из-под сферы обоснованной с точки зрения современного международного права кри-

тики положения с правами человека в тех или иных странах. Вместе с тем критерии этого принципа имеют непреходящее значение для разграничения случаев именно такой допустимой критики и влияния на внутреннюю ситуацию в тех или иных государствах, от актов вмешательства, например под флагом гуманитарной интеграции, граничащих или даже приводящих к лишению соответствующего народа права на самоопределение.

По-прежнему ключевым для эффективного поддержания международного правопорядка является строгое следование положениям принципа добросовестного выполнения международных обязательств, исходящего из их преобладающей силы над предписаниями внутреннего права, приведение в соответствие с международными обязательствами и нормами национального законодательства. Примечательным для современного международного права является то, что процесс кодификации завершается в соответствующих случаях принятием многосторонних договоров универсального характера. Это явление связано и с существованием категории императивных норм общего международного права.

Претерпевает значительные изменения сама концепция универсализма. Постепенно отходят в прошлое довольно-таки схоластические дискуссии относительно того, какое число субъектов международного права в качестве участников той или иной конвенции позволяет рассматривать ее в качестве универсальной. Все больше утверждается обоснованная точка зрения о том, что существуют обязательства, настолько основополагающие для всего международного сообщества, что в случае их разработки и принятия с участием большинства государств они связывают все государства, и в том числе те из них, которые не давали на принятие этих обязательств формального согласия. Такой новый подход к традиционному правилу о том, что договор не создает обязательств или прав для третьего государства без его на то согласия (ст. 34 Венской конвенции о праве международных договоров), несомненно, оказывает революционизирующее воздействие на обеспечение и укрепление современного международного правопорядка.

Аналогичный эффект могут иметь и нормы Венской конвенции о праве международных договоров относительно императивных норм общего международного права. Ведь если даже участники договора не признают его ничтожным, он является таковым в силу расхождения с императивной нормой общего международного права.

Приведенное положение относится не только к общему международному правопорядку, но и к отдельным правопорядкам, в частности в области прав человека.

В свое время международно-правовая и дипломатическая практика Советского Союза внесла значительный вклад в дело размы-

вания международного правопорядка, и прежде всего в области прав человека.

Конечно, советские юристы-международники и дипломаты сыграли выдающуюся роль в деле формирования принципов и норм современного международного права. Каковы бы ни были в то время настроения руководителей страны и официальная доктрина, именно благодаря не в последнюю очередь активной творческой работе наших представителей на международных форумах международное право обладает такими качествами и параметрами, которые помогают противодействовать новым и старым угрозам.

Однако на стадии имплементации международно-правовых документов в области прав человека в нашей стране сказывался огромный, присущий системе разрыв между словом и делом, боязнь демократических преобразований в обществе, нежелание идти по пути применения правочеловеческих стандартов. Советский Союз нередко присоединялся к международным конвенциям в области прав человека из пропагандистских соображений. При этом в закрытых документах, готовящихся перед ратификацией, а порой и в средствах массовой информации заявлялось, что такая ратификация не потребует внесения каких-либо изменений во внутреннее законодательство страны. Иными словами, участие в этих документах не должно было что-либо менять во внутреннем правопорядке.

Иногда многосторонние конвенции ратифицировались из прагматических соображений. Так, Международные пакты были ратифицированы СССР, поскольку это давало возможность советской делегации на Общеευропейском совещании соглашаться на включение тех или иных положений в документы Совещания по тематике прав человека.

Это, однако, не помешало широко использовать участие нашей страны в пактах и в целях пропаганды. Результат же, однако, был таков, что участие Советского Союза в этих документах оказалось одним из решающих толчков к осуществлению демократических перемен в нашей стране. Вместе с тем эффект подобной лицемерной ратификации был, несомненно, негативным с точки зрения эффективного выполнения положений тех или иных конвенций в чисто юридическом смысле.

В настоящее время угрозы для международного правопорядка наступают по двум направлениям.

С одной стороны, это попытки практически отказаться от международного права как системы общеобязательных принципов и норм и перейти к ориентации на другие неправовые, и прежде всего политические, категории и принятие практических решений, в отношении которых определяющим является выбор и достижение определенных целей³².

Эта концепция отличается идеологической направленностью, заиклненностью на постулаты определенной группы государств, односторонностью и поэтому размывает основы международного права и складывающегося на его основе международного правопорядка. Нормам международного права отводится при принятии решений роль отсылочных произвольно и в угоду поставленным целям применяемых атрибутов. Достаточно лишь напомнить о ссылке на статью 51 Устава ООН при принятии решений в Совете Безопасности о вооруженной акции против Гаити.

Среди сторонников этого подхода в ходу теория искусственного разделения норм на «умные» и «идиотские»³³, подрывающая сами основы правового регулирования.

Отказавшись по существу от единственно объективных правовых подходов и став пленниками однозначных политических постулатов, они поэтому путаются в оценке конкретных явлений и ситуаций, если последние не вписываются в их идеологические схемы. Это, например, происходит с автором цитируемой книги, когда он заявляет, что нет зависимости между социальной системой государства и положением проживающих в нем меньшинств³⁴. Сделать такой «глубокий» вывод его побудило то, что в Советском Союзе и Югославии много делалось для обеспечения прав национальностей, в то время как некоторые ведущие западные страны попросту не признают факта существования национальных меньшинств.

Хорошо известно, что международный правопорядок впитал в себя некоторые социальные идеи, рожденные в тех или иных национальных правовых системах. В качестве примера можно сослаться на запрещение рабства и работорговли. Кроме того, значительное влияние на правотворчество и правоприменение в рамках международного сообщества оказывают общие принципы и нормы права, которые были разработаны применительно к национальным юридическим системам. Однако международные обязательства государств приобретают для них силу, превалирующую над силой их собственных законов. Поэтому стремление подчинить международный правопорядок идеологическим и эгоистическим целям тех или иных государств, прикрывающихся мессинскими лозунгами, может лишь нанести ему ущерб, а на практике приводит к санкционированию вмешательства, в частности, под флагом всякого рода санкций, не способствующих соблюдению прав человека, а порой и приводящих к отрицательным для них последствиям, и гуманитарной интервенции. Это, разумеется, не относится к случаям, когда государства прибегают к защите своих граждан за рубежом при учете таких критериев, как необходимость, гуманитарные цели операции и пропорциональность, которые, на наш

взгляд, были, например, соблюдены во время операции израильтян при спасении заложников в Уганде в 1976 году.

Выдвижение оговорок к многосторонним конвенциям в области прав человека, несовместимых с объектом и целями этих конвенций, также небезразлично для международного правопорядка в области обеспечения прав человека, поскольку наносит ущерб заложенным в документах основополагающим принципам всеобщего соблюдения и защиты прав человека, предотвращения и пресечения дискриминации во всех ее формах и проявлениях, защиты от нее всех людей. Если до присоединения к этим документам те или иные государства вообще не принимали участия в осуществлении прав человека в той или иной области, то после присоединения к ним с серьезными оговорками они скорее всего, формально являясь участниками соответствующих процедур, будут по-прежнему наносить ущерб режиму эффективного осуществления этих документов.

Однако такая практика лежит в пределах правового поля и функционирования соответствующих принципов, институтов и норм международного права. Поэтому **рычаги правового воздействия на соответствующие государства-участники**, например, Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации находятся в руках международного сообщества, государств — участников конвенции и Комитета по ликвидации расовой дискриминации.

¹ К марту 1995 года 143 государства были участниками конвенции.

² См. Strobe Talbot Acting Secretary Department of State. — Letter to Chairman Committee on Foreign Relations. U.S. Senate. — 1994. — Apr. 26. — P. 1.

³ Statement of J. Shattuck before the Committee on Foreign Relations. U.S. Senate. — 1994. — May 11. — P. 1.

⁴ Statement of C.K. Harper before the Senate Foreign Relations Committee. — 1994. — May 11. — P. 2—3.

⁵ Ibid. — P. 2.

⁶ Statement of J. Shattuck. — P. 3.

⁷ US. Ratification of the International Convention on the Elimination of all forms of racial discrimination. International Human Rights Law Group. — Wash. — May 1994. — P. 1.

⁸ National Association for the Advancement of colored people Statement before the Foreign relations committee. U.S. Senate. — 1994. — May 11. — P. 15.

⁹ Doc. UN E/CN.4/1995/78/Add.1. — P. 9.

¹⁰ Ibid. — P. 38.

¹¹ Doc. UN E/CN.4/1995/78/Add.1. — P. 3—4.

¹² Ibid. — P. 12.

¹³ Ibid. — P. 42.

¹⁴ См. Решетов Ю.А. Возбуждение национальной вражды в контексте

международного права, зарубежной и российской судебной практики. МЖМП. — 1992. — № 3. — С. 24.

¹⁵ Soifer A. On being overly discrete and insular: Involuntary groups and the Anglo-American judicial tradition./The Protection of Minorities and Human Rights/Ed. by Yoram Dinstein and Mala Tabory. — 1992. — P. 2.

¹⁶ Doc. UN E./CN.4/1995/78/Add.1. — P. 43.

¹⁷ Cm. Goering J. Anti-Discrimination Law on the grounds of race in the United States: Enforcement and research concerns New community. — Vol. 20. — N 3. — Apr. 1994. — P. 411—412.

¹⁸ US Ratification of the International Convention on the Elimination of all forms of racial discrimination. International Human Rights Law Group. — Wash. — May 1994. — P. 53.

¹⁹ Ibid. — P. 26.

²⁰ Ibid. — P. 23—24.

²¹ Doc. UN CERD/C/60/Rev. 2. — P. 17.

²² Summaries of Judgments, Advisory Opinions and Orders of the International Court of Justice 1948—1991//Doc. UN ST/Leg/Ser. F/1. — P. 19.

²³ Dok. UN/CERD/C/60/Rev. 2. — P. 46.

²⁴ Ibid. — P. 33.

²⁵ Ibid. — P. 33, 35, 38.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid. — P. 36.

²⁸ Doc. UN/CERD/C/60/Rev. 2. — P. 35.

²⁹ Reservations and Interpretative Declarations to Multilateral Treaties. — Frank Horn. — The Hague, 1988. — P. 153.

³⁰ Ibid. — P. 157.

³¹ US Ratification of the International Convention on the Elimination of all forms of racial discrimination. — May 1994. — P. 23.

³² Mullerson R. International Law, Rights and Politics. — L., N.Y., 1994. — P. 43.

³³ Ibid. — P. 53.

³⁴ Ibid. — P. 96.

Статья поступила в редакцию в июле 1995 г.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ОБЫЧНОЙ И КОНВЕНЦИОННОЙ НОРМ ОТНОСИТЕЛЬНО ВЛИЯНИЯ ИЗМЕНИВШИХСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ НА СИЛУ МЕЖДУНАРОДНОГО ДОГОВОРА

М.А. Королев*

Вот уже несколько столетий государства, стремящиеся избавиться от того или иного связывающего их договора, ссылаются подчас на изменение обстановки, имевшее место со времени его заключения, иными словами, используют возможность, предоставляемую, как утверждает доктрина международного права, принципом, известным как клаузула *rebus sic stantibus*, причем в большинстве случаев не упоминая даже ее названия.

Все эти годы вокруг данного явления ведутся весьма оживленные споры как на теоретическом, так и на практическом уровне. Суть возникающих разногласий сводится к следующим основным вопросам: получает ли в принципе государство, *rebus mutatis*, право заявлять о прекращении договора; если да — то каковы природа и степень достаточности оправдывающих подобные действия изменений; наконец, каковы последствия такого влияния, прежде всего процедурные?

Слегка опережая события, отметим весьма любопытную и познавательную закономерность: при всем многообразии подходов, обусловленном сильным влиянием на соответствующую область международного права национальных правовых доктрин, наиболее ощутимой границей между различными точками зрения стало восприятие данных вопросов юристами и правительствами стран континентальной и общей систем права.

Однако в 1969 году Венской конференцией по праву международных договоров была принята одноименная конвенция, в которой содержится статья 62, посвященная коренному изменению обстоятельств. Казалось бы, что, явившись итогом многолетних обсуждений в Комиссии международного права ООН (КМП) и став компромиссом не только между личными мнениями правоведов разных стран, но и официальными подходами последних, статья 62 должна была бы свести на нет все прежние кривотолки и споры, предоставив государствам и судам единообразное и всех устраивающее понимание существа соотношения между изменением обстоятельств и сохранением договора в силе. Тем более что созданная конвенционная норма, по утверждению многих, якобы стала бук-

* Соискатель кафедры международного права МГИМО(У) МИД РФ.

вальной кодификацией обычной¹ и сама имела достаточную универсальность, чтобы рассматриваться в качестве таковой до вступления конвенции в силу.

На деле же все обстояло не столь гладко. Обратимся к международной практике последующих лет.

Первым и по сей день единственным случаем рассмотрения подобных вопросов в Международном Суде ООН (далее — Суд) по принятии Венской конвенции 1969 года стал спор между Великобританией и Исландией — Дело о юрисдикции по спорам о рыболовстве (Fishers Jurisdiction Case). В 1972 году Исландия решила расширить свою рыболовную зону с 12 до 50 морских миль. Великобритания обратилась 14 августа того же года в Суд, сославшись (в соответствии с §1 статьи 36 Статута) на соглашение от 11 марта 1961 г., заключенное этими странами, в котором признавалось требование Исландии о 12-мильной ширине рыболовной зоны наряду с передачей любой из сторон всякого спора, относящегося к расширению зоны за означенные пределы, на рассмотрение Суда². Правомочность Суда рассматривать данное дело Исландия не признавала. 2 февраля 1973 г. большинством голосов Суд вынес решение о возможности установления собственной юрисдикции и рассмотрения спора по существу. Отказавшись уведомить Суд о своей официальной точке зрения по данному вопросу, Исландия, тем не менее, заявила в меморандуме, направленном британскому правительству, что «считает соглашение 1961 года более неприменимым и прекратившим, таким образом, свое действие»³. В качестве обоснования своего подхода Исландией были упомянуты происшедшие изменения как в праве — 12-мильная ширина территориального моря стала общепризнанной со времени заключения соглашения 1961 года, и поэтому последнее являлось якобы необязательным, так и в самой природе — рыбные запасы за истекшие годы истощились, а техника их добычи значительно улучшилась. Расценив ссылки Исландии на *rebus mutatis* как применение статьи 62 Венской конвенции 1969 года, Суд признал, что «изменения в области права при определенных условиях могут послужить основанием для ссылки на них как на коренное изменение обстоятельств, влияющее на действительность договора», однако не счел, что «данное правило имеет отношение к рассматриваемому им спору, поскольку цель соглашения 1961 года состояла не только в признании требований Исландии о 12-мильной ширине рыболовной зоны, но также и в определении средств разрешения возможных разногласий, а в этом отношении никаких изменений в праве не произошло». Упомянув о том, что «одно из основных требований этой статьи (62-й) состоит в том, что изменение обстоятельств должно быть коренным», Суд, что самое лю-

бопытное, отметил: «Упоминание Исландией о своих «жизненных интересах»... должно быть рассматриваемо в связи с ее утверждениями об изменении обстоятельств. Тогда можно будет выяснить, почему Исландия полагает имевшие место изменения в рыболовстве коренными по сравнению с тем, что существовало ранее. Именно такое рассмотрение будет соответствовать установившейся традиции считать коренными только такие изменения в обстоятельствах, которые несут угрозу существованию или жизненно важным интересам одной из сторон». Ссылку на изменение техники рыболовства Суд признал несостоятельной, поскольку таковое «не может считаться коренным изменением, оказывающим влияние на действительность соглашения о признании обязательной юрисдикции Международного Суда». Развивая данную мысль, Суд, что не менее важно, подчеркнул: «...Для того, чтобы изменение обстоятельств могло стать законным основанием прекращения договора, необходимо также, чтобы оно коренным образом изменяло сферу действия обязательств, все еще подлежащих выполнению. Подобное изменение должно столь увеличить бремя подлежащих выполнению обязательств, что таковые в итоге превращаются в нечто существенным образом отличающееся от ранее предусматривавшегося договором». И указал: «В отношении рассматриваемых ныне договорных обязательств данное условие никак не соблюдено: изменение обстоятельств, приводимое Исландией, не изменило коренным образом сферы действия юрисдикционных обязательств, возникших вследствие обмена нотами в 1961 году... Сфера действия означенных обязательств не только не претерпела коренных изменений, но, напротив, осталась совершенно той же, какой она была в 1961 году»⁴.

Из этого дела можно извлечь весьма интересные для нас выводы: во-первых, хотя и признав, как того требует текст статьи 62, что изменение, достаточное для прекращения договора, должно носить коренной характер, само понятие «коренной» Суд, причем убежденный в традиционности своего подхода, истолковал как несущее угрозу жизненно важным интересам сторон; во-вторых, затрагивание переменами сферы действия договорных обязательств разяснялось им как увеличение бремени обязательств по сравнению с тем, которое изначально предусматривалось по договору⁵.

Не менее любопытен и следующий случай. В мае 1990 года парламент Финляндии направил письменный запрос правительству, в котором со ссылкой на «изменение обстановки на континенте» предлагал приступить к действиям по отмене устаревших статей части III Парижского мирного договора 1947 года⁶. 17 сентября 1990 г. посол Финляндии в СССР передал в МИД СССР неофициальный документ, содержащий проект постановления

финского правительства о прекращении действия части III договора 1947 года в отношении своей страны⁷, сообщив также, что подобным же предварительным образом была уведомлена и Великобритания как другой «основной участник договора». Ознакомившись с намерениями Финляндии, МИД СССР довел до ее сведения, что «советская сторона в целом положительно реагирует на обращение финляндской стороны и не будет возражать против отмены части III Мирного договора 1947 года или тех его статей, которые устарели и накладывают ограничения на сотрудничество с Германией», но отметил, что, «поскольку речь идет о многостороннем договоре, финляндской стороне было бы целесообразно до принятия своего решения заручиться согласием и других участников договора, чтобы действия Финляндии не выглядели как односторонний шаг». Однако в тот же день было принято решение правительства Финляндии о положениях Мирного договора, касающихся Германии и ограничивающих суверенитет Финляндии, в котором говорилось, что «после объединения Германии и восстановления ее суверенитета правительство Финляндии считает, что положения части III Парижского мирного договора, касающиеся Германии, утратили свое значение», и подчеркивалось, что «другие положения части III Мирного договора, ограничивающие суверенитет Финляндии, не соответствуют статусу Финляндии как члена ООН и как государства — участника СБСЕ. В связи с этим правительство констатирует, что и эти положения утратили свое значение»⁸. В ходе последовавших за отменой советско-финских консультаций МИД СССР ограничился выражением сдержанного недовольства поспешностью принятия означенного решения, а также высказал сожаление по поводу невнимания противоположной стороны к его пожеланию предварительно обсудить вопрос с остальными заинтересованными странами.

Из этого случая также можно сделать соответствующие выводы: во-первых, правомерность фактической ссылки Финляндии на *rebus mutatis* (более того, без упоминания ст. 62) никем не оспаривалась; во-вторых, в качестве обоснования притязания выдвигалась утрата частью III своего значения и ограничение ее положениями государственного суверенитета этой северной страны; в-третьих, отказ от договорных обязательств носил безусловно односторонний характер.

Нетрудно заметить, что основные выводы по этим двум прецедентам мало соотносятся с положениями и самим духом статьи 62, в принципе не допускающей применения ссылки на изменившиеся обстоятельства, а также накладываютой ограничения на природу таковых (существенное основание заключения договора, что в рассмотренных случаях весьма сомнительно) и на характер перемен

(коренным образом изменяют сферу действия обязательств, т.е. затрагивают договор непосредственно, оказывая воздействие, последствия которого граничат с физической невозможностью исполнения, а в приведенных примерах из практики расторгаемые договоры были еще вполне жизнеспособны). Кроме того, Венская конвенция 1969 года в принципе запрещает безусловное одностороннее прекращение договора, устанавливая обязательный срок для выяснения мнения других его участников, а при отрицательном отношении последних — и обязательную примирительную процедуру (ст. 64, 65).

Разумеется, Венская конвенция 1969 года и не должна была в обязательном порядке применяться в обоих этих случаях, ибо упомянутые договоры были заключены до того, как она вступила в силу в отношении Великобритании или Финляндии⁹. С другой стороны, статья 62 теоретически вполне могла бы быть задействована как обычная норма. Отчего же тогда при возникновении практической потребности избавиться себя от договорных положений, ставших обременительными и не отвечающими современной обстановке, эти одобренные мировым юридическим сообществом формулировки остались не у дел, а в ход пошли хорошо известные нам по многовековой практике отказа от обязательств со ссылкой на *rebus mutatis* оправдания прекращений, отражающие скорее стремление государства избежать неблагоприятных для себя последствий перемен обстановки, нежели озабоченность каким-то воздействием данных изменений на сам договор в той мере, в какой это могло бы действительно воспрепятствовать его предполагавшемуся осуществлению, беспокойство за его существование как самостоятельной ценности?

Быть может, члены КМП и участники Венской конференции, находясь под влиянием определенных доктринальных толкований клаузулы и найдя в конце концов некую приемлемую для всех усредненную формулировку, недостаточно учли действительную устоявшуюся практику государств по подобным делам, углубились в теорию и явили миру норму во многом искусственную, не отвечающую потребностям текущего применения, в отличие от обычной, естественным образом вырастающей из повседневной международной практики, прекрасно ей соответствующей и оттого свободно задействуемой заинтересованными государствами? Быть может, плоды их творчества, попав в обстановку государственного соперничества, уступили место испытанной временем обычной норме права относительно *rebus sic stantibus*? Если так, то становится понятным и толкование, данное по статье 62 Судом, столкнувшимся с чисто практическим случаем ссылки на изменившиеся обстоятельства, и приведенные выше доводы Финляндии.

Чтобы ответить на поставленные вопросы, прежде всего надлежит выяснить, существует ли в международном праве упомянутая обычная норма, и в случае положительного ответа — установить истинное соотношение между ней и конвенционной нормой о коренном изменении обстоятельств, обратив внимание прежде всего на то, в чем их различие.

Рассмотрим практику межгосударственных отношений, которая, как известно, является единственным конструктивным элементом международного обычая, причем прежде всего уделяя внимание не столько заявлениям государств по данному вопросу, в отсутствие практики теряющим свое прецедентное значение, сколько фактическому поведению сторон¹⁰.

Известно весьма значительное число случаев, когда *rebus mutatis* государство заявляло об отказе от договора. Чаще всего ссылки на изменившиеся обстоятельства приводили к действительному одностороннему прекращению обязательств, и оно не получало широкого международного обсуждения, а если обратное и случалось, то значительного влияния на судьбу договора не оказывало, и поступавшие возражения тех или иных затрагиваемых стран в расчет не принимались.

Так было, в частности, при:

- прекращении САСШ в 1798 году союзного договора с Францией 1793 года со ссылкой на происшедшую там революцию¹¹;

- отказе Наполеона III от обязанности обеспечивать французское военное присутствие в Риме и поддерживать светские власти в папских областях Италии вследствие их занятия Виктором Эммануилом и гарибальдийской революцией¹²;

- отказе России в 1871 году от установленной Парижским трактатом 1856 года нейтрализации Черного моря, когда участники Лондонской конференции, приняв¹³ декларацию, запрещающую одностороннее расторжение договора¹⁴, все же согласились с русскими доводами, построенными на признании общего изменения политической обстановки в Европе¹⁵;

- отмене Россией в 1886 году без каких-либо принципиальных возражений иных держав¹⁶ порто-франко в Батуме по причине упразднения беспошлинного провоза иностранных товаров через Кавказ, ввиду чего порто-франко теряло смысл и становилось обременительным для местного населения¹⁷;

- аннексии Австро-Венгрией в 1908 году Боснии и Герцеговины; сопровождавшейся прекращением действия Константинопольской конвенции 1879 года, в оправдание чего выдвигалось укрепление мощи Турции, а также достижение этими балканскими странами уровня материальной культуры, достаточного для предоставления автономного конституционного режима внутри империи,

причем, судя по характеру заявления о присоединении, никто не собирався выносить данный вопрос на международное обсуждение, а последовавшие возражения ряда стран постепенно утихли в ходе частой дипломатической переписки¹⁸;

— провозглашении в 1908 году независимости Болгарии, молчаливо признанном всеми европейскими державами (до этого, согласно статье 25 Берлинского трактата 1878 г., Болгария формально считалась вассалом Турции¹⁹, что являлось, по мнению болгар, препятствием на пути поступательного развития их страны, ее вхождения в семью европейских народов, для чего за истекшие со времени установления зависимости годы были якобы созданы все необходимые условия²⁰);

— одностороннем прекращении Сербией в 1913 году Договора о дружбе и союзе с Болгарией 1912 года, устанавливавшего раздел приобретенных в ходе совместных военных действий территорий²¹, вследствие последующего значительного ущемления сербских интересов (чрезмерные и выходящие за установленные договором пределы территориальные приобретения Болгарии, ее вероломство во Фракии²², расширение круга сторон договора до четырех с соответствующим уменьшением отходящих участникам территориальных долей²³);

— прекращении Германией в 1914 году действия в отношении себя договоров 1838 года²⁴;

— расторжении Норвегией в 1922 году, со ссылкой на изменение политической обстановки в Европе и мире, договора 1907 года с Германией, Францией, Великобританией и Россией²⁵;

— отказе Франции в 1932 году от соглашения с США, касавшегося долгов, предпосылкой которого было поступление репарационных платежей от Германии (в Национальном собрании было заявлено, что «в силу признанного принципа международного публичного права договоры и соглашения должны исполняться *sic rebus stantibus*»²⁶, и принято постановление об утрате соглашением исполнительной силы вследствие полного изменения решающих обстоятельств, под которыми в данном случае подразумевался режим германских выплат);

— временном прекращении в 1941 году действия в отношении США Конвенции о грузовой марке 1930 года ввиду перехода в состояние войны большинства из участвовавших в ней государств и наступления неблагоприятных последствий для американского торгового флота, проистекавших из установленных упомянутым соглашением пределов загрузки морских судов²⁷;

— досрочном прекращении Советским Союзом в 1945 году Пакта о нейтралитете с Японией 1941 года, подлежавшего денонсации²⁸;

— расторжении Египтом в 1951 году, после безуспешной попытки решения данного вопроса в рамках Совета Безопасности ООН²⁹, договора с Великобританией 1936 года³⁰, который, по утверждению египетской стороны, был заключен в иной международной обстановке и ко времени отказа исчерпал свое назначение;

— отмене СССР в 1960 году положений Совместной декларации с Японией относительно передачи последней островов Хабомаи и Шикотан по заключении мирного договора между обеими странами³¹;

— выходе Франции из военных структур НАТО в 1966 году, сопровождавшемся расторжением ряда двусторонних соглашений, в обоснование чего выдвигалось утверждение о коренном изменении с 1949 года обстановки в мире³²;

— уже упоминавшейся отмене Финляндией положений части III Парижского договора 1947 года.

Несмотря на многочисленные особенности каждого из перечисленных прецедентов, можно, без сомнения, выделить некоторые положения, составлявшие устойчивое правило поведения, которое «достаточно четко в целом рассматривалось»³³ как необходимый стандарт поведения»³⁴. Отметим также, что непосредственно заинтересованные стороны никогда не возражали против самой возможности ссылки на *rebus mutatis*, а лишь изредка оспаривали ее применимость к данному конкретному случаю. Так было, в частности, при отказе России от нейтрализации Черного моря, когда Англия не признавала одностороннего характера отказа; при отмене Турцией режима капитуляций, когда протестовало большинство из непосредственно затрагивавшихся стран³⁵; при отказе Финляндии от части III Договора 1947 года, когда вначале СССР высказался против одностороннего отказа и признал его впоследствии.

В большинстве же случаев данный вопрос обходили стороной, и в итоге возможность применения в соответствующем деле ссылки на *rebus mutatis* молчаливо признавалась. Это также имело место, помимо уже приведенных случаев, и с исключением из них особо упомянутых трех, и при пересмотре Германией некоторых статей Готардского договора³⁶, равно как и в ходе расторжения Китаем договора 1865 года с Бельгией³⁷.

Следует отметить, что с начала 30-х годов практически все ссылки государств на *rebus mutatis* (единственным исключением стало изменение Советом Лиги Наций по просьбе Швейцарии постановлений Лондонской декларации 1929 г., относившихся к этой стране³⁸) приводили к безусловно одностороннему отказу от договора.

Существование нормы о *rebus sic stantibus* в *opinio juris* полностью подтверждается рассмотренной практикой заявлявших при-

тязания стран, которые при отказе от договора со ссылкой на *rebus mutatis* были убеждены в правомерном характере своих действий, а также заинтересованных государств, молчаливо или явно выражено признававших правомерность подобной возможности, даже если речь не шла о допущении ее к данному конкретному случаю. Поскольку к разновидности «заинтересованных» теорией международного обычая относятся не только упомянутые государства, но также и все остальные, имеющие отношение к данной области международной жизни³⁹, то значение частных протестов скорее сводилось к исключению применения нормы о *rebus sic stantibus* или некоторых ее элементов в отношении систематически возражающего государства. Так, постоянные возражения Великобритании и отчасти США были направлены прежде всего на недопустимость одностороннего отказа от договоров, что, разумеется, не могло воспрепятствовать становлению означенной нормы, а лишь исключило эту ее часть из применения к практике обеих стран, точнее, создало возможность и дальнейших ссылок на свою точку зрения, поскольку ничто не мешает им в любой момент заявить об обратном. Как известно, *opinio juris* традиционно выводится из толкования фактического поведения государств. Но оно может быть выражено и путем официального заявления, что имело место, например, при отказе Франции от долгового соглашения с США и расторжении Египтом договора с Великобританией. И что особо важно — во всех этих случаях признавалась нормативность принципа *rebus sic stantibus*.

Некоторые юристы, подкрепляя свое мнение об отсутствии обычной нормы о *rebus sic stantibus*, утверждают, что якобы «в тех редких случаях, когда договоры прекращались в результате изменения обстоятельств, доктрина использовалась исключительно *eo nomine*»⁴⁰. Однако упоминание понятия *rebus sic stantibus* имело место лишь в четырех из известных нам прецедентов: при отмене капитуляций в Турции, прекращении китайско-бельгийского договора, приостановлении действия Конвенции о грузовой марке и при отказе Египта от договора с Великобританией. Но не это главное. Нельзя сделать вывод об отсутствии нормы о *rebus sic stantibus* лишь потому, что сторона, желавшая расторгнуть договор, не объявляла о своем понимании сути данного явления, не предлагала своей формулировки. Заявления государств, если они не содержат *opinio juris*, играют второстепенную роль в создании обычных норм, а основная роль отводится, как уже говорилось, фактическому поведению государств, повторяющемуся при сходных обстоятельствах. В одном лишь подобном поведении может выражаться общеправовая норма, не будучи даже сформулированной в официальном заявлении или закрепленной каким-либо иным образом.

Однако наиболее распространенное обоснование подхода противников нормативности клаузулы *rebus sic stantibus* покоится на утверждении, вполне отвечающем действительности, об отсутствии в решениях судебных органов, как внутригосударственных, так и международных, санкции на применение данного принципа в качестве обычной нормы международного права. Но, как известно, судебные решения являются лишь вспомогательным средством для определения правовых норм, а отнюдь не неперенным условием их образования. В частности, национальные суды в своих действиях не могут быть независимы от первоначальных государственных притязаний, выраженных в законодательстве; их решения, выносимые во внутреннем, а не в международном плане, обязательны, к тому же (если речь не идет о странах общего права), лишь для сторон спора. Последнее правило прямо предусматривается и в отношении Международного Суда ООН статьей 59 Статута. Поэтому подобные доводы некоторых юристов не представляются убедительными, даже если не принимать во внимание их связь с пониманием самой клаузулы.

С другой стороны, столь последовательное отрицание клаузулы рядом правоведов, как правило в большинстве своем англичан или американцев, выверяющих свое мнение главным образом по ее судебному толкованию, вполне понятно: в судебных решениях и протоколах заседаний действительно содержится гораздо меньше свидетельств в пользу правомерности ссылки на *rebus mutatis*. Даже в известных нам двенадцати соответствующих делах, рассмотренных национальными судами, суд обычно ограничивался констатацией возможности одностороннего отказа от договора со ссылкой на *rebus mutatis*, не подчеркивая зависимость своих выводов от обстоятельств конкретного случая, а также не оговаривая, какой характер носит данное утверждение — нормативный или всего лишь доктринальный⁴¹. Из трех дел, когда вопрос о влиянии изменившихся обстоятельств на силу международных договоров рассматривался Постоянной палатой международного правосудия, в двух⁴² она воздержалась от собственной оценки данного явления, косвенно признав, однако, в первом из них его нормативность, а в одном допустила влияние *rebus mutatis* лишь на толкование договорных положений⁴³.

Из сказанного можно сделать лишь вывод о признании судами в общем возможности ссылки на *rebus mutatis* при одностороннем расторжении договора, и хотя эта практика, несомненно, является определенным подтверждением существования подобного права, ее все же недостаточно, согласно воззрениям представителей прежде всего англо-американской школы юридической науки, для выведения обычной нормы, с чем нельзя не согласиться.

Но задача судебной практики в международном праве, как мы уже говорили, несколько иная. Отчасти данные судебные решения могут быть использованы для установления «наполнения» обычной нормы относительно *rebus sic stantibus*, однако понимание ее сути и содержания в большей мере зависит от существующей в той или иной стране правовой системы и соответствующих господствующих доктрин «наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву» (ведь именно в трудах юристов зародилось и сформировалось учение о *rebus sic stantibus*, получившее различные оттенки, но в целом имеющее и по сей день схожие черты). Поскольку практика любого из государств в части, касающейся международно-правовых вопросов, опирается прежде всего на мнения собственной юридической школы, то именно эти совпадения подходов создали теоретическую основу для образования обычной правовой нормы о *rebus sic stantibus*, ставшей, ко всему прочему, естественным компромиссом между незначительно расходящимися доктринальными толкованиями.

Таким образом, все говорит в пользу существования в международном праве — как до принятия Венской конвенции 1969 года, так, разумеется, и после — обычной нормы относительно влияния *rebus mutatis* на силу международных договоров. Следовательно, на вопрос о принципиальной возможности правомерной ссылки на изменившиеся обстоятельства следует дать положительный ответ, несмотря на существование ряда противоположных мнений.

Принимая во внимание сущность и особенности обычной нормы о *rebus sic stantibus*, в силу которых она подлежит изложению лишь в общем виде, представляются нецелесообразными и противоречащими ее назначению всякие попытки извлечения из имеющейся практики какого-либо перечня допустимых случаев, причин и объяснений применения ссылки на *rebus mutatis*.

С другой стороны, опираясь на совпадающие обстоятельства рассмотренных прецедентов и не предлагая жестких формулировок, мы вполне можем вывести основные положения этой нормы.

Во-первых, вполне достаточно, чтобы перемены, на которые ссылается государство, имели общий характер и не обязательно относились непосредственно к той области государственной жизни, ради упорядочения которой заключался договор. Так было в подавляющем большинстве из известных нам прецедентов: договоры расторгались со ссылкой на всеобщие политические и экономические изменения (при отказе США от договора с Францией, отказе Саксонии в начале прошлого века от некоторых положений Пражского трактата 1635 г.⁴⁴, отказе России от нейтрализации Черного моря, отмене порто-франко в Батуме, выводе французских войск из Италии, аннексии Боснии и Герцеговины, провозглаше-

нии независимости Болгарии, отмене капитуляций в Турции, расторжении Норвегией своего договора с некоторыми европейскими державами; решении вопроса о китайско-бельгийском договоре, изменении положений Лондонской декларации 1920 г., прекращении британско-египетского договора и выходе Франции из военных структур НАТО) или в связи с войной и ее последствиями (в случаях прекращения болгаро-сербского договора и приостановления действия Конвенции о грузовой марке). Необходимо также отметить, что *rebus sic stantibus* как общий принцип права охватывает любые случаи расторжения договоров не иначе, как по соглашению сторон, когда он не являлся недействительным *ab initio* и наступление оснований прекращения не было вызвано преднамеренными действиями его участников. То есть имея в своей основе временной фактор, данное явление относится как к последующей невозможности исполнения или возникновению новой нормы права, так и к влиянию иных перемен — собственно изменений обстоятельств.

На уровне принципа различий по сути между этими основаниями прекращения обязательств не существует. Однако в международном праве на нормативном уровне они более заметны и нередко излишне абсолютизируются юристами. Обычно проводится жесткое разграничение физической, или объективной, невозможности исполнения, с одной стороны, а с другой — невозможности моральной, или субъективной, с отнесением их исключительно к случаям, соответственно, собственно невозможности исполнения и возникновению новой правовой нормы либо к правилу об изменившихся обстоятельствах как к таковому. Столь однозначный подход представляется малооправданным и не нашедшим подтверждения в практике межгосударственных отношений⁴⁵. К тому же после любых перемен в обстановке, в том числе если безвозвратно исчезает объект договора, последний, не являясь даже *de facto* пригодным к исполнению, *de jure* продолжает оставаться в силе⁴⁶ и его дальнейшее сохранение находится на усмотрении участников. Если кто-либо из них сочтет необходимым официально прекратить существование договора, то возникает практическая потребность осуществить сам отказ — чисто процедурный вопрос, и если вводить по вышеупомянутому, якобы совершенно различным, основаниям прекращения обязательств единую процедуру, направленную прежде всего на недопущение одностороннего расторжения (как сделано, к примеру, в Венской конвенции 1969 г.), то само разграничение лишается смысла. Весьма показательны в этом отношении доводы, выдвигавшиеся в ходе обсуждения в КМП проекта конвенции о праве договоров, в пользу необходимости объединения статей о невозможности исполнения и коренном изменении обстоятельств в одну⁴⁷.

Во-вторых, если, таким образом, не обязательно, чтобы перемены происходили непосредственно в области договорного регулирования и относились к договору напрямую, затрагивая непосредственно его объект и цели, существенным образом изменяя сферу действия обязательств и т.п., то достаточно и косвенного отношения, влияющего на договорные положения опосредованно, через понимание государством своих задач. Опять-таки подавляющее большинство известных из практики случаев это подтверждает. Основной побудительной причиной отказов служили государственные интересы, а иногда об этом прямо заявлялось, в частности при отмене порто-франко в Батуме (экономические убытки), аннексии Боснии и Герцеговины (необходимость расширить влияние), провозглашении независимости Болгарии (препятствие свободному развитию), расторжении сербско-болгарского договора (ущемление прав), отмене капитуляций в Турции (угроза существованию государства), прекращении китайско-бельгийского договора (сдерживание свободного и естественного развития), выходе Франции из военных структур НАТО (необходимость восстановления полноты суверенитета), отказе Финляндии от некоторых статей Договора 1947 года (ущемление суверенитета). Действительно, любой государственный договор заключается с учетом государственных потребностей, однако взаимосвязь между их изменением, с одной стороны, и буквой и духом договора, с другой, не поддается подведению под какую-либо единую шкалу измерения, которая была бы действенной в отношении всех международно-правовых соглашений на всех этапах развития межгосударственных отношений. В связи с этим указанная связь бывает в большинстве случаев трудноразличимой, подчас совсем не поддающейся выявлению со стороны, так как лишь одному правительству или иному государственному органу, прибегающему к отказу от договора именно на основании ссылки на *rebus mutatis*, известно, каким образом и через какие опосредующие звенья перемены в наличном положении вещей, затрагивающие или изменяющие государственные приоритеты, соотносятся и вступают в противоречие с самим договором.

В-третьих, за заявлениями об отмене следовало, как правило, безусловно одностороннее прекращение обязательств, и право государства определять судьбу договора собственным волеизъявлением не отрицалось. Известно, что международный договор может быть прекращен только двумя путями⁴⁸: по согласию сторон (решению компетентного международного органа) или в силу действия права. Отказ от обязательств с использованием обычной нормы относительно *rebus sic stantibus* относится ко второму. Следовательно, установление обязательной примирительной процедуры,

когда притязание на расторжение государство не может осуществить свое право при возражении иных заинтересованных сторон и до достижения с ними надлежащего соглашения, как это предусмотрено статьей 62, склоняет к решению данного вопроса по первому пути и если не разрушает природу клаузулы, то во всяком случае делает *a priori* бессмысленным ее применение.

Возвращаясь к обстоятельствам Дела о юрисдикции по спорам о рыболовстве, а также к случаю отказа Финляндии от положений части III Договора 1947 года, нетрудно установить их соответствие этим трем основным сторонам обычной нормы относительно *rebus sic stantibus*, а следовательно, наша гипотеза относительно ее присутствия в данных прецедентах подтверждается.

В чем же тогда причина столь очевидного отличия духа и буквы двух норм: конвенционной — о коренном изменении обстоятельств и обычной — относительно *rebus sic stantibus*? Положения статьи 62 вряд ли могут быть только плодом стремления правоведов к справедливому идеальному мироустройству, при котором государства будут добровольно терпеть лишения во имя сохранения договора в силе. Должно существовать определенное доктринальное подспорье.

Кратко проследим историю становления принципа *rebus sic stantibus*. Правило, согласно которому временные изменения действуют на договор разрушающим образом, само по себе предполагает наличие в нем двух начал — философского и собственно юридического, которые сосуществуют, к тому же, с чисто практическими целями. Такое удачное сочетание свидетельствует о том, что его глубинные истоки следует искать в эпохе, когда право имело наиболее выраженный философский характер и находилось под сильным влиянием неправовых (точнее, надправовых) идей. Причем эти идеи реально подчиняли себе соответствующие области жизни. В истории такое случалось не часто. Поскольку достоверно известно, что понятие «*rebus sic stantibus*» встречается у постглоссаторов, круг поиска ограничивается началом заката Римской империи и эпохой рецепции римского права, совпавшей с резким возвышением папской власти и всепроникающим действием католических доктрин.

Наиболее ранние следы клаузулы обнаруживаются, во-первых, в высказываниях мыслителей⁴⁹, принадлежавших к так называемому гераклито-стоическому направлению философской мысли. Его неопределимое значение состояло в создании логично завершенного учения о закономерной и нравственно оправданной возможности индивида по собственному произволению впускать поток перемен в любую статичную общность, прежде всего — в существующие правоотношения, ломая лишь некоторые встающие у него на пути

преграды, возведенные в свое время не без его участия (в т.ч. договоры, обещания и т.п.), во имя спасения целостности всей совокупности установлений. Это учение обусловило признание римским правом естественной способности временных изменений оказывать разрушающее влияние на обязательственные правоотношения⁵⁰. Во-вторых, проявления клаузулы можно найти в укрепившихся в римском праве благодаря тем же стоическим идеям и создавшимся на их основе принципам *natura rerum* и *bona fides*, принципе *impossibilium nulla obligatio est*, в *exceptio non adimpleti contractus*, в различных *condictiones*, прежде всего в *condictio causa data causa non secuta*, а также в законе относительно *laesio enormis* — в них зародился принцип субъективно-оценочного суждения о весомости оправдывающих неисполнение обязательств препятствий, дававший право единолично определять достаточность изменений для того, чтобы начать, ссылаясь на них, прекращение договора.

Хотя *clausula rebus sic stantibus* в античном мире еще не обособилась в самостоятельное правовое явление, эти два главнейших представления встали в ряд основных черт духа римского права и после рецепции последнего вместе с породившими их стоическими представлениями в целом⁵¹ стали неотъемлемой частью совокупности юридических первооснов, пронизывавших правовые системы европейских государств, но только тех, где данная рецепция имела место и оставила заметные следы.

Для образования клаузулы во времена упадка Империи не хватало третьего условия — стремления властей, имевших возможность творить право, активно воздействовать на окружающий мир, заставляя его жить в соответствии со своими идеями, не особо стесняясь в выборе средств для достижения собственных целей. Не хватало, таким образом, того своеобразного заряда прагматизма, который позволяет правителям находить достойное идеологическое оправдание своих действий, в обычных условиях рассматривавшихся бы не иначе, как нарушение неких нравственных законов. Такой властью в XI веке стал Папский престол, заявлявший, что «клятва, данная в ущерб интересам Церкви, недействительна»⁵², и освобождавший государей по этой причине от международных обязательств⁵³. Он распространил свою юрисдикцию практически на все области жизни и создал соответствующее своим потребностям право — каноническое право западнохристианской Церкви. Не случайно именно в этом праве, стремившемся при помощи соображений справедливости смягчить жесткость римского частного права, некоторые юристы видят истоки изучаемого принципа⁵⁴. Во всяком случае, одно из первых более или менее связанных его изложений мы находим у Фомы Аквинского, который полагал, что нарушитель своего слова является лжецом и предателем, но может

быть оправдан, если имело место изменение первоначальной обстановки⁵⁵.

Чуть позже практичные комментаторы, также не избежавшие канонического влияния, целенаправленно возрождая, в отличие от глоссаторов, ограничившихся толкованием древних источников, дух римского права и творя из него новые нормы для применения в современной им обстановке, создали максимум *omnis conventio intelligitur rebus sic stantibus*, или собственно одноименную клаузулу. А.Джентили, сославшись на высказывания Балда и Алциата⁵⁶, ввел ее в конце XVI — начале XVII века в доктрину международного права, где она продолжила существование под этим названием, используемая уже государствами, перенявшими от Церкви вследствие становления теории суверенитета качество единственной самодовлеющей ценности, а значит, и право собственным произволением определять пределы и продолжительность самоограничения, исходя из своих жизненных интересов.

Понятно, что клаузула *rebus sic stantibus* могла проникнуть в национальное право европейских государств не иначе, как в ходе окончательной рецепции римского права, вернее, того, что от него осталось после стараний глоссаторов и постглоссаторов, и укоренилась только в тех странах, где эта рецепция оказала решающее влияние на становление национальных правовых систем. Так было прежде всего в Германии, и изучаемый принцип появляется в пандектном праве⁵⁷, хотя и в более пространном виде и утратив наименование. Впоследствии, с началом кодификации национального права, клаузула входит в создаваемые общегражданские сборники и закрепляется в целом ряде статей⁵⁸, опять-таки без собственного названия, но с не менее определенным звучанием. Естественно, ввиду того, что, в отличие от права международного, в праве национальном существует единая юрисдикция в отношении большинства субъектов права, их обязательная подсудность, безусловно односторонний порядок прекращения договора, свойственный первоначальной клаузуле, был заменен обычной для того или иного государства процедурой судебного разбирательства. Однако другая ее основная часть — косвенное воздействие изменений на договор, то есть учет прежде всего неблагоприятного влияния перемен на интересы сторон, отрицательно сказывающегося на субъективным восприятии последними его полезности, прекрасно сохранилась. Она и послужила основой для создания во Франции известной доктрины непредвиденности (*doctrine de l'imprévision*) и закона Файо (*loi Failliot*)⁵⁹. Окончательно прижившись к концу XIX века в национальных правовых системах практически всех европейских государств и вошедшая в доктрину в качестве одного из ведущих начал обязательственного права, *clausula rebus sic stantibus* стала

тем самым общим принципом права и оказала вторичное влияние на ее понимание юристами-международниками.

Действительно, вплоть до недавнего времени международное право было еще не столь удалено от национальных школ юриспруденции, и поэтому их отношение к изучаемому принципу во многом передалось юристам-международникам соответствующих стран и было тем благоприятнее, чем больше в свое время право последних испытало воздействие римских и канонических доктрин. В таких государствах, как известно, сложилась континентальная система права. Не случайно подавляющее большинство юристов-международников стран именно континентальной правовой системы высказывается в пользу действительного существования в международном праве принципа, известного как *clausula rebus sic stantibus*, который обуславливает прежде всего одностороннее прекращение договора (П. Прадье-Фодере⁶⁰, А. Ривье⁶¹, А. Бонуччи⁶², И.А. Овчинников⁶³, Ф. Лист⁶⁴, Д. Анцилотти⁶⁵, А.-В. Гефтер⁶⁶, И. Блюнчли⁶⁷, Н.М. Коркунов⁶⁸, гр. Л.А. Камаровский⁶⁹, В.П. Даневский⁷⁰, П.Е. Казанский⁷¹, Ф.Ф. Мартенс⁷², А.Л. Байков⁷³, А.М. Ладыженский⁷⁴, А. Бустаманте⁷⁵, Д. Харасты⁷⁶, В. Богарэ⁷⁷, В. Утрата⁷⁸, В. Пехота⁷⁹, Ф.Н. Ковалев⁸⁰), причем признавая практически всегда достаточность косвенного отношения изменения обстоятельств к прекращаемым договорам и связывая это (в рамках упомянутого выше правила субъективно-оценочного суждения) с четырьмя основными теориями: государственных целей (Г. Еллинек⁸¹, гр. Л.А. Камаровский⁸², Ф.Ф. Мартенс⁸³), основных прав государства, прежде всего на существование и естественное развитие (гр. Л.А. Камаровский⁸⁴, И. Блюнчли⁸⁵, Ф. Лаги⁸⁶, В.А. Ульяницкий⁸⁷, И.А. Овчинников⁸⁸), крайней необходимости (Г. Еллинек⁸⁹, А. Бонуччи⁹⁰, С.А. Котляревский⁹¹), а также самосохранения (С.А. Котляревский⁹², Э. Кауфман⁹³).

Сравнивая краеугольные положения обычной нормы относительно *rebus sic stantibus* с господствующими воззрениями на нее юристов стран континентальной системы права, обнаруживаем полное соответствие по всем основным вопросам. Иного нельзя было и ожидать, ведь эта обычная норма сложилась, как было показано, преимущественно в практике государств именно континентальной правовой системы.

Чем же тогда объясняется прохладное отношение к клаузуле *rebus sic stantibus*, издавна сложившееся в странах общего права, прежде всего в Англии? Причин несколько.

Во-первых, римское право оставило на английской земле куда менее значительные следы и было вытеснено местными обычаями⁹⁴.

Во-вторых, ватиканский дух гибкого взаимоприспособления догм и потребностей, потворствования необходимости, наполня-

ший не только саму клаузулу, но и некоторые другие доктрины канонического права, был совершенно неприемлем для установившегося в XVI веке на английской земле протестантизма*, носившего поначалу оттенок ревностного почитания незыблемости церковных принципов и враждебности ко всему, имевшему отношение к католицизму. Следствием этого явилось не только практически повсеместное исчезновение из трудов английских юристов ссылок на мнения многих бесспорных властителей умов ученого мира Запада того времени⁹⁵ и римских доктрин, но даже выдержек из античных произведений. В этих условиях не могло быть и речи о принятии идеи клаузулы *rebus sic stantibus* английскими юристами.

В-третьих, в XVII веке судами общего права был сформулирован принцип «абсолютной» договорной ответственности, который явился прямым следствием понимания природы договора в английском праве как гарантии должника в отношении кредитора, причем гарантии не реального исполнения обязательства, а передачи некоторой обусловленной соглашением денежной суммы. Причем в случае неисполнения договора кредитор не имел права требовать исполнения обязательства в натуре, а лишь возвращения долга, в силу чего вопрос о невозможности исполнения, а также об оправдывающих это причинах не возникал и возникать не мог⁹⁶. В 1647 году в решении по делу *Paradine v. Jane* было установлено, что неограниченная условием договоренность в любом случае остается в силе, если сторона, притязающая на ее упразднение, во время заключения могла требовать внесения в нее соответствующей оговорки, но не сделала этого⁹⁷. От столь жесткой постановки вопроса о допустимости прекращения обязательств английские суды стали отходить лишь во второй половине прошлого века, когда сложилась доктрина тщетности договора. Под ней подразумевалась прежде всего невозможность осуществления его объекта и целей вследствие изменения обстоятельств⁹⁸, которое, по меткому выражению лорда Аткина, делает его «по характеру отличным от того, каким он был при первоначальном положении вещей»⁹⁹.

Примерно в то же время, а именно в 1871 году, Великобритания начинает проводить официальную политику недопущения односторонних отказов от международных договоров, чему послужила уже упоминавшаяся нами Лондонская декларация. Необходимость высказывать в связи с этим свое отношение к клаузуле *rebus sic stantibus* побуждает английских юристов обращаться за примером к доктрине тщетности, которая, как справедливо подметил Дж. Брайерли, ограничена по отношению к обычной клаузуле¹⁰⁰ и вполне

* Именно в это время клаузула переносится в международное право.

отвечала британским внешнеполитическим устремлениям того времени. Таким образом, английская, а в скором времени и американская (правда, в меньшей мере) доктрины международного права если и не отвергают бесповоротно клаузулу *rebus sic stantibus*, то наполняют прежнюю оболочку новым содержанием.

В качестве примера можно сослаться на мнения таких правоведов, как Дж. Вайлден¹⁰¹, Р. Филлимор¹⁰², Дж. Брайерли (прямо призывавший к использованию доктрины тщетности для решения вопроса о допустимости прекращения международных договоров)¹⁰³, Т. Лоренс¹⁰⁴, С. Крандель¹⁰⁵, Ч. Фаерман¹⁰⁶, Ч. Хайд¹⁰⁷, Г. Лаутерпахт¹⁰⁸, Б. Джексон¹⁰⁹, Дж. Шварценбергер¹¹⁰, Дж. Старк¹¹¹ и др.

Понятным теперь становится практически полное отсутствие в истории Великобритании и США случаев отказа от обязательств на подобных основаниях, а также их постоянные возражения против традиционного применения ссылки на *rebus mutatis* другими государствами.

Таким образом, находясь как бы в стороне от международной практики расторжения договоров с использованием клаузулы *rebus sic stantibus*, страны общего права не оказали влияния на становление соответствующей обычно-правовой нормы.

Зато это им вполне удалось при создании конвенционной нормы о коренном изменении обстоятельств. Помимо того, что сам процесс кодификации договорного права в некотором смысле развивался по предначертанному ими пути (Гаванская конвенция 1928 г., Гарвардский проект, чьи положения были широко использованы при подготовке Венской конвенции 1969 г.), всеми четырьмя докладчиками КМП по проекту статей о праве международных договоров были представители английской школы международного права¹¹². Итог налицо. Конвенцией сведена практически на нет возможность безусловно одностороннего отказа от договора, чему послужило и наличие значительного числа понятий, допускающих множественность толкований (в частности, нововведенное понятие «коренного» изменения), что неминуемо подводит заинтересованные государства к обсуждению в каждом конкретном случае, что под этим надлежит понимать, тем самым опять переводя односторонний отказ на путь прекращения по приглашению сторон.

Вполне в духе классического неприятия самой возможности расторжения договора статья 62 в принципе запрещает ссылку на изменившиеся обстоятельства¹¹³, установив исключение лишь для случаев, когда перемены в обстановке затрагивают не столько интересы сторон, сколько сам договор, происходя в обстоятельствах, обусловивших заключение, и коренным образом изменяя сферу действия обязательств. Тождественность по сути последнего утвер-

ждения с изменением характера договора (по лорду Аткину) столь очевидна, что в особых доказательствах не нуждается. Само собой напрашивается и упоминание, как того требует доктрина тщетности, последовавшей за переменами невозможности осуществления объекта и целей договора. Так оно и было. Отвергнутое в ходе обсуждения в КМП, соответствующее положение содержалось в первоначальном варианте статьи о теории *rebus sic stantibus*, предложенном Г. Вальдоком в его втором докладе¹¹⁴, и даже осталось в итоговом варианте статьи о прекращении договора в случае его нарушения (п. 3 b ст. 60).

Таким образом, является очевидным, что применительно к созданию в рамках КМП договорной нормы о коренном изменении обстоятельств мы имеем дело не столько с «кодификацией» существовавшего до принятия Венской конвенции 1969 года международного права, в частности обычной нормы о *rebus sic stantibus*, сколько с его «прогрессивным развитием» (преимущественно в русле доктрины тщетности и Лондонской декларации 1871 г.), то есть с образованием новой нормы, не совпадающей во всех чертах с ей предшествовавшей. Надо сказать, что именно к этому открыто призывал третий докладчик по праву договоров — Дж. Фицморис¹¹⁵, именно этому оказали невольное содействие некоторые члены КМП, сочтя необходимым отказаться от использования в заголовке и тексте статьи 62 названия «*rebus sic stantibus*» с вполне благовидной целью избежать влияния противоречивых доктринальных толкований клаузулы¹¹⁶, чего им, впрочем, так и не удалось.

Итак, в настоящее время в международном праве существуют две нормы: обычная — о *rebus sic stantibus* и договорная — о коренном изменении обстоятельств, изложенная в статье 62 Венской конвенции 1969 года. Обе нормы имеют сходный предмет регулирования, суть которого может быть в общем определена как отказ государства от международного договора в случае *rebus mutatis*.

Обычная норма возникла еще до принятия упомянутой конвенции и после данного события существовать, разумеется, не перестала¹¹⁷, поскольку известно, что многосторонние кодифицирующие конвенции не ведут к исчезновению обычаев, им предшествовавших, и, являясь воплощением компромиссных соглашений, не служат препятствием существованию и развитию наряду с ними аналогичных правовых предписаний на основе обычной¹¹⁸.

Будучи противоположно направленными, но не противореча друг другу в целом¹¹⁹, обе нормы имеют, несмотря на указанную разницу в содержании, практически равнозначный объем последнего, а также свои особые случаи применения. Это изначально исключает рассмотрение их взаимодействия на основе принципа *lex posterior derogat priori*, тем более что по своей природе обычная

норма о *rebus sic stantibus* трудно опровергаема на подобных основаниях, поскольку в ней заложены возможности постоянного развития, в том числе с учетом некоторых конвенционных основ, определенное влияние которых может проявляться в случаях ее применения на практике.

Несомненно, будучи по сути всегда более конкретной, договорная норма может влиять на обычную на основе принципа *lex speciali derogat generali*, что применительно к рассматриваемой совокупности вопросов может иметь место при выведении из-под действия ссылки на *rebus mutatis* договоров о границах, а также случаев, когда изменения в обстоятельствах произошли вследствие нарушения притязавшей на расторжение стороной своих обязательств по договору либо иного международного обязательства, взятого ею на себя по отношению к любому другому участнику договора (п. 2 ст. 62).

Обычная норма в процессе своего образования и изменения также может, в свою очередь, воздействовать на договорную норму, и если последняя вступает с ней в явное противоречие, то теряет силу. Однако в рассматриваемом случае даже признаков подобного исхода пока не наблюдалось.

Использование обычной нормы о *rebus sic stantibus* приобретает первостепенное значение, во-первых, в отношениях государств — участников Венской конвенции 1969 года и не участвующих в ней, а также последних между собой, причем следует учесть, что таковых немало, поскольку конвенция действует на сегодняшний день лишь в отношении 77 государств (преимущественно афро-азиатских)¹²⁰, ее подписали, но не ратифицировали 22 страны (в том числе США)¹²¹, а также, во-вторых, применительно ко всем договорам, заключенным государствами до вступления в силу относительно них упомянутой конвенции, как это следует из статьи 4.

* * *

За последние годы мы по-особенному ощутили цену непостоянства. Изменения, происшедшие в мире, вполне соответствуют обычно присутствующим при ссылке на *rebus mutatis* и в чем-то уже затронули некоторые не безразличные для России договоры. Можно ли быть уверенным, что не возникнет вопрос об их расторжении и притязавшее на это государство обязательно использует статью 62, не отдав вновь предпочтение более действенной обычной норме? Вот почему особое значение приобретает взвешенность в восприятии данных норм, непредвзятое понимание их истинного соотношения.

¹ См., в частности, Kearney R., Dalton R. The Treaty on Treaties. American Journal of International Law. — 1967. — Vol. 64. — N 3. — P. 542.

² International Court of Justice Reports. — 1973. — P. 8.

³ Ibid. — P. 39.

⁴ Ibid. — P. 17—21.

⁵ Суд, к тому же, расширил возможность ссылки на перемены в наличной обстановке, причислив к ним обычные изменения в праве, что противоречит духу Венской конвенции 1969 года, наделяющей способностью влиять на силу договоров только вновь возникшие императивные нормы.

⁶ Советско-финские отношения. 1990 год. Сборник документов и материалов. — М., 1991. — С. 92. Положения части III договора 1947 года накладывали ограничения на численность и оснащенность финских вооруженных сил.

⁷ Там же. — С. 57—62. Последовавшее вскоре решение правительства Финляндии в точности повторяло данный проект.

⁸ Там же. — С. 66—73.

⁹ Исландия и Франция не являются ее участниками и по сей день.

¹⁰ Даниленко Г.М. Обычай в современном международном праве. — М., 1988. — С. 65, 74, 78.

¹¹ Любопытно отметить, что данное решение было принято по предложению Гамильтона при противодействии Джефферсона, чье отношение к влиянию *rebus mutatis* на силу международных договоров, ставшее впоследствии классическим для США, было высказано им в соответствии с запросом Вашингтона 28 апреля 1793 г. применительно к воздействию политических изменений — событий французской революции — на ранее заключенные Соединенными Штатами договоры с Францией. Последние, по его мнению, должны были продолжать связывать американскую сторону, поскольку «не являются договорами между Соединенными Штатами и Людовиком Капетом, но между двумя государствами — Америкой и Францией; поскольку эти государства продолжают существовать, хотя в обоих за это время изменилась форма правления, эти изменения не прекращают действия указанных договоров» (цит. по Хайд Ч.Ч. Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки. — Т. 4. — М., 1952. — С. 397). Данный подход приобретает особое звучание при решении вопроса о якобы имевшем место в первые послереволюционные годы правомерном отказе большевиков от ряда договоров прежних русских правительств. США, надо отметить, всегда оставляли за собой большее пространство для маневра, нежели Великобритания. Их отношение к изменившимся обстоятельствам было не столь непримиримое, несмотря на родственность внутригосударственных правовых систем, и ссылки на *rebus mutatis* встречались в истории американской дипломатии. Однако они приводили лишь к приостановлению действия договора. Основа тому была заложена делом о договоре Клейтона—Булвера, который американцы пытались упразднить, к вящему недовольству англичан, именно на подобных основаниях, однако конгресс не поддержал данное предложение

госсекретаря и согласился лишь на приостановление (Moore J. A Digest of International Law. — Vol. 3. — Wash., 1906. — P. 189—197, 210—219). Приостановление действия договора (Конвенции о грузовой марке) имело место и при единственной в нашем веке ссылке США на доктрину *rebus sic stantibus*. Но даже и это мягкое решение вызвало бурю возмущения среди американских юристов (см. ниже).

¹² Как отмечает в своей книге Дж. Фостер, «ни договорные положения, ни его преданность церкви не могли заставить Наполеона исполнить данные обещания. Как он, так и прочие европейские державы признали, что изменившиеся обстоятельства его от таковых освободили» (Foster J.W. The Practice of Diplomacy. — Boston — N.Y., 1906. — P. 300).

¹³ По предложению, что небезынтересно, Англии в лице лорда Гранвиля (Лондонская конференция. — СПб., 1871. — С. 5).

¹⁴ Там же. — С. 9—10. Декларация относилась вопреки мнению, распространенному среди юристов стран общего права, лишь к данному случаю и не создала новой нормы (Анцилотти Д. Курс международного права. — Т. 1. — М., 1961. — С. 386—387; Фердросс А. Международное право. — М., 1959. — С. 196).

¹⁵ Лондонская конференция. — СПб., 1871. — С. 7. Э. Кауфман справедливо полагал, что стороны не отрицали саму значимость клаузулы *rebus sic stantibus*, а лишь ее применимость в данном случае (Kaufmann E. Das Wesen des Völkerrechts und die Clausula rebus sic stantibus. — Tübingen, 1911. — S. 12).

¹⁶ См. Байков А.Л. Правовое значение оговорки «*rebus sic stantibus*» в междувластных отношениях. — М., 1916. — С. 4—5.

¹⁷ Archives diplomatiques. — 2e série. — Т. 19. — P., 1886. — P. 324—325.

¹⁸ Archives diplomatiques. — 3e série. — Т. 109. — P., 1909. — P. 275—290.

¹⁹ См. Guggenheim P. Traité de droit international public. — Т. I. — Genève, 1967. — P. 120; Ковалев Ф.Н. Коренное изменение обстоятельств: доктрина и практика. Советское государство и право. — 1970. — № 3. — С. 66—67.

²⁰ Archives diplomatiques. — 3e série. — Т. 109. — P. 335.

²¹ См. Байков А.Л. Указ. соч. — С. 90.

²² См. Pouritch B. De la clause «*rebus sic stantibus*» en droit international public. — P., 1918. — P. 147—149.

²³ См. Crandall S.B. Treaties. Their Making and Enforcement (2 ed.). — Wash., 1916. — P. 442.

²⁴ Об этом упоминалось в статье 232 Версальского договора 1918 года (Хайд Ч.Ч. Указ. соч. — С. 393).

²⁵ Притязание обосновывалось, в частности, тем, что «события последних лет повлекли в политической области такие изменения, что ныне международная обстановка совершенно отлична от той, что существовала во время заключения договора» (Revue générale de droit international public. — 2e série. — P., 1924. — P. 299—301). Под «событиями последних лет» имелись в виду прежде всего революции в России и Германии.

²⁶ См. Фердросс А. Указ. соч. — С. 195.

²⁷ См. Bishop W.W. *International Law. Cases and materials.* — N.Y., 1953. — P. 160—162; Orfield L.B., *Re E.D. Cases and Materials on International Law.* — Indianapolis, 1955. — P. 62—63. Использование в данном деле ссылки на *rebus sic stantibus* подверглось критике многими американскими юристами (Хайд Ч.Ч. Указ. соч. — С. 396; Briggs H.W. *The Attorney General Invokes Rebus Sic Stantibus.* *American Journal of International Law.* — 1942. — Vol. 36. — P. 89 and ff.).

²⁸ В заявлении советского правительства говорилось, что со времени заключения договора «обстановка изменилась в корне» и «при таком положении (японо-германского союзничества) он потерял смысл и продление этого Пакта стало невозможным» (Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. — Т. 3. — М., 1947. — С. 166). Следует отметить, что в данном случае ссылка на *rebus mutatis* имела, по-видимому, второстепенное значение, поскольку преобладающим основанием было нарушение Японией своих обязательств по пакту.

²⁹ UN. Security Council. *Official Records.* — Second year. — N 70. — P. 1747—1779; N 80. — P. 2107—2113.

³⁰ Ковалев Ф.Н. Указ. соч. — С. 67.

³¹ В памятной записке советского правительства отмечалось, что вследствие подписания японо-американского договора о взаимном сотрудничестве и продлении пребывания иностранных войск на японской территории сложилось «новое положение, при котором невозможно осуществление обещания... о передаче островов» (Правда. — 1960. — 29 янв.).

³² См. L'Année politique, économique et diplomatique en France. 1966. — P., 1967. — P. 226—232, 414—416. Правомерность действий Франции признавалась даже в весьма недоброжелательном по отношению к ней исследовании американских юристов Э. Штейна и Д. Карро, где говорилось, что ссылки де Голля на изменившиеся обстоятельства были вполне оправданны (Stein E., Carreau D. *Law and Peaceful Change in a Subsystem: «Withdrawal of France from the Northern Atlantic Treaty Organisation».* *American Journal of International Law.* — 1968. — Vol. 62. — P. 577—640).

³³ Не только в заявлениях, а когда подтверждалось именно действием.

³⁴ Даниленко Г.М. Указ. соч. — С. 92.

³⁵ См. Ладыженский А.М. *Отмена капитуляций в Турции.* — М., 1914. — С. 1—19; Woolsey L. *The Unilateral Termination of Treaties.* *American Journal of International Law.* — 1926. — Vol. 20. — N 2. — P. 347—350; Hackworth G.H. *Digest of International Law.* — Vol. 5. — Ch. 16—18. — Wash., 1943. — P. 353; Hill Ch. *The Doctrine of «Rebus sic stantibus» in International Law*//The University of Missouri Studies. *A Quarterly of Research.* — Vol. 9. — July 1934. — N 3. — P. 28—29.

³⁶ См. Guggenheim P. *Op. cit.* — P. 190.

³⁷ См. Woolsey L. *China's Termination of Unequal Treaties.* *American Journal of International Law.* — 1928. — Vol. 21. — N 2. — P. 289—295.

³⁸ См. Guggenheim P. *Op. cit.* — P. 121—122.

³⁹ Даниленко Г.М. Указ. соч. — С. 113—119.

⁴⁰ Lauterpacht H. *International Law. Collected Papers.* — Vol. 1. —

Cambr., 1970. — P. 355 (цит. по Тиунов О.И. Принцип добросовестного соблюдения международных обязательств и доктрина «*rebus sic stantibus*». Советский ежегодник международного права, 1978. — М., 1980. — С. 106).

⁴¹ Признание возможности ссылки на *rebus mutatis* при одностороннем расторжении договора имело место путем однозначного заявления в девяти делах, а именно: Люцерн против Аарпай (*Taube M de. L'inviolabilité des traités. Académie de droit international de la Haye. Recueil des cours.* — T. 32. — N 2. — Bruxeles, 1930. — P. 363); Гунер против США (*Cases and Other Materials on International Law* (2 ed.). — St. Paul, Minnessota, 1936. — P. 933); Байер (*Annual Digest of Public International Law Cases. 1919—1922.* — L., 1932. — P. 395); Лепешкин против Гозвейлер и к^о (*Cases and Other Materials on International Law* (2 ed.). — P. 123—124); Вольный ганзейский город Бремен против Пруссии (*Annual Digest of Public International Law Cases. 1925—1926.* — L., 1929. — P. 353—354); Потшильд и сыновья против египетского правительства (*ibid.* — P. 22); Баден, Бавария, Саксония, Вюртемберг против германского рейха (*Annual Digest of Public International Law Cases. 1929—1930.* — L., 1935. — P. 332—333); Бертако против Банселя и Шольгуса (*Annual Digest of Public International Law Cases. 1935—1937.* — L., 1941. — P. 423); Странской против Цвинстенского банка (*International Law Reports. 1955.* — L., 1958. — P. 427). Это же следовало из смысла судебного решения по спору о действии в отношении Германии обязательств вошедшей в ее состав Пруссии (*Annual Digest of Public International Law Cases. 1927—1928.* — L., 1931. — P. 85).

⁴² В делах: О декретах о гражданстве в Тунисе и Марокко (*Cases and Other Materials on International Law* (2 ed.). — P.198—199); О свободных зонах (*Annual Digest of Public International Law Cases. 1931—1932.* — L., 1938. — P. 365).

⁴³ При вынесении решения по вопросу толкования Конвенции МОТ 1919 года о труде женщин в ночное время (*ibid.* — P. 413).

⁴⁴ См. Schmidt B. *Über die völkerrechtliche Clausula rebus sic stantibus sowie einige verwandte Völker rechtsnormen.* — Leipzig, 1907. — S. 45 ff.; Байков А.Л. Указ. соч. — С. 2.

⁴⁵ Другой крайностью является полное неприятие моральной невозможности как основания прекращения договоров и повсеместная замена ее физической, в том числе и применительно к принципу неизменности обстоятельств (см., например, точку зрения Дж. Фицмориса, изложенную в пункте 2i статьи 22 его второго доклада: *Yearbook of the International Law Commission.* — 1957. — Vol. 2. — P. 32).

⁴⁶ По справедливому мнению Дж. Фицмориса (*ibid.* — P. 48—52).

⁴⁷ См. *Annuaire de la Commission du droit international.* — 1963. — Vol. 1. — P. 152—157.

⁴⁸ Как обоснованно полагал Дж. Фицморис (*Yearbook of the International Law Commission.* — 1957. — Vol. 2. — P. 25—28).

⁴⁹ См. Полибий. Всемирная история в сорока книгах. — Т. 2. — М., 1895. — С. 212—213; Цицерон Марк Туллий. Об обязанностях. Цицерон. О старости. О Дружбе. Об обязанностях. — М., 1993. — С. 65—66 и др.

⁵⁰ Римское право не выработало, правда, на этот счет какого-либо

единого четко сформулированного принципа. Отталкиваясь от своих общих представлений о влиянии времени на право, соотношении права и факта, по нашему мнению, заслуживающих всяческого внимания, К.А. Митюков отмечал по этому поводу: «В праве римском... влияние времени на частные права развито довольно полно; но согласно с общим ходом развития этого права оно не высказало того общего начала, что все частные права прекращаются или приобретаются вследствие истечения известного периода времени» (Митюков К.А. Курс римского права. — Киев, 1912. — С. 51).

⁵¹ О торжестве стоического учения в европейском праве прекрасно писал Э. Ренан: «Римскому праву предстояло торжество менее шумное, нежели христианству, но в известном смысле более прочное. Вытесненное сначала варварством, оно воскреснет к концу средних веков, станет законом возрождающегося мира и при небольших изменениях сделается законом новейших народов. Этим-то путем великая школа стоиков, попытавшаяся во II веке преобразовать мир и испытавшая, как казалось, полную неудачу, в действительности одержала полную победу. Собранные классическими юристами времен Северов, искаженные и измененные Трибонианом, тексты сохранились и стали впоследствии законом всего мира» (Ренан Э. Марк Аврелий и конец античного мира. — М., 1991. — С. 23).

⁵² *Diractal*. — 1. — 2. — Vol. 24. — P. 27; *Sext*. — 1. — 2. — Vol. 2. — P. 1.

⁵³ *Taubé M de. Op. cit.* — P. 358.

⁵⁴ *Nussbaum A. A Concise History of the Law of Nation.* — N.Y., 1947. — P. 78.

⁵⁵ *Thomae Aquinatis. Summa Theologica. Secunda Secundae Partis.* — Romae, 1894. — P. 772—773.

⁵⁶ *Gentilis A. De iure belli.* — Hanoviae, 1612. — P. 244—245.

⁵⁷ См. Шуршалов В.М. Основные вопросы теории международного договора. — М., 1959. — С. 193.

⁵⁸ Перечень см. *Lauterpacht H. The Function of Law in the International Community.* — N.Y. — L., 1973. — P. 274—276.

⁵⁹ *Ibid.* — P. 274—279.

⁶⁰ *Pradier-Fodéré P. Traité de droit international public.* — 1885. — Vol. 2. — P. 933.

⁶¹ Ривье А. Учебник международного права. — М., 1893. — С. 230.

⁶² Бонуччи А. Оговорка *rebus sic stantibus* в межгосударственном праве. Журнал министерства юстиции. — 1910. — № 10. — С. 234—239.

⁶³ Овчинников И.А. Международное право. — СПб., 1908. — С. 233.

⁶⁴ Лист Ф. Международное право в систематическом изложении. — Юрьев, 1917. — С. 24.

⁶⁵ Анцилотти Д. Курс международного права. — Т. 1. — М., 1961. — С. 385.

⁶⁶ Гефтер А.-В. Европейское международное право. — СПб., 1880. — С. 193.

⁶⁷ Блюнчли И. Современное международное право цивилизованных государств, изложенное в виде кодекса. — М., 1876. — С. 274.

⁶⁸ Коркунов Н.М. Международное право. — СПб., 1886. — С. 117—118.

- ⁶⁹ Камаровский Л.А. Курс международного права. — М., 1900. — С. 74.
- ⁷⁰ Даневский В.П. Пособие к изучению истории и системы международного права. — Вып. 1. — Харьков, 1892. — С. 220.
- ⁷¹ Казанский П. Учебник международного права публичного и гражданского. — Одесса, 1904. — С. 266.
- ⁷² Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. — Т. 1. — СПб., 1904. — С. 435.
- ⁷³ Байков А.Л. Указ. соч. — С. 15.
- ⁷⁴ Ладыженский А.М. Международные договоры и оговорка относительно *rebus sic stantibus*/Юридический вестник. 1915. — Кн. 10. — № 2. — М., 1915. — С. 48.
- ⁷⁵ Bustamante Y Sirven A.S. de. Droit international public. — Т. 3. — Р., 1936. — Р. 492.
- ⁷⁶ Haraszti G. The Effect of a Change of Circumstances upon the Operation of International Treaties. Questions of International Law. — Budapest, 1968. — Р. 86—87; Haraszti G. Some Fundamental Problems of the Law of Treaties. — Budapest, 1973. — Р. 372, 376.
- ⁷⁷ Bogaret E. Le sens de la clause «*rebus sic stantibus*» dans le droit de gens actuel//Revue générale de droit international public. — 1966. — Т. 37. — N 1. — Р. 50—51.
- ⁷⁸ Outrata V. On the Principle Pacta Sunt Servanda/The Legal Principles Governing Friendly Relations and Cooperations Among States. — Leyden, 1966. — Р. 138.
- ⁷⁹ См. Тиунов О.И. Указ. соч. — С. 104.
- ⁸⁰ Ковалев Ф.Н. Указ. соч. — С. 70.
- ⁸¹ См. Камаровский Л.А. К учению о трактатах//Юридический вестник. — 1887. — Т. 24. — № 5. — С. 118.
- ⁸² Камаровский Л.А. Международное право. — М., 1897. — С. 75.
- ⁸³ Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. — С. 436.
- ⁸⁴ Камаровский Л.А. Курс международного права, читаемый в 1885/86 гг. — Б.м., б.г. — литография. — С. 209.
- ⁸⁵ Блюнчли И. Указ. соч. — С. 257.
- ⁸⁶ Laghi F. Teoria dei trattati internazionali. — Parma, 1882. — Р. 346—365.
- ⁸⁷ Уляницкий В.А. Международное право. — Томск, 1911. — С. 153.
- ⁸⁸ Овчинников И.А. Указ. соч. — С. 235.
- ⁸⁹ См. Камаровский Л.А. К учению о трактатах. — С. 118.
- ⁹⁰ Бонуччи А. Указ. соч. — С. 240—241.
- ⁹¹ Котляревский С.А. К вопросу об оговорке *rebus sic stantibus*. Известия МИД. — 1916. — Кн. 3—4. — С. 56—57.
- ⁹² Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. — М., 1915. — С. 378.
- ⁹³ Kaufmann E. Op. cit. — S. 196—204.
- ⁹⁴ Дженкс Э. Английское право. — М., 1947. — С. 25—26.
- ⁹⁵ Как, к примеру, правоведов, состоявших в католических монашеских орденах, — доминиканца Ф. де Витториа и иезуита Ф. Суареса. С постепенным вытеснением в международно-правовой науке

естественно-правового направления позитивным расхождением между юристами стран англо-американской и континентальной правовых систем на некоторые проблемы общей теории международного права стало еще заметнее.

⁹⁶ Гражданское и торговое право капиталистических государств. — М., 1993. — С. 290.

⁹⁷ Yearbook of the International Law Commission. — 1957. — Vol. 2. — P. 60.

⁹⁸ Ibid.; Дж. Самонд и Дж. Вильямс. Основы договорного права. — М., 1955. — С. 577—603.

⁹⁹ В деле *Bell v. Lever Bros., Ltd.* (1932) (Дж. Самонд и Дж. Вильямс. Указ. соч. — С. 585).

¹⁰⁰ Brierly J.L. The Law of Nations. — Oxford, 1928. — P. 173.

¹⁰¹ Wildman G. Institutions of International Law. — Vol. 1. — L., 1849. — P. 175.

¹⁰² Phillimore R. Commentaries upon International Law. — Vol. 2. — L., 1885—1897. — P. 114.

¹⁰³ Brierly J.L. Op. cit. — P. 172—174.

¹⁰⁴ Laurence T. The Principles of International Law. — Boston, 1898. — P. 288.

¹⁰⁵ Crandall S.B. Op. cit. — P. 441.

¹⁰⁶ Fairman Ch. Implied resolute conditions in treaties//American Journal of International Law. — 1935. — Vol. 29. — P. 219.

¹⁰⁷ Хайд Ч.Ч. Указ. соч. — С. 393—395.

¹⁰⁸ Lauterpacht H. International Law. Collected Papers. — Vol. I. — P. 355.

¹⁰⁹ Jackson B. A Manual of International Law. — L., 1947. — P. 50.

¹¹⁰ Schwarzenberger G. A Manual of International Law. — L., 1947. — P. 67.

¹¹¹ Stark J.G. An introduction to international law. — L., 1954. — P. 324—327.

¹¹² Причем одни из самых преданных — Дж. Брайерли, Г. Лаутерпахт, Дж. Фицморис и Г. Вальдок.

¹¹³ Эту мысль выразил и О.И. Тиунов, отнеся ее, правда, к доктрине *rebus sic stantibus*, поскольку нормативность последней он не признавал: "... Направленность этой статьи (62-й) противоположна содержанию доктрины «*rebus sic stantibus*»" (Тиунов О.И. Указ. соч. — С. 106).

¹¹⁴ Annuaire de la Commission du droit international. — 1963. — Vol. 2. — P. 83.

¹¹⁵ Yearbook of the International Law Commission. — 1956. — Vol. 1. — P. 227.

¹¹⁶ Annuaire de la Commission du droit international. — 1963. — Vol. 1. — P. 148—152.

¹¹⁷ В некоторых работах по данному вопросу это, к сожалению, иногда обходится стороной (см., например, Ерпылева Н.Ю. Доктрина неизменных обстоятельств в международном праве. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — М., 1991. — С. 131).

¹¹⁸ Даниленко Г.М. Указ. соч. — С. 43, 55, 147.

¹¹⁹ Иначе применение обычной нормы было бы невозможным, поскольку, как полагал Г.М. Даниленко, «наличие таких (сходных договорных) положений исключает возможность ссылок на обычное право вопреки (выделено мною. — М.К.) положениям конвенции» (Даниленко Г.М. Указ. соч. — С. 55).

¹²⁰ Европейских — 29, из них вообще не участвуют в конвенции, например, Франция, Норвегия, Португалия, Ирландия, Албания, Румыния.

¹²¹ Сведения на конец апреля 1995 года.

Статья поступила в редакцию в мае 1995 г.

Международная безопасность

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ВООРУЖЕНИЙ В КОСМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В.А. Никитин

Девяностые годы нынешнего столетия, по-видимому, войдут в историю международных отношений как переходный период. С окончанием холодной войны завершилась целая эпоха жесткого конфронтационного противостояния двух супердержав и суперблоков. Ее долгожданное и в то же время во многом неожиданное завершение наступило столь стремительно и повлекло за собой столь огромные структурные изменения всей системы международных отношений, что вряд ли кто из серьезных политиков может четко и надежно предсказать, чем же завершится этот перестроечный процесс в мире и в какую новую эпоху вступает человечество. Совершенно очевидным на сегодняшний день является тот факт, что тяжелое наследие холодной войны в виде умопомрачительного по количеству и изощренности накопленного на планете оружия потребует еще долгих и напряженных усилий по приведению запасов оружия в соответствие с реальными потребностями обеспечения национальной безопасности всех членов международного сообщества. Одной из сфер, где, по мнению многих, нужны дополнительные меры, является космическое пространство. Попытки оградить космос от распространения на него гонки вооружений, захлестнувшей страны и регионы на Земле, насчитывают столько же лет, сколько и сама космическая эра.

С самых первых дней и шагов по освоению космического пространства оба пионера космонавтики — США и СССР — оценили и максимально использовали потенциал космоса для военных целей. Несмотря на многократные публичные заявления обеих стран об их приверженности мирному использованию космоса, по оценкам специалистов, до 90% находящейся в космосе техники предназначено для военных целей. Только в 80-е годы США и СССР израсходовали на программы военного освоения космоса около 80

млрд. долл. каждый. Ситуация такова, что из действовавших приблизительно 300 спутников в конце 80-х годов на долю СССР приходилось около 150 военных спутников, а на долю США — около 100. Советский Союз обновлял свой космический флот рекордными темпами. В год выводилось на разные орбиты до сотни спутников, в то время как США запускали по 20 систем¹.

Действующие военно-космические системы обычно выполняют два вида функций: получение информации и ее передачу. Спутники используются для получения данных о дислокации и деятельности вооруженных сил на Земле, для ведения радиотехнической и радиоэлектронной разведки. Важными функциями являются наблюдение за погодными условиями, предупреждение о пуске ракет и обнаружение ядерных взрывов, обеспечение связи с войсками и между ними. Многие аспекты космической деятельности, несмотря на тенденцию к большей открытости, остаются окутанными плотной завесой секретности, и, видимо, в обозримом будущем определенная информация о возможностях и рабочих параметрах некоторых категорий спутников все же будет оставаться закрытой. Важным также является тот аспект, что большинство космических технологий имеют сплошь и рядом двойное назначение. Например, те же метеорологические спутники важны как в гражданском секторе, так и для обеспечения действий войск.

В качестве практической иллюстрации использования подобной техники можно отметить, что, несмотря на многочисленные заверения о партнерстве с Россией, США продолжают наращивать свой потенциал космической разведки. Так, мощные низкоорбитальные спутники «Кихоул-11» и «Кихоул-12», обладающие разрешающей способностью до 0,15 м, позволяют безошибочно определять любые системы оружия и контролировать перемещения любой боевой техники. ИСЗ «Риолит» и «Аквакейд», находясь на геостационарных орбитах, ведут перехват телеметрической информации при пусках баллистических ракет, а также информации, передаваемой по каналам военной и государственной связи России. В состав космической разведки США входят ИСЗ «Феррет-D», определяющие частоты и координаты радиолокационных станций всех родов войск, «Лакрос» для наблюдения за деятельностью ВМФ, и другие спутники самого широкого спектра военного назначения.

Космическое пространство со временем стало важнейшей средой в процессе достижения и поддержания стратегической стабильности в мире. Его военное использование не ограничивается только размещением и функционированием различных спутников военного назначения. В эпоху стратегического ракетно-ядерного оружия и доминанты доктрин ядерного сдерживания проблема военного ис-

пользования космоса связана в первую очередь с прохождением через космическое пространство траекторий межконтинентальных баллистических ракет. И поэтому проблема ограничения военного использования космоса непосредственно связана с прогрессом в области ядерного разоружения. Но, кроме того, в ряде стран, прежде всего в США, периодически возникают дебаты и разрабатываются различные планы размещения систем противоракетной обороны космического базирования, противоспутникового оружия, боевых космических станций, военного использования космических кораблей многоцелевого пользования, систем ПРО театра военных действий.

Все это объясняет, почему по мере расширения масштабов деятельности одних стран по обеспечению своей национальной безопасности с использованием космического пространства усиливается озабоченность многих других государств по поводу риска распространения гонки вооружений на космическое пространство. Эта озабоченность обостряется отсутствием всеобъемлющих механизмов предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве. Рост численности государств с космическим потенциалом влечет за собой не только региональные, но и глобальные последствия. И нет четкой международной системы, гарантирующей, что эти новые космические державы будут ограничивать свою деятельность исключительно мирными исследованиями, чему уже есть яркие примеры. Так, первый же израильский ИСЗ выполнял чисто разведывательные функции. Это объясняет, почему некосмические страны добиваются того, чтобы космические державы не использовали свой космический потенциал против остального мира. Кроме того, большая группа неприсоединившихся стран по сей день отвергает какое-либо военное использование космоса и настаивает на его исключительно мирном использовании. Из года в год на протяжении последних 15 лет Генеральная Ассамблея ООН принимает резолюции, выражающие убежденность в необходимости «выработки эффективных и поддающихся контролю двусторонних и многосторонних соглашений в целях предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве» и подтверждающие «важность и безотлагательность задачи предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве и готовность всех государств внести свой вклад в достижение этой общей цели в соответствии с положениями Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела» (далее по тексту — Договор по космосу).

Первые попытки предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве и создания соответствующего правового ре-

жима относятся к 1957 году, когда США сначала в рамках ООН, а в дальнейшем в Подкомитете Комиссии по разоружению совместно с Великобританией, Францией и Канадой предложили запретить использование баллистических ракет в военных целях и рассмотреть вопрос о возможности разработки системы инспекций обеспечивающих запуск объектов в космическое пространство исключительно в мирных и научных целях². Советская сторона заподозрила в этом предложении попытку Запада затормозить, если не остановить, ее космическую программу. Советский ответ увязывал этот вопрос в единый пакет с вопросом вывода тактических ракет из соседних с СССР стран³. Несмотря на очевидную несовместимость позиций, дальнейшая активизация космической деятельности двух сверхдержав привела к осознанию необходимости выработки правовых принципов, регулирующих деятельность по исследованию и использованию космического пространства. В результате 13 декабря 1963 г. Генеральная Ассамблея приняла знаменитую резолюцию 1962 (XVIII), содержащую декларацию об этих принципах. Важнейшим исходным пунктом явилось положение об использовании космического пространства на благо и в интересах всего человечества, открытость космического пространства и небесных тел для исследования и использования всеми государствами на основе равенства и в соответствии с международным правом, отказ кому бы то ни было в национальном присвоении космического пространства и небесных тел ни путем провозглашения суверенных прав, ни посредством оккупации, ни любыми другими способами. В декларации, в частности, предусматривалось, что «если какое-либо государство имело основание полагать, что деятельность в космосе или эксперимент, планируемые другим государством, могут потенциально вредить деятельности в деле мирного исследования и использования космического пространства, оно может требовать проведения консультаций относительно такой деятельности или такого эксперимента» (принцип 6). Поскольку положения таких деклараций носят, как правило, лишь рекомендательный характер, Генеральная Ассамблея ООН сочла необходимым, чтобы международное сообщество оформило эти правовые принципы в виде международного соглашения.

Первым всемирным договором, ограничивавшим военную деятельность государств в космическом пространстве, явился Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой 1963 года, который навечно оградил космос от ядерных взрывов, будь они испытательными или любыми другими. К сожалению, этот договор не предусматривает международного механизма проверки и государства-участники вправе осуществлять ее сами с помощью своих национальных тех-

нических средств (НТС). К настоящему времени к этому договору присоединились свыше 120 государств.

Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, принятый Генеральной Ассамблеей ООН 14 декабря 1966 г. на основании совместного советско-американского проекта, вообрал в себя все позитивные идеи и предложения, накопленные к тому времени, и явился новым шагом в создании правового режима, регламентирующего военную деятельность в космосе. Согласно статье IV, государства-участники обязались не выводить на орбиту вокруг Земли объекты с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом. В договоре также предусматривалось, что Луна и другие небесные тела будут использоваться исключительно в мирных целях и что на небесных телах запрещается создание военных баз, сооружений и укреплений, испытание любых типов оружия и проведение военных маневров. Договор также инициировал ряд других важных юридических норм, регулирующих космическую деятельность. Однако даже уже в те далекие годы, вскоре после того, как улеглась эйфория торжеств по случаю подписания этого документа, стали раздаваться голоса недовольства и разочарования в связи с тем, что космические державы, стремительными темпами наращивавшие свои ядерные арсеналы, мягко говоря, навязали международному сообществу два разных юридических режима для космического пространства. Один из них установил для Луны и других небесных тел режим полной демилитаризации — использование исключительно в мирных целях. Другой же режим применительно к ближнему и глубокому космосу оставил ядерно-космическим державам весьма широкую сферу для военных действий. В те годы основная угроза представлялась в виде либо ядерного оружия, либо других видов оружия массового уничтожения. Тогдашние темпы технического прогресса не позволяли четко обозначить дальнейшие возможные виды военного использования космоса. Однако уже тогда космические державы помимо наращивания своих стратегических сил активно работали в направлении создания противоракетных и противоспутниковых систем, которые подразумевали военное, а в гипотетическом варианте и чисто агрессивное использование космоса. Хотя Договор по космосу, несомненно, явился положительным шагом, при его оценке по прошествии почти 30 лет напрашивается вывод, что он заложил мину замедленного действия и стремительный прогресс космической технологии может привести в действие взрывной механизм. Собственно, уже вскоре после под-

писания договора многим стало ясно, что он оставил больше вопросов, чем дал ответов. Иначе не было бы предложения Италии в 1968 году о дополнении статьи IV договора обязательством со стороны государств-участников не выводить на полную или частичную орбиту вокруг Земли или любого другого небесного тела любые объекты с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения, не устанавливать такое оружие в космическом пространстве каким-либо образом или не направлять его в глубокий космос⁴. Уже тогда Италия внесла проект резолюции ГА ООН с рекомендацией Комитету восемнадцати государств по разоружению изучить указанный вопрос в срочном порядке и предпринять необходимые шаги для внесения поправок в договор. По понятным причинам проект не получил дальнейшего развития. На сегодняшний день к договору присоединились уже около 100 государств.

Не найдя универсального решения проблемы в 1967 году, международное сообщество пошло по пути постепенных частичных решений. Следующим шагом после Договора по космосу стало Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и объектов, запущенных в космическое пространство, 1967 года, в котором принимают участие 70 государств. Озабоченность возможным ущербом от космических объектов привела к выработке и подписанию в 1971 году конвенции о международной ответственности за такой ущерб. Узкий круг космических государств объясняет тот факт, что пока к этой конвенции присоединились только 35 государств.

Аналогичная ситуация сложилась и с Конвенцией о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство, подписанной в 1975 году. На сегодняшний день лишь 37 государств-участников взяли на себя обязательство регистрировать свои космические объекты путем записи в соответствующий регистр и информировать Генерального секретаря ООН об учреждении такого регистра. Генеральный секретарь ведет реестр, в который заносится информация, предоставляемая каждым государством регистрации в соответствии со статьей II. В статье IV перечисляются необходимые виды информации: название запускающего государства или запускающих государств; соответствующее обозначение космического объекта; дата и территория или место запуска; основные параметры орбиты и общее назначение космического объекта. Конвенция явилась важным вкладом в укрепление правового режима космоса, поскольку в ней содержался набор мер укрепления доверия и действий, обеспечивавших то, что в дальнейшем стало называться транспарентностью в космической деятельности. Однако ее дальнейшая имплементация со временем стала

подвергаться справедливой критике. Запускающие страны затягивают предоставление необходимой информации иногда на год, а то и вообще не считают нужным ее обнародовать; объем этой информации чрезвычайно скуп и не всегда дает полное представление о миссии того или иного объекта, почти никогда не объявляются военные назначения космических объектов. Специалистам известно, что для определения функционального назначения спутника необходимо знать шесть основных параметров, но их не всегда можно найти в упомянутом выше реестре. Естественно, отсутствие достаточной и достоверной информации не способствует созданию климата доверия.

Военные действия США во Вьетнаме в 60—70-е годы с широким применением дефолиантов, вызвавшие бурю протеста по всему миру, привели к подписанию в 1978 году Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду. Ее сфера действия охватывает биоту Земли, ее литосферу, гидросферу и атмосферу, а также космическое пространство. Конвенция предусматривает механизм международных процедур в рамках ООН и Консультативного комитета экспертов. Но по сей день не прекращаются дискуссии по поводу различного толкования критериев, установленных конвенцией, — «широкие, долгосрочные и серьезные последствия». К сожалению, из почти 200 членов международного сообщества лишь 57 присоединились к этой конвенции.

Принципы, закрепленные в Договоре по космосу, получили дальнейшее развитие в Соглашении о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 года, которое юридически закрепило использование Луны исключительно в мирных целях. Оно запрещает угрозу силой или применение силы, или любые другие враждебные действия, или угрозу совершения враждебных действий на ней, а также подтверждает обязательства государств не выводить на орбиту вокруг Луны или на другую траекторию полета к Луне, или вокруг нее объекты с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения, а также не создавать военных баз, сооружений и укреплений.

Среди других международных юридических документов, внесших вклад в укрепление режима мирного использования космоса, следует назвать Конвенцию Международного союза электросвязи, принятую в 1992 году и дополненную Регламентом радиосвязи и заключительными актами всемирных административных конференций радиосвязи. Конвенция вменила в обязанность каждому оператору спутника, независимо от выполняемых спутником задач, уведомлять Международный комитет регистрации частот (МКРЧ) о своих планах, не допуская вредных помех для работы других спут-

ников и космических систем. Рассмотрение действующего ныне юридического режима было бы неполным без хотя бы краткого упоминания основных двусторонних советско- и российско-американских договоров и соглашений, регламентирующих использование военной космической техники. Первым в этой области следует назвать Соглашение об уменьшении опасности возникновения ядерной войны 1971 года, поскольку участники соглашения признали правомерность использования некоторых спутниковых систем для военных целей. Подписанный 26 мая 1972 г. Договор по ПРО предусмотрел использование национальных технических средств (НТС) для целей контроля и проверки выполнения этого договора. Его участники не только подтвердили правомерность эксплуатации разведывательных спутников для контроля за выполнением Соглашения по ограничению стратегических вооружений, но и фактически ввели режим иммунитета для них. В дальнейшем обязательство не чинить препятствий НТС было закреплено и подтверждено в ряде других соглашений между СССР и США, таких как Соглашение ОСВ-1 1972 года, Договор о пороговом запрещении испытаний 1974 года, Договор о мирных ядерных взрывах 1976 года, Договор ОСВ-2 1979 года, Договор СНВ-1 1991 года, Договор СНВ-2 от 3 января 1993 г. Все эти договоры и соглашения значительно ограничивают средства использования космоса в военных целях. Некоторые из них внесли и существенные качественные ограничения военно-космических систем. Так, особую роль играют меры, предусмотренные в Договоре по ПРО, где стороны обязались «не создавать, не испытывать и не развертывать системы или компоненты ПРО морского, воздушного, космического или мобильно-наземного базирования» (статья V, п. 1). Согласно положениям пункта 1с статьи 9 Договора ОСВ-2, запрещается создание, испытание и развертывание средств для вывода на околоземную орбиту ядерного оружия или любых других видов оружия массового уничтожения, включая частично орбитальные ракеты. Таким образом, то, что предлагалось Италией в качестве международной нормы в 1968 году, воплотилось в норму двустороннюю лишь спустя десятилетие. Использование военно-космической связи в интересах взаимной безопасности между этими двумя странами отсчитывается с 1963 года и закреплено в ряде двусторонних соглашений.

Развитие международного космического права и формирование правового режима использования космического пространства позволили добиться полной демилитаризации и нейтрализации небесных тел, а также ограничили использование этой среды в военных целях. Однако достигнутые ограничения не являются полными, и это положение признается подавляющим большинством юристов во всем мире. На пути возможной милитаризации космоса пока не

удалось создать надежного международно-правового барьера. Ни один из существующих договоров не запрещает многие виды использования космического пространства в военных целях. Так, нынешний правовой режим не запрещает и не регулирует использование спутников наблюдения, навигации, метеорологии в военных целях. Кроме того, по сей день не исключена возможность размещения в космосе таких видов оружия, которые не подпадают под определение «оружие массового уничтожения». Не запрещены также:

- разработка, подземные испытания и развертывание ядерного оружия, даже того, которое предназначено для использования в космическом пространстве при условии, что оно не размещено и не испытано в космосе;

- разработка, испытание и развертывание противоспутниковых систем (ПСС) с использованием обычного оружия или оружия направленной энергии. Однако существуют некоторые ограничения по использованию ПСС, в частности если они являются носителями ядерных зарядов, а также в отношении ПСС, обладающих способностями или характеристиками ПРО;

- исследования (не являющиеся разработкой) систем ядерного, обычного и оружия направленной энергии, предназначенных для систем ПРО;

- разработка и испытание (но не развертывание) систем ПРО наземного базирования в дополнение к 100 пусковым установкам и ракетам ПРО, разрешенным Договором по ПРО 1972 года и Дополнительным протоколом 1974 года.

Все эти слабые места правового режима стали очевидны уже в 70-е годы. Активное развертывание обеими космическими державами космических станций, эксперименты в космосе с противоспутниковым оружием привели к тому, что многие члены международного сообщества все активнее настаивали на принятии новых мер по ограничению военного использования космоса. США и СССР, осознавая опасность планов милитаризации космоса, приступили в 1978 году к переговорам по вопросу о противоспутниковых системах, которые были прерваны в 1979 году американской стороной.

Вопросы недопущения гонки вооружений в космосе активно обсуждались на первой специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению в 1978 году. Еще накануне, 1 февраля 1978 г., Италия вновь вернулась к этому вопросу, предложив принять дальнейшие меры по предотвращению распространения гонки вооружений⁵. Это предложение вместе с пожеланиями многих других стран нашло свое отражение в пункте 80 Программы действий заключительного документа этой сессии, который

призывал к проведению соответствующих международных переговоров в соответствии с духом Договора по космосу. По мнению многих государств, проблема военного использования космоса и предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве должна была войти в компетенцию многостороннего форума переговоров по разоружению, учрежденного в Женеве, на который возлагались большие надежды.

Уже в первый год его работы, 26 марта 1979 г., Италия внесла на рассмотрение Комитета по разоружению официальный документ «Дополнительный протокол к Договору 1967 года... с целью предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве»⁶. Статья I этого документа имела столь радикальный характер, что заслуживает того, чтобы быть процитированной полностью:

«I. Космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, используется только в мирных целях. Государства — участники настоящего протокола обязуются воздерживаться от участия, поощрения или санкционирования прямо или косвенно, или какого-либо иного участия в любых мерах военного или другого враждебного характера, таких как создание военных баз, сооружений и укреплений, размещение устройств, имеющих подобное действие, вывод на орбиту или за ее пределы объектов с оружием массового уничтожения или любых других типов устройств, предназначенных для наступательных целей, проведение военных маневров, а также испытания любого вида оружия».

Статья II предусматривала, что каждое государство-участник обязуется принять любые меры, которые оно сочтет необходимыми в соответствии со своими конституционными процедурами, по запрещению или предотвращению любых действий, нарушающих положения протокола в любом месте, находящемся под его юрисдикцией или контролем. Эти две вступительные статьи оказались настолько неприемлемыми для США, что у итальянского правительства в этой связи были неприятности. Дальнейшие события показали, что и для других космических держав это предложение было преждевременным, и впоследствии его пытались дезавуировать, всячески приуменьшить его значимость и свести к минимуму ссылки на него.

Однако как таковой пункт «Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве» впервые появился в повестке дня Генеральной Ассамблеи ООН лишь в 1981 году на 36-й сессии по просьбе СССР, который представил тогда на рассмотрение Генеральной Ассамблеи проект «Договора о запрещении размещения в космическом пространстве оружия любого рода»⁷. Суть предложения состояла в том, чтобы исключить возможность превращения космоса в арену гонки вооружений и дополнительный источник

напряженности в отношениях между государствами. Проект договора предусматривал, что государства-участники возьмут на себя обязательство не выводить на орбиту вокруг Земли объекты с оружием любого рода, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом, в том числе и на пилотируемых космических кораблях многоразового использования как существующего типа, так и других типов, которые могут появиться у государств-участников в будущем. Документ также предусматривал обязательство каждого участника будущего соглашения не помогать, не поощрять и не побуждать любое государство, группу государств или международную организацию к осуществлению деятельности, противоречащей задаче неразмещения в космосе оружия любого рода. Предложение было поддержано многими странами, и в принятой Ассамблеей резолюции A/36/99 указывалось, что необходимо принять путем заключения соответствующего международного договора эффективные меры по предотвращению распространения гонки вооружений в космическом пространстве. Резолюция просила Комитет по разоружению в Женеве приступить к переговорам с целью согласования текста такого договора. Это предложение было представлено на рассмотрение Комитета по разоружению на его сессии 1982 года⁸. Однако члены западной группы высказали серьезные критические замечания. Так, представитель ФРГ 15 апреля 1982 г. заявил, что, по мнению его делегации, советский проект не является приемлемой основой для проведения переговоров в рамках Комитета по разоружению, так как «в статье III проекта предусматривается в качестве законной меры перехват космических объектов, если они используются не в мирных целях. Однако определение и решение вопроса о таком перехвате принимается лишь перехватывающей стороной, которая, таким образом, сама присваивает себе роль космической полиции. Отсутствие четких критериев и объективного определения обязательных условий для выполнения роли полиции открывает возможность для неправильного применения этого проекта и, более того, стимулирует разработку и испытание дополнительных противоспутниковых систем. Во-вторых, правила проверки, предусмотренные в статье IV, по-видимому, недостаточны даже при наличии других существующих многосторонних соглашений по разоружению и, конечно, не соответствуют целям самого проекта договора. По мнению моей делегации, необходимо иметь более тщательно разработанную систему проверки...»⁹. Представитель Франции 20 апреля 1982 г. также выразил обеспокоенность тем, что статьи I и III проекта договора дают «разрешение каждому государству уничтожать космический объект, который оно сочтет по собственному усмотрению, без кон-

сультаций и без ссылок на какой-либо ранее установленный критерий, носителем оружия. С другой стороны, проект договора предусматривает в отношении проверки соблюдения этих положений только национальные технические средства»¹⁰.

На той же 36-й сессии ГА ООН в 1981 году Италия от имени группы западных стран внесла проект резолюции, озаглавленный «Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве». В принятой по данному вопросу резолюции Ассамблея призвала ведущие космические державы активно содействовать предотвращению гонки вооружений в космосе и рекомендовала Комитету по разоружению начать соответствующие переговоры, уделив первоочередное внимание переговорам по эффективному и контролируемому соглашению о запрещении противоспутниковых систем. Активизация дискуссий по данным вопросам в стенах ООН и в Женеве была связана с расширением масштабов экспериментов с ПСС, загрязнением космоса космическим мусором, озабоченностью государств тем, что развертывание ПСС подорвет сформировавшуюся стратегическую стабильность. Масла в огонь добавила публикация в июле 1982 года «Директивы президента США о национальной космической политике», в которой излагались планы милитаризации космоса и превращения его в театр военных действий. Американская космическая программа ориентировалась на создание и развертывание на околоземных орбитах новых систем оружия, предназначенных прежде всего для выведения из строя «спутников противника, обеспечивающих функционирование его стратегических сил». Выступление 23 марта 1983 г. президента США Р. Рейгана с предложением о создании системы обороны для защиты от ракет противника на основе космических средств на годы омрачило международную обстановку, обострив взаимное недоверие, и затормозило многие разоруженческие переговоры.

В 1983 году в ответ на американский план «звездных войн» и разработки СОИ СССР выступил с новым предложением, на этот раз с проектом Договора о запрещении применения силы в космическом пространстве и из космоса в отношении Земли¹¹, который был представлен на сессии Конференции по разоружению 1984 года¹². Как подчеркивала советская делегация, новый проект учитывал позиции и соображения государств — участников Конференции, высказанные ими при обсуждении проекта договора 1981 года о запрещении размещения в космическом пространстве оружия любого рода. В представленном проекте предлагалось, чтобы государства-участники взяли на себя обязательства:

— не испытывать и не развертывать путем вывода на орбиту вокруг Земли, размещения на небесных телах или каким-либо иным образом любое оружие космического базирования для пора-

жения объектов на Земле, в воздушном и космическом пространстве;

— не использовать космические объекты, находящиеся на орбитах вокруг Земли, на небесных телах или размещенные в космическом пространстве каким-либо иным образом, в качестве средства поражения любых целей на Земле, в воздушном и в космическом пространстве;

— не уничтожать, не повреждать, не нарушать нормального функционирования и не изменять траекторию полета космических объектов других государств;

— не испытывать и не создавать новые противоспутниковые системы и ликвидировать уже имеющиеся у них такие системы;

— не испытывать и не использовать в военных, в том числе противоспутниковых, целях пилотируемые космические корабли.

Эти предложения СССР, безусловно, вызвали определенный интерес у некоторых делегаций в Женеве. А вот реакция двух основных оппонентов — Великобритании и США — была весьма резкой. Так, британский представитель заявил, что «предлагаемые всесторонние проекты договоров, представленные советской делегацией, возможно, также служат укреплению переговорных позиций Советского Союза на его двусторонних переговорах с США и имеют определенную пропагандистскую ценность с точки зрения оказания влияния на общественное мнение, но они не способствуют выполнению мандата этого комитета». Представитель США подчеркнул, что «существующий правовой режим одновременно полностью запрещает любое применение силы в целях агрессии и разрешает государству защищать себя в случае вооруженного нападения. Следовательно, советское предложение о запрещении применения силы в космическом пространстве либо является излишним для существующего правового режима, либо идет в обход существенной части современного международного права».

Ежегодное и единодушное принятие Генеральной Ассамблеей соответствующих резолюций с настоятельными призывами к практическим действиям (только США регулярно воздерживаются от голосования), казалось бы, давало основания надеяться на успешный ход переговоров. Однако реалии оказались более сложными. Конференции потребовалось три года, чтобы принять решение о создании специального комитета по вопросу предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве. С самого начала группы неприсоединившихся и социалистических стран, а также Китай настаивали на разработке соответствующих соглашений. Но поскольку основополагающим принципом на Конференции является принцип консенсуса, то, используя это правило процедуры, группа западных стран настояла на том, что в 1985 году, когда такой ко-

митет наконец был создан, Конференция смогла предложить ему в качестве первого шага изучить путем тщательного и общего рассмотрения вопросы, связанные с предотвращением гонки вооружений в космическом пространстве. В качестве программы работы были согласованы следующие три пункта: 1) рассмотрение вопросов, связанных с предотвращением гонки вооружений в космическом пространстве; 2) существующие соглашения, связанные с предотвращением гонки вооружений в космическом пространстве; 3) предложения и будущие инициативы по вопросам предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве¹³.

Уже в ходе первого года работы комитета многие делегации выразили озабоченность в связи с начавшимся широким использованием космического пространства для военных целей. Они подчеркивали, что большинство космических объектов, находящихся на орбите, хотя и не в виде оружия или платформы для оружия, выполняют, тем не менее, военные функции и являются составной частью наземных систем вооружений и стратегических доктрин, связанных с применением ядерного оружия. Со стороны некоторых делегаций прозвучала критика в связи с использованием космическими державами разведывательных спутников и спутников наблюдения с целью сбора стратегически важной информации о странах, которые не имеют возможности контроля за такой информацией или доступа к ней. Отмечались также случаи использования спутников для поддержки военных операций против развивающихся стран. Все это в дальнейшем наглядно подтвердилось в ходе ирано-иракской войны и операции «Буря в пустыне» в 1991 году. И естественно, немалое число делегаций неоднократно отмечало, что разработка новых систем космического оружия приведет к ускорению гонки вооружений как по горизонтали, так и по вертикали в ущерб существующему законодательству по космическому пространству. Начиная с 1986 года и по сегодняшний день комитет продолжает это «тщательное изучение и общее рассмотрение». В дальнейшем в ходе дискуссий в комитете неоднократно отмечалось, что потребность в предотвращении гонки вооружений в космическом пространстве не является исключительной прерогативой двух основных космических держав или стран, располагающих средствами для использования космического пространства. Неприсоединившиеся, нейтральные и развивающиеся страны также весьма заинтересованы в том, чтобы предотвратить появление оружия в космосе и сохранить его для мирных и справедливых целей.

Многие делегации подчеркивали, что осуществление проектов типа СОИ и эксперименты с противоспутниковым оружием, текущая и планируемая деятельность космических держав не только закрепят несправедливое использование космического пространст-

ва, но и поставят под угрозу его статус как зоны мира, как это определено в ряде международных документов. Внедрение ПСО, систем ПРО в любом виде, РЛС раннего обнаружения или слежения за космическим пространством, а также ракет класса «земля—воздух», которые можно использовать в режиме ПРО, нанесет серьезный удар по существующим международным соглашениям, касающимся космического пространства, в частности по положениям договоров об использовании космического пространства в мирных целях и противоракетной обороне. В этой связи раздавались предупреждения о том, что такой шаг может серьезно сказаться на отношениях между двумя крупнейшими державами, а также на безопасности во всем мире. Из года в год раздаются призывы о необходимости совершенствования современного правового режима космического пространства и сосредоточении усилий, особенно в рамках многосторонних переговоров, на укреплении соответствующих юридических норм.

С момента начала работы комитета Конференция приобрела значительный политический и юридический опыт в обсуждении и изучении этой проблемы. На столе переговоров накопились предложения как всеобъемлющего характера, так и по конкретным аспектам проблемы предотвращения гонки вооружений в космосе. На рассмотрении комитета продолжают оставаться предложения, внесенные Италией и СССР о поправках к статье IV Договора по космосу.

В 1987 году делегация Венесуэлы также обратила внимание Конференции по разоружению на возможность внесения поправки в статью IV Договора по космосу¹⁴. 2 августа 1988 г. глава делегации представил официальный документ — «Предлагаемые поправки к Договору по космосу»¹⁵. Суть этих поправок сводилась к тому, чтобы расширить запрет, содержащийся в статье IV, на вывод на орбиту вокруг Земли любых объектов с ядерным оружием, распространив его на все виды космического оружия или системы такого оружия, а также принять обязательства не разрабатывать, не производить, не хранить и не применять такое оружие. В этой связи было предложено и развернутое определение понятия «космическое оружие». Предполагалось, что поправки к договору будут дополнены принятием протокола о создании соответствующего механизма проверки для обеспечения соблюдения глобального запрета на космическое оружие.

В июле 1989 года делегация Перу представила на Конференции аналогичное предложение о внесении поправки к договору¹⁶. В препроводительной записке отмечалось, что «некоторые страны усматривают достаточную гарантию против какого-либо применения силы в ограничениях, содержащихся в статье III договора 1967

года, поскольку эта статья подчиняет космическую деятельность государств-участников международному праву и Уставу ООН. Но при этом игнорируется то обстоятельство, что задача заключается не в том, чтобы санкционировать новую категорию сдерживания, применимого к космическому пространству и основанного на испытанных и развернутых системах вооружений, а в том, чтобы не допустить или предотвратить реализацию именно такого сценария». Сопоставляя пункты 1 и 2 статьи IV и рассуждая от противного — что не запрещено, то разрешено, — можно прийти к заключению, что вывод в космос других видов оружия разрешен. Исходя из этого, делегация Перу предложила без ущерба для необходимых мер укрепления доверия, которые могут предшествовать или сопутствовать принятию соответствующих поправок, изменить статью IV следующим образом: «Государства — участники договора обязуются не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с любыми видами оружия на борту, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом». Одновременно Перу предложило разработать два дополнительных протокола. Поскольку поправка к статье IV договора касалась исключительно оружия, выводимого на орбиту, то первый протокол предусматривал проведение переговоров с целью запрещения разработки, производства, накопления и развертывания систем противоспутникового оружия, которые не размещены в космическом пространстве. Кроме того, в данный протокол предлагалось включить дополнительные положения, касающиеся ограничения систем ПРО, независимо от их характера. Второй Дополнительный протокол должен был предусмотреть систему контроля, необходимую для того, чтобы обеспечить строгое соблюдение обязательств, взятых на себя государствами-участниками, причем в данном случае речь должна была идти о комбинированной системе, основанной главным образом на сочетании многостороннего или международного подхода с национальным с использованием средств контроля, имеющихся у каждого государства-участника.

Все эти предложения активно дебатировались в 80-е годы в качестве возможных компонентов будущего соглашения. Но принцип консенсуса неумолим, и одна и та же делегация из года в год настойчиво заявляет, что существующий правовой режим контроля над вооружениями в космическом пространстве является справедливым, сбалансированным и широким и что этот режим гораздо лучше обеспечивает предотвращение гонки вооружений, чем любой сопоставимый правовой режим на Земле. По мнению США, любые проблемы, связанные с существующим правовым режимом, были бы присущи любому правовому режиму, как бы разработан

он ни был, поскольку наличия самого по себе правового режима недостаточно для предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве; такой режим требует еще и соблюдения, осуществления и участия. Кроме того, США считают, что многие обсуждаемые предложения основаны на неадекватной оценке или на неверном понимании существующего правового режима¹⁷.

Другая группа предложений о возможности разработки международного соглашения связана с проблемой обеспечения иммунитета искусственных спутников Земли. Эта проблематика на протяжении нескольких лет весьма активно рассматривалась как на пленарных заседаниях Конференции, так и в рамках специального комитета. Ряд стран, как располагающих космическими системами, так и приступающих к деятельности в этой области, выражал свою заинтересованность в охране спутников. Среди них Нидерланды и Канада, Австралия и Аргентина, Польша, Венгрия, Болгария, ФРГ и бывшая ГДР, Франция и Великобритания, Япония, Индонезия, Пакистан, Шри-Ланка и др. Многие из этих государств подчеркивали, что Конференция является именно тем органом, который может успешно заниматься на основе многостороннего участия проблемой защиты спутников и разработкой соответствующего кодекса поведения. Первой среди членов Конференции в пользу решения этой проблемы выступила Франция. В документе 1982 года «Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве»¹⁸ отмечалось, что «при решении проблем, связанных с гонкой вооружений в космическом пространстве, международное сообщество должно преследовать двоякую цель: не допускать того, чтобы космическое пространство превращалось в место начала военных действий, и защищать космические объекты, в особенности гарантировать иммунитет спутников. Однако первая цель, которая относится к технике будущего, может быть достигнута лишь в случае выполнения второй цели, которая касается многочисленных объектов, находящихся в настоящее время на орбите. Отсюда следует, что первоочередной характер необходимо придать вопросу о предоставлении иммунитета спутникам». Именно в этом документе впервые было высказано предложение о том, чтобы «уточнить, расширить и распространить за рамки двусторонних соглашений» иммунитет для всех существующих спутников, на которых «установлены» только пассивные средства защиты. В дальнейшем Франция неоднократно возвращалась к этой идее, дополняя ее новыми инициативами. Примечательно, что Великобритания уже в 1985 году высказалась по этому поводу положительно. В 1986 году ФРГ также выступила с аналогичной идеей, предложив создать специальный режим защиты спутников, призванный компенсировать их уязвимость. Идея заключалась в выработке двустороннего подхода. Первый предусматривал переговоры между США и СССР, в ходе

которых предлагалось договориться об ограничении материальной части в космосе. Другой подход предполагал в рамках многосторонних переговоров заняться правовым обеспечением неприкосновенности ИСЗ и с этой целью приступить к разработке режима защиты спутников по двум направлениям: одно заключалось бы в подготовке соглашения по обеспечению собственно правового иммунитета спутников, а другое — в достижении соглашения о параллельных мерах укрепления доверия, возможно в рамках соглашения «о правилах дорожного движения». Делегация ФРГ в дальнейшем выдвинула критерии разграничения ИСЗ при выработке правового режима. Так, спутники, выполняющие функции контроля, наблюдения, связи и управления и являющиеся важнейшими компонентами стратегической стабильности, должны были бы получить определенную защиту. Другие же, боевые спутники, выполняющие строго военные функции, не попадали бы под правовой иммунитет и в отношении их применялось бы право войны. В то же время представитель США заявил в 1988 году, что «те, кто внес эти предложения, очевидно, не в курсе, что уже существуют международные правовые инструменты по обеспечению иммунитета спутников. Эти инструменты запрещают применение силы по отношению к спутникам, за исключением случаев самообороны. Более того, эти международные инструменты идут дальше, нежели предложения, поскольку они также запрещают и угрозу использования силы по отношению к спутникам. С другой стороны, если эти предложения ставят перед собой цель запретить государствам принимать меры против спутников в случаях законной самообороны, то они подрывают Договор по космосу, Устав ООН и неотъемлемое право суверенных государств принимать меры, необходимые для их защиты в случае угрозы силой или ее применения». В результате вопрос так и остался на стадии обмена мнениями и за последние пять лет к нему практически никто не возвращался.

Говоря о юридических документах, которые могли бы внести положительную лепту в решение рассматриваемой проблемы, следует упомянуть предложение Пакистана о многостороннем документе, дополняющем советско-американский Договор по ПРО 1972 года¹⁹. Излагая суть этой инициативы в 1986 году, делегация Пакистана предложила в качестве временной меры и до заключения всеобъемлющего договора о предотвращении гонки вооружений в космическом пространстве принять международный документ, дополняющий Договор по ПРО, «для обеспечения того, чтобы принцип сдержанности, принятый двумя державами в этом договоре, не нарушался в результате бездействия или действия либо этих держав, либо других развитых в технологическом отношении государств». Такой документ, по замыслу этой делегации, должен содержать следующие элементы: а) признание и подтверждение

значения договора для предотвращения наращивания гонки вооружений, особенно в космическом пространстве; б) заявление о неизменной приверженности обеих держав строгому соблюдению положений этого договора, в частности его статьи V, в соответствии с которой они приняли на себя обязательство не создавать, не испытывать и не разворачивать системы или компоненты ПРО морского, воздушного, космического или мобильно-наземного базирования; в) ясное толкование научно-исследовательской деятельности, допустимой в соответствии с Договором по ПРО не только для двух сторон, но и для других развитых в технологическом отношении государств, с тем чтобы облегчить беспристрастное толкование таких неясных аспектов договора, как определение «исследования» и «использование других физических принципов»; г) обязательство других развитых в технологическом отношении государств не проводить своих собственных исследований, выходящих за установленные США и СССР рамки; д) описание механизма, позволяющего пресечь те виды деятельности, которые противоречат ограничениям, содержащимся в Договоре по ПРО. Если вспомнить, что середина 80-х годов была периодом активного проталкивания США идеи широкого толкования статьи V и попыток администрации Рейгана подогнать под нее программу СОИ, то можно оценить своевременность пакистанского предложения. Строго говоря, это предложение не потеряло своей актуальности и в новых условиях даже после подтверждения администрацией Клинтона приверженности ограничительному толкованию упомянутой статьи. Впоследствии ряд делегаций стран — членов Конференции по разоружению (Индонезия, Перу и Болгария) предложили дополнить Договор по ПРО положениями о запрещении противоспутникового оружия. И это дополнение подводит к еще одной группе предложений, обсуждавшихся на Конференции.

Предложения о запрещении ПСО можно объединить в группы по нескольким критериям.

Были внесены предложения о полном запрещении ПСО. Италия выступила пионером в этом смысле, предложив в упомянутом выше протоколе от 26 марта 1979 г. пересмотреть режим, установленный Договором по космосу, для того, чтобы запретить, в частности, создание и использование систем наземного или космического базирования, предназначенных для повреждения, уничтожения спутников других государств или создания помех в их функционировании.

Впоследствии в 1987 году Индия предложила разработать договор, запрещающий разработку, испытание и разворачивание всякого ПСО, а также ликвидацию существующих систем ПСО. К договору прилагались бы специальные протоколы применительно к различным категориям космических объектов: низкоорбитальным, высо-

коорбитальным и геостационарным²⁰. Идея была поддержана Индонезией, Китаем, Перу, СССР и др. Однако ФРГ внесла диссонанс в этот хвалебный хор, отметив, что всеобъемлющее запрещение всех систем, обладающих противоспутниковым потенциалом, не поддавалось бы контролю и не было бы приемлемым для всех заинтересованных сторон. Эта делегация предложила, чтобы США и СССР попытались найти совместное решение по вопросу о будущем соотношении между стратегическими наступательными и оборонительными системами. Говоря о роли комитета, делегация утверждала, что «он не может ни определять, ни навязывать темпы работы по этой важной двусторонней проблеме».

В 1989 году делегация Швеции внесла предложение о всеобъемлющем запрещении специализированных систем ПСО и соглашении о запрещении испытаний в противоспутниковом режиме различного рода неспециализированных систем. Признавая трудности с проверкой выполнения такого соглашения, Нидерланды и Шри-Ланка предложили найти способы защиты спутников на высоких орбитах и, соответственно, запрещения систем ПСО высокоорбитального действия. Рассмотреть вопросы ограничения противоспутниковой деятельности предлагалось также делегациями Великобритании и Пакистана. Ряд делегаций видит решение проблемы в одновременном запрещении систем ПСО и обеспечении иммунитета ИСЗ.

Не добившись договоренности ни по одному из описанных предложений, делегации ряда стран, особенно в последние несколько лет, активно предлагали сосредоточить усилия специального комитета на изучении мер по повышению транспарентности в космической деятельности, и в частности на вопросах проверки и контроля. Франция еще в 1978 году предложила создать международное агентство спутников контроля. Аналогичное предложение было внесено в 1987 году СССР, правда, под названием международного космического инспектората. В том же году Канада выработала концепцию, получившую название «Пакссат» и предусматривавшую через международное соглашение использование спутников третьих стран для контроля за размещением оружия в космосе. В 1988 году СССР в развитие идеи, выдвинутой Францией, предложил приступить к созданию международного агентства космического наблюдения²¹. В 1989 году Франция вновь вернулась к своему первоначальному плану 1978 года, предложив дополнить его центром трасктографии²², а позже, в 1993 году, — еще и центром уведомления о запуске космических объектов и баллистических ракет²³.

Большая группа предложений, особенно со стороны развитых в технологическом отношении стран — Канады, Нидерландов, Япо-

нии, Франции и ряда других, — касается укрепления конвенции 1975 года о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство, усиления применения конвенции в целях контроля за вооружениями. Многие страны отмечают, что регистр космических объектов в его нынешнем виде не отвечает современным требованиям безопасности и нуждается в усовершенствовании. В этой связи Австралия и Канада еще в 1988 году внесли рабочий документ, в котором отмечали, что многосторонний обмен данными о космических объектах военного назначения мог бы содействовать обеспечению большей открытости²⁴. В 1992 году делегация Нидерландов, предлагая пакет мер по совершенствованию механизма Конвенции о регистрации, высказала мнение о том, что регулярное использование статьи IX Договора по космосу вполне могло бы послужить в качестве своего рода консультативного механизма для расширения характера и объема информации, предоставляемой по конвенции. Статья XI Договора по космосу могла бы послужить в качестве основы для запроса данных, выходящих за рамки того, что представляется в настоящее время. По мнению голландской делегации, это также подчеркнуло бы более активную роль, которую вправе играть Генеральный секретарь ООН в выполнении функции по сбору информации²⁵.

Конференция также накопила впечатляющее количество предложений, направленных на укрепление мер доверия, что на данном этапе для многих делегаций представляется более реалистичным подходом к глобальной проблеме предотвращения гонки вооружений в космосе. Но рассмотрение этих предложений выходит за рамки этой статьи.

После схематичного рассмотрения основных предложений возникают законные вопросы: что сделано комитетом за годы работы для достижения задачи, поставленной перед ним международным сообществом: в какой мере его деятельность способствует укреплению правового режима космического пространства? Если оценивать работу комитета с точки зрения потенциальных возможностей, то можно, безусловно, констатировать, что в нем заложены фундаментальные основы для практической работы. Если же к итогам десятилетнего обмена мнениями подходить с точки зрения практической действенности, то, по мнению большинства членов Конференции по разоружению, представляющих все континенты и основные региональные группы, вывод может быть далеко неутешительным. В практическом плане с момента принятия Договора по космосу, почти за тридцать лет, международное сообщество так и не смогло добиться единого понимания того, каким же должен быть правовой режим космического пространства в обозримом будущем с учетом стремительного технологического развития, чтобы

обеспечить международную безопасность и стабильность для всех без исключения членов международного сообщества. Несмотря на весь накопленный набор идей и предложений, как это ни парадоксально, ни Специальный комитет по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве, ни Конференция по разоружению в целом до сих пор не только не приступили к переговорам, а даже не определились, в чем же должно заключаться это предотвращение.

Представляется, что Конференции настоятельно необходимо выработать единое понимание существующего режима, согласовать определения ключевых терминов, внести ясность в проблемы стабильности. Как следует из мандата комитета, существует общее понимание, что в настоящее время гонка вооружений в космосе как таковая не ведется, но существуют планы различных государств, вызывающие серьезную озабоченность международной общественности. За годы обсуждения этого вопроса в комитете накопилось немало примеров различных толкований и неточных применений одних и тех же терминов. От комитета не ждут решения вопроса границ космического пространства, чем уже многие десятилетия безуспешно занимается Комитет по использованию космического пространства в мирных целях. Но его первоочередная задача заключается в том, чтобы попытаться найти ответы на такие принципиальные юридические вопросы, как признавать ли правомочность использования космоса в военных целях, легализовав это в международном масштабе, или же смириться с фактом существования таких технических возможностей у ограниченной группы государств, что, видимо, неприемлемо для многих других государств.

Если признавать публично юридический факт и практику использования космического пространства в военных целях, то фундаментальная задача комитета должна состоять в том, чтобы, объединив усилия юристов, политиков и военных специалистов, определить, какие виды военной деятельности в космосе допустимы, а может быть, и необходимы с точки зрения обеспечения стратегической и региональной стабильности и контроля за соблюдением выполнения различных договоров по контролю над вооружениями и разоружению, в какой мере эти виды деятельности соответствуют трем основным свободам в отношении космического пространства — праву свободного доступа, праву свободного исследования и праву свободного использования. Известно, что по сей день продолжают конкурировать два различных подхода к толкованию термина «мирные цели». Согласно одной точке зрения, этот термин запрещает использование космического пространства лишь в агрессивных военных целях. Сторонники противоположной

точки зрения приравнивают понятие «использование в мирных целях» к понятию «использование в невоенных целях». По-видимому, с учетом нынешних реалий и масштабов деятельности в космосе и ее роли в поддержании мира на Земле и перспектив развития, в первую очередь космической и компьютерной технологий, пора серьезно подумать о возможности юридического разграничения космических видов деятельности на мирные и военные, а также о дополнительном разделении военно-космических видов деятельности на «военно-агрессивные» и «военно-неагрессивные», к чему еще в 1982 году призывал известный юрист-международник Ю.М. Колосов. Решение этого затянувшегося юридического и политического спора позволило бы Конференции по разоружению сдвинуть с точки замерзания работу ее специального комитета, четко обозначить, какие виды деятельности подлежат полному запрету, и определиться со сферой ограничения других видов деятельности. Это также помогло бы комитету выбраться из дебрей схоластических дискуссий о том, запрещать или не запрещать, что запрещать и как, затянувшихся споров об адекватности нынешнего правового режима и приступить к выполнению своего мандата. Но это подразумевает готовность всех без исключения участников переговоров взглянуть на стоящую перед комитетом задачу с позиций необходимости сохранения мира в интересах всего человечества.

В декабре 1994 года 49-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН, вновь отметив важность и безотлагательность задачи предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве и готовность всех государств внести свой вклад, в очередной раз подтвердила, что Конференции по разоружению как единственному многостороннему переговорному форуму принадлежит первостепенная роль в вопросе о заключении многостороннего соглашения или соглашений о предотвращении гонки вооружений в космическом пространстве во всех ее аспектах. Ассамблея предложила Конференции активизировать рассмотрение этого вопроса, вновь восстановив с этой целью специальный комитет с соответствующим мандатом, и продолжить расширять зоны совпадения взглядов, имея в виду провести переговоры о заключении соглашения. Однако уже первые месяцы работы Конференции в 1995 году показывают, что ее основные усилия и в этом, и в следующем году будут сконцентрированы на выработке договора о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия и, по-видимому, на данном этапе вряд ли удастся достичь прорыва на космическом направлении. Но логично и справедливо ожидать, что после заключения договора о ядерных взрывах и продлении Договора о нераспространении ядерного оружия настанет черед взглянуть беспристрастно и критичес-

ки на военную деятельность в космосе и добиться согласия о его неагрессивном мирном использовании. Успех комитета и Конференции в целом в этом вопросе явился бы эпохальным вкладом в международное космическое право и укрепление мира на планете.

-
- ¹ US. Military Encyclopedia. — 1993. — P. 2488.
 - ² UN. General Assembly. A/C.1/783. — 1957, 12 Jan.
 - ³ UN. General Assembly. A/3818. — 1958, 17 March.
 - ⁴ UN. General Assembly. A/7221. — 1968, 10 Sept.
 - ⁵ Там же. A/AC.187/97. — 1978, 1 Febr.
 - ⁶ Комитет по разоружению. CD/9. — 1979, 26 March.
 - ⁷ UN. General Assembly. A/36/192. — 1981.
 - ⁸ Комитет по разоружению. CD/274. — 1982, 7 апр.
 - ⁹ Там же. CD/PV.171. — 1982, 15 Apr.
 - ¹⁰ Там же. CD/PV.172. — 1982, 20 Apr.
 - ¹¹ UN. General Assembly. A/38/194. — 1983, 23 Aug.
 - ¹² Конференция по разоружению. CD/476. — 1984, 29 March.
 - ¹³ Там же. CD/641. — 1985, 26 Aug.
 - ¹⁴ Там же. CD/398. — 1987, 19 March.
 - ¹⁵ Там же. CD/851. — 1988, 2 Aug.
 - ¹⁶ Там же. CD/939. — 1989, 28 July.
 - ¹⁷ Там же. CD/870. — 1988, 12 Sept.
 - ¹⁸ Там же. CD/375. — 1982, 14 Apr.
 - ¹⁹ Там же. CD/708. — 1986, 26 June.
 - ²⁰ Там же. CD/PV.423. — 1987, 21 July.
 - ²¹ ООН. Генеральная Ассамблея. III специальная сессия по разоружению. A/S—15/AC.1/15. — 1988, 13 июля.
 - ²² Конференция по разоружению. CD/937. — 1989, 21 июля.
 - ²³ Там же. CD/OS/WP.59. — 1993, 12 марта.
 - ²⁴ Там же. CD/OS/WP.25. — 1988, 25 авг.
 - ²⁵ Там же. CD/1165. — 1992, 12 авг.

Статья поступила в редакцию в марте 1995 г.

Вопросы территории

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО СТАТУСА КАСПИЙСКОГО МОРЯ

С.Б. Дьяченко*

Каспийское море с географической точки зрения часто определяют как крупнейшее озеро Земли. Однако такое определение небесспорно, ведь, судя по его размерам (оно покрывает 371 000 км²), истории его развития (Каспий был частью обширного древнего моря) и ряду других характеристик, Каспий является скорее морем, нежели озером. Такая двойственность в определении таит в себе важные юридические последствия.

Запасы доступных углеводородных ресурсов Каспийского моря (исключая иранскую часть) были официально оценены в 9,2 млрд. ТУТ (тонн условного топлива) (на 1 января 1989 г.). В связи с прекращением существования СССР дальнейшие оценки не проводились. Некоторые эксперты определяют запасы углеводородных ресурсов стран бывшего СССР в Каспийском море в 12 млрд. ТУТ на 1 января 1994 г. Такие геологические характеристики делают Каспийское море центром столкновения интересов многих стран как в регионе, так и за его пределами.

Исходя из вышесказанного, необходимо определить юридический статус Каспийского моря, оценка которого на сегодняшний день неоднозначна. Существуют по крайней мере две наиболее значимых теории: теория замкнутого моря и теория озера.

Теория замкнутого моря

До принятия Конвенции ООН по морскому праву 1982 года многие известные юристы-международники (среди них Г.И. Тункин, С.В. Молодцов, В.И. Лисовский, А.Л. Колодкин, Д. Коломбос, Л. Оппенгейм) разработали теорию *mare clausum* (теорию замкнутого моря), и большинство из них применяли ее к Каспийскому морю.

* Студент МГИМО(У) МИД РФ.

Замкнутое море определялось как морской бассейн, который полностью окружен сушей двух или нескольких государств, возможно, имеет выход в Мировой океан, служащий в качестве транзитного пути лишь для прибрежных стран, и который поэтому подпадает под суверенитет упомянутых государств¹. Этот суверенитет осуществляется в соответствии с определенным соглашением. Демаркационная (разделительная) линия может при этом проводиться посередине морского бассейна. В случае, когда такое соглашение отсутствует, национальный суверенитет каждого прибрежного государства признается в рамках его территориальных вод, а юридический режим центральной части аналогичен режиму открытого моря².

Первое официальное определение *mare clausum* можно найти в Конвенции по морскому праву 1982 года. Статья 122 содержит определение замкнутого моря, отличающееся от вышеизложенной доктринальной концепции. Согласно конвенции, под замкнутым морем понимается «залив, бассейн или море, окруженное несколькими государствами и соединенное с другим морем или океаном узким проливом или образуемое полностью или частично территориальными водами и водами исключительной экономической зоны нескольких прибрежных государств».

Прибрежные государства, расположенные вокруг замкнутого моря, должны сотрудничать друг с другом в ходе осуществления ими прав и выполнения обязанностей, предусмотренных в статье 123 конвенции. С этой целью они обязуются прилагать усилия, действуя самостоятельно или через соответствующую региональную организацию, для:

- координации управления, сохранения, исследования и использования живых ресурсов моря;
- координации осуществления прав и выполнения обязанностей в отношении защиты и сохранения морской природной среды;
- координации деятельности в области морских исследований и осуществления совместных программ по научным исследованиям в регионе;
- привлечения в случае необходимости других государств или международных организаций в целях сотрудничества с ними в указанных областях.

Применимость положений конвенции к Каспийскому морю может вызвать сомнения. В этом отношении необходимо отметить, что Каспийское море не соединено с другим морем или океаном (оно является абсолютно изолированным водным бассейном). Воды Каспия не разделены также на территориальные воды и исключительные экономические зоны прибрежных государств.

Теория озера

Некоторые юристы-международники считают юридическую концепцию *mare clausum* применимой к международным (пограничным) озерам (Женевское, Боденское, Великие Африканские озера), в число которых включают и Каспийское море. Например, юрист Г.С.Горшков даже называет Каспийское море типичным пограничным озером в юридическом смысле этого слова³.

Использование пограничных озер обычно регулируется специальными соглашениями, заключаемыми прибрежными государствами. В случае отсутствия подобных соглашений граница должна проводиться в соответствии с серединой линией⁴. Необходимо учесть, что все приведенные положения основаны на современной практике или на юридической доктрине, так как международное право не содержит общих норм, регулирующих юридический статус пограничных озер.

Теория Оппенгейма⁵

Оппенгейм, не различая понятий замкнутого моря и пограничного озера, утверждает, что на них должен распространяться единый юридический режим, и определяет пограничные озера и замкнутые моря как водные бассейны, разделяющие территории нескольких прибрежных государств и полностью замкнутые сушей названных государств.

Воды этих бассейнов обычно разделяются линиями межгосударственных границ на основе норм, регулирующих сухопутные границы. Часто подобное разделение осуществляется в соответствии со специальными соглашениями. Пограничная линия обычно соответствует середине, или равноудаленной, линии на рассматриваемых морях и озерах между прибрежными странами. Подобная межгосударственная граница может совпадать с границей территориальных вод или исключительных экономических зон, или шельфовых вод прибрежных государств. Примерами подобного разделения водных бассейнов могут служить: Боденское озеро, окруженное Германией, Австрией и Швейцарией*; Женевское озеро, принадлежащее Швейцарии и Франции**, и Великие озера, которые принадлежат США и Канаде в соответствии с конвенцией 1909 года.

* Договор заключен в Брегенце в 1867 году между Баденом, Баварией, Швейцарией и Вюртембергом. Предположение о том, что юридический режим Боденского озера является кондоминиумом, было отвергнуто германскими и швейцарскими судами (*Bachmann and Others v. Canton of St. Gall* 1975).

** Договор 1816 года заключен между Швейцарией и Сардинией.

Принцип *uti possidetis juris*

В отношении Каспийского моря необходимо отметить, что практика международных судов четко закрепляет обязательность принципа стабильности государственных границ — *uti possidetis juris* — в случае правопреемства государств (например, спор 1989 г. между Гвинеей-Бисау и Сенегалом⁶ или Дело о сухопутных, островных и морских границах 1992 г.⁷). Указанный принцип действовал также и в отношении разграничения Африканских озер после деколонизации Африки⁸.

Каспийская юридическая загадка

Для решения проблемы, связанной с юридическим статусом Каспийского моря, важно принимать во внимание договор, заключенный РСФСР с Ираном в 1921 году, и договор, заключенный СССР с Ираном в 1940 году.

Договор о дружбе между РСФСР и Ираном от 26 февраля 1921 г. провозглашает равные права сторон осуществлять свободное мореплавание в Каспийском море под своими флагами (ст. 11).

Единственным договором, непосредственно затрагивающим вопросы юридического статуса Каспийского моря, является Договор о торговле и мореплавании между СССР и Ираном от 25 марта 1940 г. Договор расценивает Каспий как замкнутое море, устанавливая десятимильную рыболовную зону (ст. 12, п. 4). Статья 13 договора подтверждает исключительные права сторон на мореплавание, закрепленные договором 1921 года.

В письме советского посла в Иране иранскому министру иностранных дел от 25 марта 1940 г. указывается, что Каспийское море считается советско-иранским морем.

Позиция Ирана в отношении Каспийского моря закреплена во внутреннем законодательстве. В Законе о разведке и разработке природных ресурсов континентального шельфа от 18 июня 1955 г. (ст. 2), так же как и в *note verbale* от 16 июля 1972 г., содержится утверждение, что «в отношении Каспийского моря остаются применимыми принципы международного права, относящиеся к замкнутым морям»⁹.

На основе приведенных документов можно сделать вывод о том, что Каспийское море считалось кондоминиумом за исключением десятимильной исключительной рыболовной зоны. Однако это утверждение является спорным, если учитывать мнение некоторых юристов-международников (например, А.А. Колодкина), которые считают, что Каспийское море было все же разделено линией Астара — Гасан-Кули, соединяющей сухопутные границы СССР и

Ирана. На что Г.С. Горшков замечал, что такое разделение существовало лишь в отношении воздушного права.

Вопрос выбора режима кондоминиума, или полного разделения, не нашел однозначного решения и в мировой практике. Ситуация развивалась в двух направлениях: судебные решения по Боденскому озеру отвергали модель кондоминиума, а судебное решение по делу о сухопутных, островных и морских границах санкционировало упомянутую модель.

Вопрос о том, является ли Боденское озеро кондоминиумом прибрежных стран, был передан на разрешение Германского апелляционного суда по уголовным делам в 1923 году. Суд констатировал, что мнения по этому вопросу расходились: некоторые юристы считали Боденское озеро кондоминиумом, другие сходились во мнении, что озеро разделено серединой линией между прибрежными странами. Суд признал правоту последних, сделав вывод скорее на основе публикаций юристов, нежели сложившейся межгосударственной практики, что существует некая тенденция в международном праве разграничивать международные озера по аналогии с пограничными реками. В доказательство приводилась ситуация, сложившаяся во время второй мировой войны, когда кондоминиум, стороной которого являлась Швейцария, должен был бы быть нейтральным, тогда как в реальности серединная линия Боденского озера патрулировалась вооруженными кораблями прибрежных стран, обладавших, таким образом, суверенитетом над своими частями озера. Суд сослался также на тот факт, что Женевское озеро аналогично разделено серединой линией между Швейцарией и Францией по договору 1816 года, заключенному между Швейцарией и Сардинией¹⁰.

Хотя решение Центральноамериканского суда по делу о сухопутных, островных и морских границах касалось морского залива Фонсеки, подпадающего под регулирование морского права, оно, тем не менее, служит ярким примером признания за водным бассейном статуса кондоминиума при правопреемстве государств.

Залив Фонсеки — залив на Тихоокеанском побережье Центральной Америки, омывающий территорию Сальвадора, Никарагуа и Гондураса.

Ко времени, когда эти страны получили независимость от Испании, воды залива так и не были разделены колониальными административными границами. Напротив, сухопутные колониальные административные границы существовали и в соответствии с принципом *uti possidetis juris* были признаны границами между новыми государствами. Признав, что отсутствие колониального административного разделения не должно иметь обязательным последствием возникновение режима кондоминиума для соответствующей территории, Международный Суд все же решил, что неразделенные

воды залива всегда оставались в общем пользовании прибрежных государств, в том числе и в период после приобретения ими независимости, и поэтому нет оснований не применять к заливу режим кондоминиума прибрежных государств¹¹.

При возникновении вопроса о возможности применения модели кондоминиума к Каспийскому морю с учетом 10-мильной исключительной зоны рыболовства прибрежных государств есть основания утверждать, что одно другому не мешает. Так, Международный Суд по делу о сухопутных, островных и морских границах постановил, что в рамках кондоминиума возможно существование узких прибрежных водных поясов исключительной юрисдикции на основании взаимного соглашения прибрежных государств. Подобным же образом Федеральный верховный суд Швейцарии по делу *Bachmann v. Canton of Gall* прокомментировал, что, даже если Боденское озеро признать кондоминиумом прибрежных государств, последние сохраняют национальный суверенитет в отношении узкого пояса прибрежных вод¹².

Существование в бывшем СССР административных границ, разделявших Каспийское море между составлявшими СССР республиками, может быть дополнительным основанием для разделения Каспийского моря на сектора согласно принципу *uti possidetis juris*. Подобная модель разграничения осложняется неясностью позиции Ирана. При отсутствии со стороны Ирана любых свидетельств признания или согласия с таким разграничением государственных юрисдикций представляется вероятным, что любые административные границы в рамках бывшего СССР не имеют международно-правового значения, так как Советский Союз обязался уважать право Ирана на свободное мореплавание и рыболовство за пределами 10-мильной исключительной зоны рыболовства. С другой стороны, общее правопреемство республик СНГ в отношении СССР не исключает создания подобия общего суверенитета (кондоминиума) над неразделенным водным бассейном. В этой связи необходимо отметить, что действия Ирана и бывшего СССР не совсем соответствовали режиму кондоминиума в Каспийском море: СССР свободно и без согласования или хотя бы консультаций с Ираном разрабатывал нефтяные запасы в Каспии, а Иран даже не пытался противодействовать или возражать против таких односторонних действий СССР. Подобный подход может в любой момент измениться, что создаст угрозу возникновения претензий и, возможно, даже судебных разбирательств, как в случае с делами о так называемой «горячей нефти».

Учитывая данные разночтения, можно лишь констатировать, что в рассматриваемый период между двумя прикаспийскими странами так и не было заключено соглашение, регулирующее в полном объеме юридический статус Каспийского моря.

В последующий период пять окружающих Каспийское море государств: Россия, Казахстан, Азербайджан, Туркменистан и Иран — так и не разработали соглашения или соглашений о режиме Каспийского моря. Единственным официальным разграничением (однако далеко не бесспорным) является таковое между СССР и Ираном, в то время как между странами — членами СНГ должны быть еще заключены соответствующие соглашения.

Астраханская конференция

14 октября 1993 г. главы правительств России, Казахстана, Азербайджана и Туркменистана встретились в Астрахани для обсуждения возникших территориальных проблем и признали Каспийское море единым экологическим комплексом.

Участники Астраханской конференции выразили заинтересованность в осуществлении совместных программ в следующих областях:

- защита природных ресурсов Каспийского моря;
- сохранение, воспроизводство и эффективное управление биологическими ресурсами моря;
- разработка минеральных ресурсов морского дна с учетом экономических интересов стран-участниц;
- организация рационального мореплавания с точки зрения экологических требований;
- контроль за уровнем моря.

Участники конференции поручили соответствующим государственным органам разработать предложения по реализации указанных положений по рациональному использованию Каспийского моря. Для координации процесса разработки указанных предложений была образована рабочая группа с участием представителей всех стран — участниц конференции. 20 апреля 1994 г. несколько членов рабочей группы встретились в российском министерстве экологии и природных ресурсов, чтобы обсудить проект соглашения о разработке природных ресурсов Каспия. Они решили, что договор 1940 года между СССР и Ираном должен оставаться в силе и что сохраняется десяти-мильная рыболовная зона. Подобное решение рабочей группы не предотвратило, однако, дальнейших споров между прикаспийскими государствами по вопросу о юридическом статусе Каспийского моря¹³.

Азербайджан и Казахстан

Азербайджан и Казахстан до последнего времени твердо придерживались позиции, что Каспийское море представляет собой

озеро. Такой взгляд на проблему полностью исключает претензии других прикаспийских стран на шельфовые запасы полезных ископаемых у берегов Азербайджана и Казахстана.

Азербайджан — наиболее последовательный сторонник «теории озера». Когда премьер-министр Казахстана на Астраханской конференции предложил осуществлять проекты по разработке полезных ископаемых Каспия через межправительственный Совет по нефти и газу — орган, учрежденный ранее в рамках СНГ, — все страны-участницы, кроме Азербайджана, согласились. Спикер азербайджанского парламента заявил, что, поддержав это предложение, прикаспийские страны пытаются вмешиваться во внутренние дела Азербайджана. «Каспийский бассейн является не морем, а озером, — объявил азербайджанский спикер участникам встречи в Астрахани. — Запасы полезных ископаемых на шельфе Азербайджана, открытые азербайджанскими геологами, будут принадлежать Азербайджану, и никому другому»¹⁴.

Проект соглашения по Каспийскому морю, разработанный Азербайджаном, отражает те же взгляды: Каспий объявляется пограничным озером. Из этого следует, что Каспийское море должно быть разделено на сектора прикаспийских стран. Эти сектора считаются внутренними водами, которые, в свою очередь, рассматриваются как часть территории прибрежных государств, и поэтому на них распространяется соответствующий государственный суверенитет.

В Казахстане в декабре 1993 года был разработан собственный проект соглашения по Каспийскому морю. Несмотря на то, что Каспий напрямую не называется озером, он все же разделяется как таковое на сектора срединной линией, продолжающей сухопутные государственные границы. На каждый из секторов распространяется национальный суверенитет соответствующего государства. В случае, если указанная срединная линия проходит через какое-либо месторождение или его часть, заинтересованные страны должны прийти к соответствующему соглашению. Рыболовство и мореплавание не могут ограничиваться. Возможные споры должны разрешаться по справедливости и с учетом соответствующих обстоятельств и интересов сторон.

Необходимо, однако, указать на наметившееся в последнее время изменение позиции Казахстана. Об этом свидетельствует заявление Президента Казахстана Н. Назарбаева по итогам его визита в Москву в январе 1995 года: «Мы ничего не хотим и не собираемся предпринимать в обход интересов России на Каспии»¹⁵. Подобное сближение с Россией может означать пересмотр казахского проекта соглашения по Каспию.

Россия и Туркменистан

Россия в соответствии с договорами 1921 и 1940 годов с Ираном рассматривает Каспий как замкнутое море и претендует на право участия в решении вопросов разработки полезных ископаемых Каспийского моря на удалении 80—150 км от берегов Азербайджана. Однако в самой России не существует единого мнения по вопросу о юридическом статусе Каспийского моря.

Российское министерство топлива и энергетики рассматривает Каспий как пограничное озеро. Проект соглашения по разработке минеральных ресурсов в регионе, подготовленный министерством в январе 1994 года (№ 55дп), предлагает разделение Каспийского моря на пять секторов. В этом случае Россия получит мелководное дно моря, часть которого была объявлена природным заповедником с приоритетом для мореплавания и рыболовства.

Российский комитет по недрам подготовил другой проект соглашения между прикаспийскими странами СНГ, во многом отличающийся от проекта министерства топлива и энергетики¹⁶. Согласно этому проекту, страны-участницы соглашаются о следующем:

- Договор между СССР и Ираном 1940 года признается находящимся в силе (ст. 1 проекта);
- на территориальные воды и соответствующую площадь морского дна (12 миль от береговой линии) распространяется национальный суверенитет соответствующего прибрежного государства (ст. 2 проекта);
- воды и морское дно за пределами 12-мильной зоны национальных территориальных вод считаются международной зоной прикаспийских стран СНГ (ст. 3 проекта);
- полезные ископаемые международной зоны находятся в общей собственности прикаспийских стран СНГ (ст. 4 проекта);
- для регулирования деятельности юридических и физических лиц по исследованию и разработке полезных ископаемых в международной зоне учреждается международный орган. Все решения этого органа должны выноситься путем консенсуса (ст. 5, 6 проекта);
- международный орган обладает исключительным правом рассматривать заявки и утверждать планы разработки полезных ископаемых в международной зоне (ст. 7 проекта);
- международная зона к северу от 45-й параллели считается международным природным заповедником, в котором объявляется 25-летний мораторий на разработку полезных ископаемых (ст. 8 проекта).

Российское министерство по сотрудничеству с государствами — членами СНГ разрабатывает пять межправительственных догово-

ров, которые могут быть предложены для подписания всем прикаспийским государствам. Все эти договоры основаны на концепции замкнутого моря¹⁷.

Официальная позиция России в отношении Каспийского моря впервые была выражена в письме российского МИД посольству Великобритании в Москве от 28 апреля 1994 г. В письме подчеркивается, что разделения Каспийского моря на сектора не существует. Затем следует заявление о том, что «по самой своей природе Каспийское море является замкнутым водным бассейном с единой экосистемой и представляет собой объект совместного пользования, в границах которого все вопросы, включая и те, что касаются разработки природных ресурсов, должны решаться с участием всех прикаспийских государств». Учитывая сказанное выше, российский МИД заявляет, что «любые шаги какого-либо прикаспийского государства, направленные на создание любых преимуществ в отношении бассейна или ресурсов Каспийского моря, противоречат интересам других прикаспийских государств и не могут быть признаны». Поэтому «любые односторонние действия в отношении Каспийского моря лишены юридического основания со всеми вытекающими из этого последствиями».

Это письмо чрезвычайно взволновало западные инвестиционные круги в отношении готовившегося тогда азербайджанского контракта. Риск вложения 8 млрд. ам. долл., когда вопрос принадлежности прав на объект вложения еще не решен, был, казалось, неоправданно велик.

До того времени, пока права прибрежных государств не будут четко определены межгосударственным соглашением или соглашениями, российские государственные органы пытаются избегать односторонних действий в отношении Каспийского моря. В частности, недопустимым считается лицензирование разработки полезных ископаемых в районе Каспия российскими компаниями.

Туркменистан, не имея реальных проектов разработки шельфовых запасов у своего побережья, в целом обходит молчанием свое видение проблем Каспийского моря.

Контракт

Событием, до предела обострившим весь комплекс противоречий вокруг Каспийского моря, явилось подписание осенью 1994 года «контракта века» по разработке каспийских нефтяных месторождений Азери, Чираг и глубоководной части месторождения Гюнешли с участием Азербайджана и группы крупнейших нефтяных компаний Запада, турецкой и российской нефтя-

ных компаний. Сумма предполагаемых инвестиций достигает 8 млрд. ам. долл.

Камнем преткновения является тот факт, что контракт разрабатывался и подписывался без непосредственного участия или хотя бы консультаций с другими прикаспийскими государствами. Налицо столкновение двух концепций: азербайджанской, согласно которой разрабатываемые месторождения принадлежат Азербайджану, так как находятся в его секторе Каспийского моря; и российской, основанной на режиме кондоминиума в отношении Каспия.

Немедленно по подписании контракта российский МИД заявил о непризнании Россией данной сделки. Позиция России, казалось бы, резко изменилась: неожиданно выступил премьер-министр В.Черномырдин, объявивший, что Россия ничего не имеет против подписанного контракта (и это при не изменившейся в дальнейшем резко отрицательной позиции МИД).

Подписанный контракт повлек также первую за последнее время официальную реакцию Ирана, признавшего легитимность консорциума. Признание это произошло посредством «конклюдентных действий» Ирана в виде соглашения с Азербайджаном о передаче ему части доли Азербайджана в созданном консорциуме в обмен на финансирование Ираном части азербайджанской доли расходов по проекту.

* * *

В заключение резюмируем основные позиции прикаспийских государств.

Согласно проектам соглашений, разработанным в Азербайджане, Казахстане и российском министерстве топлива и энергетики, Каспийское море должно быть разделено на сектора как пограничное озеро (интересно, что Азербайджан, в отличие от своих союзников, включает в перечень сторон будущего соглашения и Иран). Каждый сектор считается частью государственной территории, и на него распространяется национальный суверенитет соответствующего государства. Такой подход предоставляет Азербайджану и Казахстану значительные преимущества в отношении доступных углеводородных ресурсов Каспийского моря. Казахстан получит при этом доступ к 4,5 млрд. ТУТ, а Азербайджан — к 4 млрд. ТУТ. В рамках концепции кондоминиума с 12-мильной зоной территориальных вод обе республики окажутся собственниками лишь 1 млрд. ТУТ каждая и получают право претендовать на долю в 2,3 млрд. ТУТ каждая в границах зоны общего пользования. Разница в возможностях огромна, и с этой точки зрения Азербайджан и

Казахстан (без учета последних событий) заинтересованы твердо противостоять российской идее «каспийского кондоминиума». С точки зрения доступных нефтяных и газовых ресурсов как Азербайджан и Казахстан, так и Туркменистан и Иран вполне могли бы принять концепцию кондоминиума при условии расширения полосы территориальных вод до 40—45 миль в ширину¹⁸.

Россия поддерживает концепцию замкнутого моря. Провозглашение Каспийского моря замкнутым означает установление 10—12-мильного пояса территориальных вод и объявление оставшейся центральной части международной зоной совместного использования (Иран считается одной из сторон проекта соглашения). Основой подобной концепции служат договоры между РСФСР/СССР и Ираном 1921 и 1940 годов (10-мильная исключительная зона рыболовства при равных правах обоих государств в отношении мореплавания и рыболовства в центральной части Каспия). В соответствии с предлагаемой ею моделью Россия получит право претендовать на 2,3 млрд. ТУТ запасов центральной части Каспийского моря и будет обладать на праве собственности 0,5 млрд. ТУТ. В случае разделения Каспийского моря на сектора России достанется мелководная часть, содержащая только 2 млрд. ТУТ, с учетом того, что даже это относительно небольшое количество может оказаться недоступным в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР № 78 от 31 января 1975 г., провозгласившим потенциальный российский сектор Каспия природным заповедником с преимуществом для мореплавания и рыболовства.

Если Россия добьется признания Каспия замкнутым морем, победа эта может обернуться для нее некоторыми осложнениями: концепция замкнутого моря подразумевает право всех прибрежных государств на свободный проход по водным путям, соединяющим Каспий с другими морями, то есть по Волге и ее канальной системе, что для России является едва ли приемлемым. Могут также возникнуть вопросы относительно континентального шельфа и исключительной экономической зоны.

Говоря о позиции Туркменистана, возможно с известной долей сомнения предположить, что эта страна поддерживает российскую позицию, так как установление 12-мильной зоны территориальных вод соответствует ее экономическим интересам. При разделении на сектора Туркменистан может получить в собственность лишь 1,5 млрд. ТУТ, в то время как его возможная доля в рамках центральной общей части может довести уровень доступных углеводородных ресурсов до 2,6 млрд. ТУТ.

Подводя итоги, важно также указать, что теоретическая трактовка Каспийского моря как замкнутого моря, так и пограничного

озера, учитывая все аргументы «за» и «против», не имеет достаточных юридических оснований. Существующие немногочисленные межгосударственные соглашения, затрагивающие юридический статус Каспийского моря, ориентируются на то, что Каспийское море является неким кондоминиумом за исключением 10-мильной исключительной рыболовной зоны.

Единственным способом решить «каспийскую юридическую загадку» является заключение серии межгосударственных договоров или даже единой конвенции, призванных закрепить принципы, лежащие в основе деятельности прибрежных стран в Каспийском море, и детально регламентировать такую деятельность. Это может оказаться трудноосуществимой задачей, принимая во внимание, что некоторые заинтересованные страны региона отстаивают противоположные взгляды на проблему и имеют противоположные интересы. Тем не менее проекты по Каспию (как, например, о разработке природных ресурсов) должны разрабатываться с учетом интересов всех прибрежных государств, иначе они будут подвержены высокой степени риска.

¹ Молодцов С.В. Международное морское право. — М., «Международные отношения», 1987. — С. 186.

² Коломбос Д. Международное морское право. — М., «Прогресс», 1975. — С. 177.

³ Военный словарь международного морского права (под ред. Г.С.Горшкова). — М., 1985. — С. 181.

⁴ Коломбос Д. Указ. соч., — С. 177.

⁵ Oppenheim's International Law. — Vol. 1. — Peace. — Longman — L. 9th edition. — 1992. — P. 590 et seq.

⁶ International Law Reports. — UN. — 1983.

⁷ International Court of Justice. Reports. — 1992. — P. 351.

⁸ Brownlie I. African Boundaries: a Legal and Diplomatic Encyclopedia. — Hurst /U.California Press — London/Berkley — 1979. — P. 613—923.

⁹ UN Legislative Series. National Legislation and treaties relating to the law of the sea. — UN, Doc. ST/LEG/SER.B/16. — P. 151.

¹⁰ Hackworth G.H. Digest of International Law. — Wash., 1940. — Vol. 1. — P. 615—616; Annual Digest of Public International Law Cases. — P. 102. Vol. 2. — Case № 51; P. 140. Vol. 7. — Case № 53; Bachmann v. Canton of St. Gall. — 75 International Law Reports. — 1975. — P. 82.

¹¹ ICJ Reports. — 1992. — P. 599—600. — § 401.

¹² 75 International Law Reports. — P. 82—83.

¹³ Russian Petroleum Investor. — 1994, June.

¹⁴ Russian Petroleum Investor. — 1994, June.

¹⁵ Oil and Gas Report № 4(166). — 1995, 27 Jan.

¹⁶ Russian Oil Bulletin. — 1994, 20 May.

¹⁷ Russian Oil Bulletin. — 1994, 15 June.

¹⁸ Ibid.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ (на примере США)

А.В. Кукушкина *

В Соединенных Штатах принято множество актов, регулирующих различные аспекты загрязнения окружающей среды. Часть их касается сектора оборонной промышленности, в частности направления определенной части его ресурсов на цели охраны окружающей среды. Другие ориентированы на выполнение договоров о сокращении вооружений и добровольно принятых на себя обязательств по сокращению вооружений. Примерами этому могут служить мероприятия по уничтожению ракет и ликвидации химического оружия.

С деятельностью Министерства обороны связаны судьбы в общей сложности 7,8 млн. человек как в Соединенных Штатах, так и за рубежом. Его ежегодный бюджет составляет почти 300 млрд. долл. США¹. В настоящее время Министерство обороны проводит переориентацию значительного объема ресурсов на управление природопользованием. Оно сосредоточило свое внимание на реализации инициативы в сфере обороны и окружающей среды. В числе мер в этой области — предложение министра ВМС США Гернета учредить пост помощника министра по окружающей среде².

Более 200 млн. долл. США направлено на осуществление проектов в области сокращения объема вредных отходов. Одной из последних инициатив является программа стратегических исследований и разработок в области экологии, которая предполагает участие в ней лабораторий Министерства энергетики, Министерства обороны и Агентства по охране окружающей среды.

Принятые в этой связи законодательные акты будут содействовать повышению эффективности отдельных учреждений путем объединения ресурсов и сведения к минимуму дублирования.

* Кандидат юридических наук, старший преподаватель МГИМО(У) МИД РФ.

Одной из законодательных традиций США является преемственность, которая выражается в том, что законотворческая практика обычно исходит из уже действующего законодательства. Американские законодатели не склонны отменять принятые ранее законы, а, разрабатывая новые, стремятся вписать их в уже существующую структуру мер правового регулирования³.

При всей специфичности и разнообразии принятых в сфере окружающей среды законов для них характерно использование одинаковых и довольно немногочисленных правовых инструментов достижения поставленных целей.

Предупреждение загрязнения достигается путем введения порядка экологической стандартизации. Он заключается в установлении критериев экологической безопасности деятельности, связанной с удалением загрязняющих веществ, и выдаче на их основе разрешений. Следует отметить, что особенностью американского законодательства является отсутствие самостоятельных правовых актов, предусматривающих в комплексе различные виды ответственности за правонарушения, включая экологические, а нарушение порядка стандартизации включает применение мер юридической ответственности, предусмотренных в каждом отдельном природоохранном нормативном акте.

Министерство энергетики занимает особое место в структуре национальной безопасности США. Оно было сформировано в соответствии с Законом от 4 августа 1977 г.⁴ и исполнительным приказом Президента № 12009. В 1982 году в соответствии с Законом о политике в области размещения радиоактивных отходов⁵ в системе министерства был создан новый отдел по размещению радиоактивных отходов. Отделу делегированы полномочия по управлению несколькими подземными хранилищами радиоактивных отходов, по разработке методов безопасного хранения, распоряжения фоном радиоактивных отходов.

На Министерство энергетики возложены существенные обязанности, связанные с проблемой охраны окружающей среды. В этой области оно вносит большой вклад в обеспечение экологической безопасности мероприятий по использованию энергетических ресурсов. Наряду с сугубо гражданскими обязанностями оно выполняет важнейшие задачи военного характера. Оборонные программы министерства направлены как на создание нового ядерного и термоядерного оружия, так и на производство и переработку распепляющихся материалов, которые необходимы для создания ядерных боеприпасов (боеголовок для носителей, бомб, новых «экзотических» видов оружия).

Необходимо отметить, что «министерство обладает исключительным, закрепленным юридически правом предоставления необ-

ходимых ядерных материалов для использования в системах оружия»⁶. На территории 13 штатов размещены 17 объектов министерства, где создают и испытывают ядерные боезаряды, производят ядерное горючее, механические и электронные компоненты и занимаются сборкой боезарядов. Многие заводы комплекса были построены во время второй мировой войны. Комплекс производит четыре основных вида ядерных материалов: уран, который, в свою очередь, используется для получения плутония, и литий, используемый для получения радиоактивного газа — трития.

Поскольку оборонные мероприятия Министерства энергетики связаны с исследованиями в области ядерного оружия и ядерной энергетики, его деятельность в течение более 40 лет обуславливала попадание в воздух, почву и верхний слой воды определенного количества радиоактивных и вредных химических загрязняющих веществ, перенос которых грунтовыми водами либо уже произошел, либо может произойти. В результате этого возникают огромные объемы почв и грунтовых вод с низкой концентрацией загрязнения, в отношении которых весьма сложно приступить к очистке и обеспечить ее в такой степени, которая установлена стандартами. Имеющиеся в настоящее время технологии не позволяют министерству быстро, точно и эффективно определять характер и границы загрязнения нижних горизонтов почвы, миграционные пути и объемы.

Бесконтрольная многолетняя эксплуатация объектов комплекса привела к тому, что Министерству энергетики придется теперь затратить весьма значительные суммы на очистку входящих в него предприятий от радиоактивных отходов, чтобы они соответствовали принятым в США нормативам эксплуатации ядерных объектов и их очистки.

Добыча и транспортировка радиоактивных материалов, размещение радиоактивных отходов регулируются законами «Об атомной энергетике» 1946 года (с поправками 1959 г.), «О контроле за состоянием урановых производств» и «О политике в области радиоактивных отходов». Законодательство предусматривает порядок введения стандартов, содержащих допустимые уровни радиации в производственных помещениях и в прилегающих к местам расположения ядерных установок районах, исходя из критерия обеспечения безопасности людей. Комплекс экологических требований включает введение стандартов эксплуатации ядерных установок на основе критерия снижения радиоактивных выбросов до «максимального практически достижимого уровня». Установлены требования по снижению радиоактивной опасности в случае аварий.

Учитывая особую опасность такой деятельности, для ее осуществления установлен особый двухэтапный порядок лицензирова-

ния. Лицензии выдаются Атомной регулирующей комиссией (Министерство энергетики) отдельно на строительство ядерных предприятий и на их ввод в эксплуатацию.

Основные полномочия Атомной регулирующей комиссии сформулированы в Законе об атомной энергии 1954 года (с поправками 1972 г.). В обязанности комиссии входят производство и использование радиоактивных материалов, регулирование и лицензирование мероприятий других организаций, имеющих отношение к радиоактивному сырью и материалам, и предприятий, производящих и использующих определенные виды радиоактивных материалов.

Комиссия разработала внутренний порядок осуществления собственных мероприятий и лицензирования деятельности других организаций в области добычи, производства и использования радиоактивных материалов. Центральным элементом этого порядка являются стандарты защиты против радиации⁷.

Законодательством предусмотрен строгий порядок контроля за деятельностью, имеющей отношение к радиоактивным веществам. Однако неоднократно фиксировалось неточное соблюдение правил безопасности со стороны самой комиссии, создавались аварийные ситуации на АЭС, имели место утечки радиоактивных веществ, загрязнение окружающей среды радиоактивными отходами. Соображения безопасности обусловили введение значительного ограничения прав штатов регулировать отдельные мероприятия, связанные с использованием ядерных материалов на своей территории. Штатам могут быть делегированы полномочия лишь по регулированию использования некоторых радиоизотопов и других менее опасных радиоактивных материалов.

Неоправданная пассивность комиссии вынудила отдельные штаты самостоятельно вводить ограничения и запреты на строительство атомных установок. Несмотря на отсутствие таких прямо установленных полномочий штатов, суды поддержали эту позицию, основываясь на необходимости безотлагательного установления контроля за использованием радиоактивных материалов, не обеспеченного федеральным правительством. Учитывая, что такие требования до сих пор не установлены, штаты все активнее вовлекаются в контроль за захоронением радиоактивных отходов, пытаясь закрепить эту функцию за собой. Юридическим обоснованием таких полномочий служит традиционная прерогатива штатов по регулированию землепользования, к которой может быть отнесена и деятельность по размещению радиоактивных отходов.

К началу 90-х годов в стране старые производственные мощности выработали свои ресурсы и подлежали закрытию, а новые еще не вошли в строй. Большинство производственных мощностей Ми-

нистерства энергетики США, перерабатывающих расщепляющиеся материалы, уже не отвечают требованиям безопасности. Масштабы загрязнения окружающей среды в случае продолжения эксплуатации объектов, где производятся ядерные боеприпасы, могут стать катастрофическими.

Так, на испытательном полигоне в штате Невада в результате испытаний ядерного оружия около 75 кв. миль заражено плутонием, цезием и стронцием. Стоимость очистки от радиоактивных отходов составит 230,8 млн. долл.⁸

Не решается должным образом и проблема захоронения радиоактивных отходов. Несовершенство технологических процессов представляет большую опасность для здоровья обслуживающего персонала реакторов.

В целях поддержания программы по созданию новых видов ядерных боеприпасов министерство настаивает на создании нового, совершенного производства для получения более чистых материалов для ядерных зарядов⁹. Это создает определенные проблемы в области исследований и разработки, испытаний и производства новых боезарядов для новых систем оружия. Из соображений безопасности и экологии такая деятельность должна быть приостановлена.

С тех пор как были закрыты несколько реакторов, необходимость в этих материалах удовлетворялась за счет уже существующих запасов ядерных материалов или снятых с вооружения боезарядов¹⁰. С 1964 года в США не ведется полномасштабное производство оружейного урана, но в стране имеются существенные запасы высокообогащенного урана — около 500 т. Поскольку он пригоден для использования в военных целях в течение 500 млн. лет, в необозримом будущем для США проблем в этой области не существует¹¹.

В настоящее время в связи с закрытием старых реакторов в Саванна-Ривер (Южная Каролина), которые являлись единственными производителями трития, США потеряли способность его производить. Тритий является радиоактивным изотопом водорода и быстро распадается — со скоростью 5,5% в год. Поэтому не менее чем через каждые шесть лет боезаряды необходимо переоснащать этим газом. По некоторым данным, если запасы этого материала были бы полностью истощены, США пришлось бы снимать с вооружения ежегодно около 1200 боезарядов, что полностью обезоружило бы их в течение 20 лет¹².

На слушаниях в конгрессе США, посвященных безопасности эксплуатации, модернизации и мерам по защите окружающей среды на предприятиях по производству ядерного оружия, отмечалось, что они нуждаются в срочной модернизации и экологической очис-

тке местности, так как там повышается уровень радиации и возрастает опасность для жизни местного населения. Во многих случаях заражение местности происходило и продолжает происходить в результате использования устаревшей технологии для захоронения радиоактивных отходов в «могильниках». Старые методы захоронения уже неприемлемы и противоречат последним принятым в США законам, направленным на сохранение природной среды. Оборудование на предприятиях по производству ядерного оружия в Америке должно быть приведено в соответствие с новым законодательством США. Наряду с этим будет осуществляться дезактивация снимаемого с эксплуатации устаревшего оборудования и зданий ядерных объектов¹³.

На ядерных объектах выявлено много неисправностей, которые вызывают утечку радиоактивных материалов, например: утечка из емкостей, в которых хранятся отходы с высоким уровнем радиации; заражение грунтовых вод во многих местах около объектов ядерного комплекса; заражение почвы на многих объектах; наличие в общей сложности свыше трех тысяч мест захоронения радиоактивных отходов, разбросанных по всей стране, которыми в настоящее время Министерство обороны больше не пользуется¹⁴.

Приведем несколько конкретных фактов. На заводе в Хэнфорде (штат Вашингтон) на 50 емкостях из 149, содержащих высокотоксичные отходы, наблюдается сильная течь. Некоторые из этих емкостей протекают более 20 лет, и никаких мер не принимается¹⁵.

Министерство энергетики затрачивает миллиарды долларов на захоронение радиоактивных материалов, содержащих плутоний, в геологической выемке в штате Нью-Мексико. Однако планы министерства предусматривают направление сюда только 20% радиоактивных отходов такого рода. В отношении остальных 80% отходов, содержащих плутоний, министерство не принимает на себя никаких обязательств по их захоронению в надежных убежищах. Захоронение производится во рвах небольшой глубины по всей стране. В результате прежней практики захоронения отходов грунтовые воды на территории многих объектов ядерного комплекса страны отравлены высокотоксичными или радиоактивными веществами. Уровень заражения грунтовых вод в некоторых местах в сотни и даже в тысячи раз превышает допустимые показатели для питьевой воды¹⁶.

Многочисленные законодательные акты, принятые конгрессом по вопросам охраны воздуха, воды и почвы от радиоактивного заражения, нередко нарушаются.

В настоящее время одна из причин огромной стоимости работ по ликвидации ущерба, нанесенного природе, заключается в том, что федеральное правительство не заставляет министерства своев-

ременно определять ущерб, причиняемый природе их объектами, и быстро принимать меры для исправления положения. Исторически в системе Министерства энергетики делалось все наоборот: сначала строились ядерные объекты, которые работали и отравляли окружающую среду в течение более чем 40 лет, а потом уже разрабатывались нормативы по защите природы и людей, которые не доведены до нужных кондиций и сегодня. А тем временем стоимость затрат на восстановление природы ежегодно возрастает в астрономических пропорциях¹⁷.

Острота экологической ситуации привела к тому, что бюджетные ассигнования Министерству энергетики в 1992 финансовом году в той части, из которой финансируется производство ядерного оружия и производство ядерных материалов в целях обороны, заметно урезаны, в то время как объем средств, выделенных на восстановление окружающей среды, хранение и перевозку ядерных материалов, резко возрос по сравнению с предыдущим годом.

Если в 1990 году на восстановление окружающей среды было израсходовано 1 974 933 долл., в 1991 году — 2833 тыс., то на 1992 год было выделено уже 3705 тыс. долл.¹⁸ При этом восстановление окружающей среды включает программы по хранению и перевозке ядерных материалов, промежуточного хранения, обработки, перевозки и утилизации радиоактивных и опасных отходов, извлекаемых из остатков ядерного производства и судовых реакторов.

¹ Doc. UN A/46/364. — P. 18.

² The Secretary of the NAVY'S Posture Statement. A Report by the Honorable H. Lawrence Garnett, 111 Secretary of the NAVY on the Posture and the fiscal year 1992—1993 Budget of the United States NAVY and Marine Corps. — Wash., 1991. — P. 22.

³ Краснова И.О. Экологическое право и управление в США. — М., 1992. — С. 43.

⁴ The Department of Energy organisation act. 42-nd VSC. — § 7131.

⁵ The nuclear waste policy act (1982). 42-nd VSC. — § 10224.

⁶ Watkins D. Frustrated admiral of energy. W. Lanouette. The bulletin of the Atomic Scientists. — 1990. — Vol. 46. — № 1. — P. 31.

⁷ AES's rules. — Wash., 1973.

⁸ Congressional record. Proceedings and debates of the 101-st Congress. Second session. — Wash., 1990. — Vol. 136. — P. H3770.

⁹ Ibid. — P. H3770.

¹⁰ Towell P. Need for a massive cleanup may slow weapon-building. Congressional quart. Weekly report. — Wash., 1990. — Vol. 48. — № 3. — P. 179.

¹¹ Plutonium control Act. Hearing before the Committee of foreign affairs and its subcommittee on arms control international security and science. House of representatives. — 101-st Congress. First session. — Wash., 1990. — P. 49.

¹² Congressional record. Proceedings and debates of the 101-st Congress. Second session. — Wash., 1990. — Vol. 136. — P. S8451.

¹³ Security of Exploitation, Modernization and Measures for Protecting of the Environment at Nuclear Arms Plants in the USA. Hearing before the Committee for Armed Forces and its subcommittee for strategical forces and nuclear control of the U.S. Senate, GPO. — Wash., 1990. — P. 2.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid. — P. 339.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid. — P. 349.

¹⁸ Budget of the Unites States. Fiscal year 1992. — Wash., 1991. — P. 595.

Статья поступила в редакцию в июле 1995 г.

Право и бизнес

О ПЕНСИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН — РАБОТНИКОВ ИНОСТРАННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ

Б.А. Косырев *

Выплата пенсий в соответствии с Законом РСФСР «О государственных пенсиях в РСФСР» от 20 ноября 1990 г. финансируется Пенсионным фондом России, который образуется за счет страховых взносов предприятий, организаций, учреждений, учебных заведений и работающих граждан.

При применении положений законодательства о Пенсионном фонде РФ к посольствам, консульствам, торговым представительствам иностранных государств, представительствам международных организаций, иностранных фирм, банков, средств массовой информации, предприятий морского, воздушного и железнодорожного транспорта возникает ряд проблем.

Так, на первый взгляд иностранные представительства не подпадают под действие Закона о Пенсионном фонде РФ, поскольку не являются предприятиями, организациями, учреждениями или учебными заведениями. По их просьбе Пенсионным фондом России было разработано постановление, принятое Верховным Советом России 27 декабря 1991 г. № 2122-1, в котором плательщики страховых взносов — предприятия, организации, учреждения, учебные заведения и иностранные представительства — были объединены понятием «работодатели».

Действительно, иностранные представительства, в которых работают российские граждане, являются для последних работодателями, поскольку российские граждане состоят в штате иностранных представительств и получают заработную плату из их бюджета. Следовательно, иностранные представительства как работодатели в соответствии с законодательством РФ обязаны регистрироваться в Пенсионном фонде России, выплачивать

* Главный уполномоченный Пенсионного фонда России по работе с иностранными представительствами.

страховые взносы на работающих российских граждан и ежеквартально отчитываться по данным платежам перед Пенсионным фондом¹.

Проверка правильности расчета и перечисления страховых взносов иностранными представительствами в Пенсионный фонд России показала, что некоторые трудовые договоры между российскими гражданами и иностранными представительствами не гарантируют социальную защиту российским работникам, не ссылаются на трудовое законодательство РФ в части регулирования трудовых отношений и трудовых споров между работодателем и работником. Это делает российских работников иностранных представительств социально незащищенными, тем более что в иностранных представительствах отсутствует профсоюзная организация. Поэтому трудовой договор или контракт между иностранным работодателем и российским работником должен быть более конкретным, направленным на всестороннюю и надежную социальную защиту российских граждан².

Следует обратить внимание и на проблему трудовых договоров, заключаемых российскими гражданами непосредственно с зарубежными фирмами.

Часто российские граждане, работающие по прямым контрактам с иностранными фирмами, не знают, как им поступить с уплатой страховых взносов в Пенсионный фонд России, поскольку российским законодательством данный вопрос не урегулирован. Внимательно рассмотрев эту проблему, правление Пенсионного фонда России разъяснило, что в целях обеспечения социальной защиты российских граждан, работающих по прямым контрактам с зарубежными фирмами, и в соответствии с существующей практикой данные граждане регистрируются в исполнительных органах власти и в территориальных органах Пенсионного фонда России как предприниматели, осуществляющие свою деятельность без образования юридического лица. При этом для регистрации в Пенсионном фонде России они представляют копию контракта и письмо фирмы, подтверждающее отсутствие представительства данной компании на территории Российской Федерации.

Уплата страховых взносов такими гражданами осуществляется в сроки, которые определены Законом РСФСР «О подоходном налоге с физических лиц» от 7 декабря 1991 г. (с последующими изменениями и дополнениями).

Если в соответствии с трудовым договором труд наемных работников из числа российских граждан используется иностранными физическими лицами на территории Российской Федерации, то данные иностранные граждане уплачивают страховые взносы до пятого числа месяца, следующего за месяцем выплаты заработной

платы, одновременно и как работодатели и на работающих у них российских граждан.

Существенной проблемой является также введение в иностранных представительствах трудовых книжек российских граждан. В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 30 ноября 1989 г. № 1074 единственным органом, которому было предоставлено право нанимать российских граждан в иностранные учреждения, являлось Главное производственно-коммерческое управление по обслуживанию дипломатического корпуса (ГлавУПДК). Сейчас эта монополия ГлавУПДК утрачена.

В настоящее время существуют более ста организаций, занимающихся подобной деятельностью, среди них дочерняя фирма ГлавУПДК «Иннпредкадры», «Внешэкономсервис», «Агри и К°», «Сапсан», «Вектор», «Томсон», «Глобус» и др. К тому же значительное число российских граждан трудоустраивается в иностранные представительства самостоятельно.

В соответствии со статьей 89 Закона РСФСР «О государственных пенсиях в РСФСР» в общий трудовой стаж включается любая работа в качестве рабочего или служащего и иная работа, на которой работник, не будучи рабочим или служащим, подлежал государственному социальному страхованию.

Основным документом, подтверждающим трудоустройство, является трудовая книжка, записи в которую вносятся организацией, осуществляющей найм и увольнение работника.

Запись в трудовой книжке, сделанная иностранным работодателем, может служить подтверждением трудового стажа работника из числа российского персонала, подлежащего государственному социальному страхованию. При достижении российскими гражданами пенсионного возраста иностранные представительства оформляют также все документы, которые необходимо представить в органы социального обеспечения для оформления пенсий. Необходимо отметить, что иностранные представительства обязаны регистрироваться не только в Пенсионном фонде России, но и в органах социального и обязательного медицинского страхования, занятости населения Российской Федерации³.

* * *

Как уже указывалось выше, все иностранные представительства как работодатели обязаны зарегистрироваться в Пенсионном фонде России в течение 30 дней.

Однако на практике главы иностранных представительств нередко апеллируют к своей неосведомленности для оправдания

отсутствия регистрации в Пенсионном фонде России. Такая мотивировка представляется несостоятельной по следующим причинам.

Во-первых, в разрешении аккредитующего органа на открытие иностранного представительства на территории Российской Федерации указывается, что «представительство осуществляет свою деятельность в соответствии с законодательством Российской Федерации». Следовательно, презюмируется, что иностранное представительство должно ознакомиться и знать действующее российское законодательство.

Во-вторых, иностранные представительства заключают договоры с посредниками («Инпредкадры», «Внешэкономсервис», «Сапсан», «Агри и к», «Глобус» и др.), с помощью которых производят уплату налогов и страховых взносов в Пенсионный фонд, органы социального и обязательного медицинского страхования и занятости населения России. Поэтому посредники обязаны не только довести до сведения иностранных представительств необходимые нормативно-законодательные акты по этим вопросам, но и потребовать их безусловного исполнения, а в случае отказа — сообщить об этом в Пенсионный и другие фонды.

В-третьих, абсолютное большинство иностранных представительств имеют договоры на их обслуживание с аудиторскими фирмами, которые, безусловно, должны довести российское законодательство до сведения иностранных представительств.

Вместе с тем необходимо обратить внимание и на то, что отделением Пенсионного фонда России по Москве ведется активная разъяснительная работа по законодательству Пенсионного фонда России во всех без исключения средствах массовой информации. Таким образом, не снимая вины с иностранных представительств за несоблюдение законодательства по вопросам Пенсионного фонда, полагаю, что в равной степени эта вина лежит на посреднических организациях и аудиторских фирмах, с которыми эти представительства работают.

Представляется, что изменить ситуацию к лучшему можно следующим образом.

В соответствии с Положением о порядке открытия и деятельности иностранных представительств, утвержденным Постановлением Совета Министров от 30 ноября 1989 г. № 1074, глава иностранного представительства один раз в полугодие направляет аккредитующему органу, выдавшему разрешение на открытие представительства, письменную информацию о деятельности представительства, а перечень сведений, представляемых в качестве такой информации, устанавливается соответствующим аккредитующим органом. В настоящее время требование о регистрации в Пенсион-

ном фонде в данном перечне отсутствует. Поэтому необходимо внести, как это сделал Центральный банк РФ, в перечень сведений, представляемых каждое полугодие иностранными представительствами в аккредитующие органы, все организации (Пенсионный фонд, фонды социального и медицинского страхования, занятости населения России, налоговые службы и др.), в которых они обязаны регистрироваться. Это существенно облегчит работу иностранных представительств и государственных органов регистрации, а главное — даст дополнительные средства для поддержки пенсионеров.

¹ Для регистрации в Пенсионном фонде России необходимо представить копии следующих документов:

- 1 — устав фирмы; 2 — доверенность фирмы главе представительства на право ведения деятельности; 3 — свидетельство об аккредитации; 4 — свидетельство о регистрации в налоговой инспекции г. Москвы; 5 — банковские реквизиты рублевого и валютного счетов; 6 — заявление плательщика на бланке установленного образца.

² Предлагаем следующий типовый договор (контракт) об условиях труда гражданина России у иностранного нанимателя:

ДОГОВОР

г. Москва « » _____ 1995 г.

Мы, нижеподписавшиеся, Глава московского представительства фирмы _____ г-н _____, именуемый в дальнейшем Наниматель, с одной стороны, гражданин Российской Федерации _____, именуемый в дальнейшем Работник, _____

и в дальнейшем именуемые сторонами, заключили настоящий Договор о нижеследующем:

1. Работник принимает на себя обязательство выполнять у Нанимателя в качестве сотрудника следующую работу: _____,

2. Работник приступает к выполнению своих обязанностей по настоящему Договору с « » _____ 1995 года.

3. Работник обязуется уважительно относиться к законам и обычаям стран, которые представляют Наниматель и его дочерние фирмы.

4. Наниматель обязуется создать необходимые условия для выполнения Работником принятых на себя обязательств, указанных в пункте 1 настоящего Договора, предоставить за свой счет необходимые инструменты и приспособления, обеспечить исправное состояние машин и оборудования, создавать безопасные условия работы, предусмотренные соответствующи-

ми правилами по охране труда, соблюдать условия настоящего Договора, осуществлять социальные, медицинские и иные виды обязательного страхования работника.

5. Наниматель не вправе требовать от Работника выполнения работы, не предусмотренной настоящим Договором, а также работы, связанной с опасностью для его жизни и здоровья.

6. Работник обязуется неукоснительно соблюдать трудовую и производственную дисциплину, требования по охране труда, технике безопасности, производственной санитарии, гигиене труда и противопожарной охране, предусмотренные соответствующими правилами и инструкциями.

7. Наниматель в соответствии с действующим российским законодательством в случае нарушения им условий пункта 2 настоящего Договора несет ответственность за ущерб, причиненный Работнику увечьем либо иным повреждением здоровья.

8. Наниматель обязан немедленно проинформировать профсоюзную организацию о несчастном случае, происшедшем с Работником, принять участие в расследовании, проводимом профсоюзной организацией, оформлении соответствующего акта.

9. Наниматель обязуется выплачивать Работнику ежемесячную зарплату в размере _____.

Кроме того, Наниматель предоставляет в распоряжение Работника автомобиль _____ для личного пользования, что составляет увеличение зарплаты на _____, которое подлежит налогообложению в соответствии с законодательством РФ.

10. Размер заработной платы, установленный настоящим Договором, может быть пересмотрен в соответствии с официальной информацией об изменении стоимости жизни.

11. Наниматель ежемесячно перечисляет в налоговую инспекцию, Пенсионный фонд, Фонд занятости населения России, Фонд социального страхования, Фонд обязательного государственного медицинского страхования, Фонд развития образования, Фонд развития транспорта на соответствующие расчетные счета, предусмотренные законодательством России, средства путем безналичного перевода и берет на себя обязательства по государственному социальному страхованию и оформлению документов на получение пенсий для работающих у него российских граждан.

12. В целях поощрения Работника Наниматель может увеличить размер его заработной платы, выплачивать Работнику денежные премии, вознаграждения по итогам работы за год, а также другие поощрительные выплаты.

13. Работнику устанавливается пятидневная рабочая неделя продолжительностью рабочего времени не более 40 часов.

Время начала и окончания работы, перерывы для отдыха и питания устанавливаются Нанимателем.

14. Общегосударственные праздники являются нерабочими днями. Накануне праздничных дней продолжительность работы сокращается на

1 (один) час. Наниматель вправе устанавливать для Работника дополнительные нерабочие дни в дни национальных праздников.

15. Привлечение Работника к работе в выходные и праздничные дни допускается только с его согласия. Работа в выходные и праздничные дни компенсируется по соглашению сторон предоставлением другого дня отдыха или в денежной форме в двойном размере.

16. Все расходы, связанные со служебными командировками Работника, осуществляются за счет Нанимателя. Продолжительность каждой командировки определяется Нанимателем по согласованию с Работником.

17. Наниматель предоставляет Работнику ежегодный оплачиваемый отпуск, включая дополнительный отпуск, продолжительностью не менее 24 (двадцати четырех) рабочих дней с сохранением места работы (должности), а также по соглашению сторон отпуск без сохранения заработной платы.

Время начала отпуска Работника устанавливается по соглашению сторон. Замена отпуска денежной компенсацией не допускается, кроме случая увольнения Работника, не использовавшего отпуск. Оплата отпуска Нанимателем производится из расчета заработной платы и продолжительности установленного ежемесячного отпуска не позднее чем за 5 (пять) дней до его начала.

18. В случае временной нетрудоспособности Работник освобождается Нанимателем от работы на срок временной нетрудоспособности с оплатой больничного листа за счет средств фонда социального страхования.

19. Настоящий Договор может быть расторгнут по инициативе каждой из сторон, но при условии достаточно весомой аргументации.

20. При принятии решения о расторжении Договора каждая сторона обязана письменно уведомить об этом другую сторону с указанием даты прекращения действия Договора не позднее чем за 2 (две) недели до его расторжения.

21. При расторжении Договора по инициативе Нанимателя за нарушение Работником условий Договора Наниматель выплачивает Работнику заработную плату за проработанное время и компенсацию за неиспользованный отпуск пропорционально отработанному времени.

22. В других случаях расторжения Договора по инициативе Нанимателя, не связанных с нарушением Работником условий настоящего Договора, Наниматель выплачивает Работнику заработную плату за проработанное время, компенсацию за неиспользованный отпуск пропорционально отработанному времени и выходное пособие в установленном законом порядке.

23. При расторжении Договора по инициативе Работника или в связи с явным невыполнением Нанимателем обязательств по настоящему Договору Наниматель выплачивает Работнику заработную плату за проработанное время, компенсацию за неиспользованный отпуск и выходное пособие в установленном законом порядке.

24. В случае расторжения Договора Работником по собственному желанию, а также по не зависящим от Нанимателя причинам последний выплачивает Работнику заработную плату за проработанное время и ком-

пенсацию за неиспользованный отпуск пропорционально проработанному времени.

25. Работник обязуется воздерживаться от любой предпринимательской деятельности или работы для третьих лиц параллельно с должностью и вне Представительства на свой счет в областях, в которых имеет полномочия заниматься предпринимательской деятельностью одна из фирм, интересы которых представляет Работник. Нарушение этого обязательства Работником может повлечь за собой немедленное, безвозмездное и одностороннее расторжение данного Договора. Исключения из этого обязательства Работник должен предварительно обговаривать с Нанимателем.

26. Изменение условий Договора, предусмотренных пунктом 1, а также перевод Работника на другую работу, не предусмотренную настоящим Договором, допускаются только с его согласия. В этом случае с Работником заключается новый договор.

27. Трудовые споры между Нанимателем и Работником рассматриваются в соответствии с действующим в РФ законодательством о труде.

28. Во всем остальном, что не предусмотрено настоящим Договором, стороны руководствуются действующим трудовым законодательством РФ.

29. Контроль за соблюдением Нанимателем условий настоящего Договора осуществляет профсоюзная организация.

30. Настоящий Договор заключен сроком на 1 (один) год и вступает в силу с « _____ » _____ 1995 года.

31. Настоящий Договор составлен на русском и _____ языках, каждый в 3 (трех) экземплярах, которые находятся у Нанимателя, у Работника и в профсоюзной организации. Все экземпляры Договора имеют одинаковую юридическую силу.

Адрес Нанимателя

Адрес Работника

Москва
Телефон

Москва
Телефон

³ Суммы страховых взносов (%) по отношению к начисленной оплате труда:

Пенсионный фонд России

Адреса: Серебряный пер., 2, тел. 290-25-05; Кутузовский пр-т, 39, тел. 249-27-07; ул. Молодогвардейская, 21, тел. 417-84-45.

	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.
Работодатели	20,6	31,6	28	28	28
Работники	1	1	1	1	1

Основание: Постановление Верховного Совета России от 30 января 1991 г. № 556-1; Постановление Верховного Совета РФ от 27 декабря 1991 г. № 2122-1; Закон РФ «О внесении изменений в статью 8 Закона "О государственных пенсиях в РСФСР"» от 25 декабря 1992 г. № 4232-1; Постановление Верховного Совета РФ от 25 декабря 1992 г. № 4232-1; Постановление Верховного Совета РФ от 11 февраля 1993 г. № 4460-1; Постановление Правительства России от 3 февраля 1994 г. № 61.

Фонд социального страхования

Адрес: ул. Новый Арбат, 36, этаж 27, ком. 31, тел. 203-14-75; 290-85-49; 290-78-59; 290-84-41; 290-71-91. Кривушкина Галина Степановна.

	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.
Работодатели	5,4	5,4	5,4	5,4	5,4
Работники					

Основание: Постановление Верховного Совета РФ от 27 декабря 1991 г. № 2122-1; Постановление Совета Министров России от 25 декабря 1990 г. № 600/9-3; Постановление Верховного Совета РФ от 25 декабря 1990 г. № 2122-1; Постановление Верховного Совета РФ от 9 июля 1993 г. № 5357-1; Постановление Правительства России от 3 февраля 1994 г. № 61.

Фонд обязательного медицинского страхования

Адрес: Загородное шоссе, 18а, тел. 952-77-22; 958-18-96; 952-90-33. Ломакин-Румянцев Илья Вадимович.

	1993 г.	1994 г.	1995 г.
Работодатели	3,6	3,6	3,6
Работники			

Основание: Законы РФ от 30 марта 1993 г. № 4696-1 и от 2 апреля 1993 г. № 4741-1; Постановление Верховного Совета РФ от 24 февраля 1993 г. № 4543-1; Постановление Правительства РФ от 3 февраля 1994 г. № 61.

Фонд занятости населения РФ

Адрес: ул. Рождественка, 8, тел. 925-16-76; 928-87-00

	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.
Работодатели	1	1	2	2	2
Работники					

Основание: Постановление Совета Министров РФ от 4 июля 1991 г. № 393; Указы Президента РФ от 12 мая 1992 г. № 504, 24 августа 1992 г. № 919, 26 октября 1992 г. № 1303; Законы РФ от 25 декабря 1992 г. № 4232-1, от 30 марта 1993 г. № 4694-1; Постановление Верховного Совета РФ от 9 июля 1993 г. № 5357-1; Постановление Правительства России от 3 февраля 1994 г. № 61; Закон Российской Федерации от 10 января 1995 г. № 3-ФЗ.

Статья поступила в редакцию в мае 1995 г.

ИНСТИТУЦИОННЫЙ АРБИТРАЖ В СТОКГОЛЬМЕ

С.М. Кудряшов *

Осуществление международного экономического сотрудничества нередко бывает сопряжено с необходимостью быстрого и конфиденциального разрешения коммерческих споров. В последнее время все большее число международных коммерческих споров разрешаются посредством арбитража.

В сравнении с обращением с иском в суд арбитражное разбирательство обладает целым рядом преимуществ, связанных с компетентностью арбитров, свободой их выбора сторонами, большей конфиденциальностью и относительной дешевизной.

Арбитражный суд выносит, как правило, окончательное решение, которое подлежит исполнению более чем в ста государствах, подписавших Нью-Йоркскую конвенцию «Об исполнении арбитражных решений» 1958 года.

В настоящее время существуют два вида арбитражных (третейских) судов:

1. Изолированный арбитражный суд (*ad hoc*), создаваемый сторонами специально для рассмотрения данного конкретного спора. Стороны сами определяют порядок создания суда и правила рассмотрения в нем дела.

2. Постоянно действующий институционный арбитражный суд, который создается, как правило, при различных организациях и торговых палатах и имеет свои регламент и правила процедуры. Арбитр избирается из установленного этими органами списка. При таких арбитражах имеется секретариат, осуществляющий ограниченные административные функции.

Каждый из названных выше видов арбитражных судов имеет свои преимущества и недостатки.

При самостоятельном арбитраже большие требования предъявляются к сотрудничеству между сторонами и арбитражем. Общие расходы по такому арбитражу могут быть относительно незначительными, поскольку нет заранее определенных сборов; в равной мере они могут быть и более высокими по сравнению с расходами по институционному арбитражу, при котором существуют заранее установленные ставки сборов.

Институционный арбитраж дает возможность арбитрам сосредоточиться непосредственно на арбитражном решении, в то время как большинство действий, связанных с руководством процессом,

* Слушатель Дипломатической академии МИД РФ.

такие как вручение документов, оказание секретарской помощи, подготовка заслушивания свидетелей и экспертов и т.п., могут выполняться арбитражным органом. Кроме того, накопленный в рамках институционных арбитражей опыт разрешения коммерческих споров позволяет сторонам избежать целого ряда трудностей, связанных с отсутствием в их отношениях регулирующего начала. Немаловажным является и то обстоятельство, что зачастую стороны охотнее передают информацию постоянно действующему арбитражному суду, чем друг другу.

В настоящее время в мире существует несколько постоянно действующих арбитражей, в том числе в Цюрихе, Париже, Вене, Лондоне и Стокгольме.

В современной международной практике заключения внешне-торговых контрактов в качестве места проведения арбитражного разбирательства коммерческих споров часто стал указываться Стокгольм. Этому в значительной степени способствуют нейтральный статус Швеции в мировом сообществе, благоприятное и заинтересованное отношение правительства страны к арбитражу и доверие к шведской юридической системе.

Шведское законодательство об арбитраже содержит нормы, создающие довольно эффективный механизм разрешения споров, гарантируя минимальное вмешательство в рассмотрение спора государственных органов, в первую очередь судов.

Наиболее представительным органом постоянно действующего арбитража в Швеции является Арбитражный институт Стокгольмской торговой палаты. Основными функциями Арбитражного института являются содействие сторонам в выборе арбитров, организация проведения заседаний арбитража, а также помощь в случаях, когда возникают трудности в осуществлении арбитражного рассмотрения спора. Правила производства дел (регламент) Арбитражного института действуют с 1 января 1988 г.

Значение Институционного коммерческого арбитража в Стокгольме для России

Соглашение о третейском суде было заключено между СССР и Швецией 7 сентября 1940 г.

Соглашение устанавливает, что третейский суд выносит решение на основании условий сделок или операций, из-за которых возник спор, и норм права, подлежащего применению в силу принципов коллизионного права. Третейский суд может также дополнительно применять общепринятые международные торговые обычаи.

По соглашению, местопребыванием третейского суда считается Москва, если истцом является российская сторона, и Стокгольм, если истцом является шведское учреждение, организация, фирма или лицо. По ходатайству одной из спорящих сторон заседания третейского суда должны быть перенесены в место нахождения поставленных товаров в случае, если это способствует выяснению дела. Отклонение третейским судом такого ходатайства может последовать только по важным основаниям, которые должны быть изложены третейским судом письменно и сообщены им сторонам.

Осуществление в России после распада СССР рыночных преобразований, связанных с ликвидацией монополии государства на внешнюю торговлю, привело к появлению огромного количества различного рода акционерных обществ, товариществ и совместных предприятий, получивших право осуществлять инвестиционную и коммерческую деятельность за рубежом.

Значительное расширение международных торговых связей российских фирм с иностранными партнерами вызвало необходимость выработки механизма регулирования этих отношений, в том числе и разрешения споров, возникающих в связи с коммерческими сделками. Поэтому весьма своевременным явилось принятие в 1993 году Закона Российской Федерации «О международном коммерческом арбитраже», который составлен на базе типового закона, разработанного Комиссией ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ).

В последнее время торговые контракты, заключенные российскими фирмами с иностранными партнерами, включают так называемую арбитражную оговорку, то есть соглашение между сторонами конкретного договора об арбитражном порядке рассмотрения могущих возникнуть споров. Причем в числе так называемых нейтральных арбитражей нередко указывается именно Стокгольмский арбитраж.

В 1992 году Торгово-промышленной палатой РФ и Американской арбитражной ассоциацией (ААА) была подготовлена «Факультативная арбитражная оговорка для использования в контрактах в сфере российско-американской торговли и инвестирования», также предусматривающая арбитражное разбирательство в Стокгольме.

В силу указанных причин представляет интерес освещение некоторых аспектов деятельности Стокгольмского арбитража.

История развития Стокгольмского арбитража

Коммерческий арбитраж в Швеции возник очень давно: первое упоминание о нем имеется в провинциальных кодексах уже

в XIII веке. Достаточно полное законодательство об арбитраже появилось в 1887 году. Ныне действующий закон об арбитраже вступил в силу в 1929 году. В 1929 году были также приняты положения, касающиеся соглашений об арбитраже и решений суда с участием иностранной стороны. Эти положения относятся к исполнению решений арбитражного суда, и они были приняты во исполнение Женевской конвенции об исполнении арбитражных решений с участием иностранного элемента 1927 года.

В основном они включены в Закон о соглашениях и решениях Арбитражного суда с участием иностранного элемента.

Важные изменения были внесены в этот закон в 1971 году с целью введения в действие Нью-Йоркской конвенции 1958 года об исполнении решений арбитража с иностранным участием.

Институционный арбитраж также имеет давнюю историю: Арбитражный институт Стокгольмской торговой палаты был учрежден в 1917 году.

Институт имеет правление, состоящее из трех членов, которые назначаются на срок в три года Исполнительным комитетом Торговой палаты. Один из членов, который выполняет функции Председателя, должен быть судьей, имеющим опыт в разрешении хозяйственных споров; другой — практикующий юрист; и третий — лицо, пользующееся доверием деловых кругов. Каждый член правления имеет своего заместителя, назначенного Исполнительным комитетом тоже на срок в три года.

В составе Института имеется секретариат, состоящий из одного или нескольких лиц, являющихся служащими Торговой палаты. Секретариатом руководит генеральный секретарь, который должен быть юристом.

Институт рассматривает в год около ста споров, сторонами которых являются коммерческие фирмы многих стран мира, в том числе России, США, Германии, Англии, Франции, Италии, а также КНР.

Большая часть рассматриваемых дел относится к купле-продаже товаров, однако имеются дела, относящиеся к лицензионным соглашениям, морским перевозкам и т.п.

Арбитражное соглашение или оговорка

Соглашение сторон об арбитраже может принимать форму арбитражной оговорки в составе первоначального внешнеторгового контракта или форму отдельного арбитражного соглашения, чаще всего при возникновении спора после заключения первоначального контракта.

В юридической практике часто возникает вопрос: является ли арбитражная оговорка отдельным договором, не зависящим от судьбы основного контракта, или же она является его неотъемлемой частью?

В Швеции концепция автономности арбитражной оговорки была подтверждена, в частности, в двух решениях Верховного суда — по делу *Norrkopings Trikafabris v. Per Person* в 1936 году и по делу *Narhansson v. Asfaltbellagnigar* в 1976 году¹.

Стокгольмский арбитражный институт предлагает следующую арбитражную оговорку: «Любые разногласия, споры или претензии, вытекающие или связанные с настоящим договором или в связи с нарушением, окончанием или недействительностью договора, должны рассматриваться в соответствии с правилами Института арбитража Торговой палаты Стокгольма»².

Институт формулирует три дополнения к оговорке. Первое касается количества арбитров. Допускается, что спор подлежит решению единоличным арбитром, что обходится сторонам значительно дешевле.

Другие дополнения касаются языка разбирательства и материального права, подлежащего применению. Необходимость указания языка связана с тем, что рассмотрение дела на двух языках является более дорогостоящим и длительным. Предварительная договоренность о применяемом праве до начала арбитражного разбирательства также, несомненно, ускоряет процесс рассмотрения дела.

Назначение арбитров

Если нет никаких дополнений или изменений в отношении количества и порядка назначения арбитров, регламент Института предлагает назначить трех арбитров. Каждая из сторон назначает одного арбитра, а третий арбитр определяется Институтом и является Председателем суда. Необходимо отметить, что каких-либо ограничений с точки зрения гражданства или других критериев относительно личности арбитров не существует. Допускается даже выбор арбитров, не имеющих юридического образования. Не определен и список лиц, из числа которых можно было бы выбирать арбитров.

Обязательным условием является только независимость арбитров.

Возможны арбитражные оговорки с указанием конкретного арбитра. Рассмотрение дела в случае его смерти при этом полностью прекращается, так как арбитражная оговорка утрачивает свою юридическую силу³.

Компетенция арбитража

Шведский закон об арбитраже 1929 года предусматривает, что предметом арбитражного разбирательства могут быть только те гражданско-правовые споры, которые регулируются путем соглашения (ст. 1). Вопросы уголовного права, некоторые вопросы гражданского права, такие как брачно-семейные дела, не могут быть предметом арбитражного разбирательства. Таким образом, практически закон не устанавливает изъятий и ограничений по объекту гражданско-правового спора.

Однако арбитры не имеют права рассматривать вопрос, спор по которому одновременно рассматривается в суде. Компетенция арбитража в каждом отдельном случае определяется сторонами арбитражного соглашения. Если арбитры рассмотрели вопрос, не предусмотренный арбитражным соглашением, то решение может быть оспорено в судебном порядке. В Швеции допустимо обращение одной из сторон в суд с иском о признании недействительности арбитражного соглашения, то есть о вынесении судом распоряжения, запрещающего проведение арбитража.

Дисквалификация арбитров

В соответствии с регламентом, если Институт устанавливает, что арбитр подлежит дисквалификации, он освобождается от выполнения своих функций. Институт может также решить освободить арбитра на основании любой законной причины либо невыполнения им должным образом своих обязанностей.

Проблема дисквалификации арбитров, по всей видимости, является наиболее острой в арбитражной практике. В настоящее время шведский регламент не содержит четких оснований для такой дисквалификации.

Международная ассоциация адвокатов разработала в 1987 году специальный этический кодекс арбитров, в котором говорится, что международным арбитрам в принципе должна быть предоставлена юридическая неприкосновенность, за исключением тех случаев, когда арбитры совершили умышленные и намеренные правонарушения. Подобное положение закреплено, в частности, и в регламенте Лондонского арбитражного суда⁴.

Право, подлежащее применению

В контрактах оговаривается, что арбитражный суд выносит решение большинством голосов в соответствии с условиями

контракта, действующими международными торговыми обычаями и внутригосударственными правовыми нормами, подлежащими применению согласно принципам международного частного права⁵.

Преобладающее значение придается волеизъявлению сторон. В случае, если стороны сами достигли соглашения о применимом праве, арбитры рассматривают процедурные вопросы. Если применение одного из международных арбитражных регламентов, таких как арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ, согласовано сторонами, то необходимости выходить за их рамки и обращаться к национальному праву для определения правил арбитражной процедуры не возникает⁶.

Согласно праву Швеции, если арбитражное разбирательство осуществляется в стране, должны применяться нормы шведского права. Однако поскольку многие правила, содержащиеся в шведском арбитражном законодательстве, носят диспозитивный характер, стороны путем соглашения могут исключить применение таких норм арбитражем к рассмотрению конкретного дела. В то же время императивные нормы шведского арбитражного закона будут применяться независимо от желания контрагентов.

Арбитр приступает к разбирательству.

Первый вопрос, который необходимо решить арбитру, — это определение коллизийной нормы, которая должна быть положена в основу установления применимого материального права. Основным критерием, используемым для определения применимого права, согласно шведской доктрине, является автономия воли сторон. Стороны могут предусмотреть применение не только конкретной системы права, но также прямо договориться о материальном праве.

Если стороны не предусмотрели применение коллизийной нормы, вероятнее всего, как признает доктрина, находящийся в Швеции арбитр, следуя принципу территориальности, применит шведское коллизийное право.

Этот вывод подтверждается также мнением, что, избрав в качестве места арбитража Швецию, стороны выразили тем самым намерение руководствоваться при разрешении своего спора шведскими коллизийными нормами.

Другим основополагающим принципом шведского коллизийного права является принцип центра тяжести, который гласит, что применяться должно право, с которым контракт имеет наиболее тесную связь или ближе к которому находится его центр тяжести.

Вопросы, касающиеся земли и недвижимого имущества в Швеции, как и везде, должны регулироваться принципом *lex rei sitae*, то есть действует закон местонахождения имущества.

Хотя Швеция в основном отказалась от своей прежней приверженности принципам *in dubio* («в случае сомнения») в пользу принципа

центра тяжести, тем не менее шведская правовая доктрина рекомендует различные правила *in dubio* в зависимости от вида правоотношений. В частности, в отношении купли-продажи товаров предпочтение отдается принципу *lex domicilii* (закон местожительства продавца); в отношении договоров трудового найма и оказания услуг — право страны, где выполняется работа; в отношении соглашений о строительстве — право той страны, где осуществляются строительные работы.

Швеция является участницей Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года, в соответствии с которой определяется применимое право к международным сделкам купли-продажи товаров.

Арбитражное производство

Началом арбитражного процесса считается подача искового заявления, которое направляется истцом в Стокгольмский арбитражный институт. В исковом заявлении истец формулирует решение, которого он добивается, и приводит доказательства. Заявление истца пересылается ответчику, который должен изложить и обосновать свою позицию.

В ходе предварительного слушания рассматриваются взаимные претензии и выявляются вопросы, по которым имеются разногласия. Уже на стадии предварительного слушания материалы представляются в письменном виде.

После перехода к основному слушанию обе стороны полностью излагают свои позиции, приводят доказательства. Происходит рассмотрение доказательств, и, так как документы уже хорошо изучены судьями, они не зачитываются, а указываются лишь их конкретные разделы. При устных слушаниях сначала истец приглашает своих свидетелей, а затем ответчик.

На последнем этапе каждая из сторон суммирует и приводит основные факты, осуществляется увязка с положениями закона и делаются ссылки на соответствующие периодические документы. Каждая из сторон представляет все необходимые законодательные документы своей страны, которые, как она считает, должны учитываться судом при решении вопроса.

После принятия решения оно подписывается всеми арбитрами, указываются дата и место вынесения решения. Арбитры сообщают сторонам, где и когда те получат решение. Считается, что отсутствие подписи одного из арбитров не делает решение суда недействительным, если он присутствовал при подписании.

Решение арбитража выносится не позднее чем через один год после назначения арбитров. Продление срока осуществляется толь-

ко по решению Арбитражного института. Однако в случае указания сторонами в контракте конкретного срока исполнения решения в один год необходимо заключение нового договора, предусматривающего продление.

Исполнение решений

Швеция является участницей Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года.

Согласно конвенции, каждое договаривающееся государство признает арбитражные решения как обязательные и приводит их в исполнение в соответствии с процессуальными нормами той территории, где испрашивается признание и приведение в исполнение этих решений. К признанию и приведению в исполнение арбитражных решений не должны применяться существенно более обременительные условия или более высокие пошлины или сборы, чем те, которые существуют для признания и приведения в исполнение внутренних арбитражных решений.

Вынесенное арбитражное решение, признаваемое согласно шведскому закону об арбитраже окончательным, может быть приведено в исполнение на территории Швеции путем замораживания авуаров ответчика.

При приведении в исполнение решения на территории других стран надо обращаться к соответствующим судебным властям. В частности, на территории США следует обратиться к государственному секретарю (state secretary) соответствующего штата. Иностранные фирмы, добивающиеся приведения в исполнение арбитражного решения на территории России, обращаются в соответствующий городской суд. В соответствии с Нью-Йоркской конвенцией при подаче такой просьбы они представляют должным образом заверенное подлинное арбитражное решение или должным образом заверенную копию такового, а также подлинное арбитражное соглашение или должным образом заверенную копию такового.

В качестве положительного примера исполнения арбитражных решений на территории России можно привести решение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 10 декабря 1993 г., разрешающее принудительное исполнение на территории России решения арбитражного суда г. Стокгольма от 10 сентября 1991 г., в соответствии с которым российское внешне-торговое объединение было обязано выплатить иностранной фирме определенные денежные суммы.

Арбитражная практика

При выборе применимого в ходе арбитражного разбирательства права придается значение также и арбитражной практике.

Проиллюстрируем это на некоторых арбитражных делах, рассмотренных Стокгольмским арбитражем.

Внешнеторговое объединение СССР и турецкая фирма заключили контракт, по которому продавец должен был поставить покупателю на условиях «свободно советский порт» рыболовный трайлер, оборудованный несколькими кошелечковыми неводами. После возникновения спора по качеству он был передан на рассмотрение арбитража *ad hoc*.

На предварительном заседании стороны пришли к соглашению, что в отношении арбитражной процедуры должно применяться шведское законодательство, так как арбитражная оговорка содержала указание, что местом рассмотрения спора является Стокгольм.

Поскольку контракт не содержал положений о применимых нормах коллизионного и материального права, между сторонами возникли разногласия по данному вопросу. Турецкая фирма утверждала, что должны применяться общие принципы коллизионного права, а в отношении материального права — шведское или турецкое законодательство. Советская сторона настаивала на применении шведского коллизионного права и, соответственно, советского материального права.

С учетом тех обстоятельств, что между сторонами отсутствовала договоренность о применимом праве и местом проведения арбитража был избран Стокгольм, а также сложившейся практики арбитраж вынес решение о применении норм шведского коллизионного права. В дальнейшем арбитраж большинством голосов решил, что к данному спору должно быть применено советское материальное право. Свое решение арбитраж основывал на шведском Законе о праве, применимом к международной купле-продаже, 1964 года.

Решение мотивировалось, в частности, тем, что центр тяжести контракта имеет наибольшую связь с советским правом, так как переговоры по заключению контракта проходили в Москве, подписан он был также в Москве, строительство судна происходило в СССР и до поставки в Турцию оно было зарегистрировано в Морском регистре СССР. В результате арбитраж отказал в иске турецкой фирме и одновременно удовлетворил встречный иск советской стороны об оплате ранее невыплаченной суммы по счетам, а также процентов за просрочку платежа и расходов в связи с арбитражным процессом.

В качестве другого примера можно привести рассмотрение в Арбитражном институте Торговой палаты Швеции дела по иску

французской фирмы, которая в соответствии с контрактом должна была поставить морское судно в СССР, советскому внешнеторговому объединению. В контракте было обусловлено применение коллизионных норм и норм материального права Швеции.

В ходе арбитражного рассмотрения французская сторона пыталась сослаться на забастовки на верфи в 1973 и 1974 годах, продолжавшиеся более 12 недель, как на форс-мажорные обстоятельства, а также на другие причины, которые привели к просрочке в поставке судна. Однако арбитраж, основываясь на условиях контракта, не признал забастовку на верфи поставщика форс-мажорными обстоятельствами. В вынесенном решении французской фирме полностью отказано в иске и на нее возложена обязанность уплатить все арбитражные расходы.

Заслуживает внимания и такой пример арбитражной практики, когда голландское акционерное общество продало шведскому покупателю зарегистрированное в Нидерландах судно. Контракт предусматривал, что споры будут рассматриваться в арбитражном порядке в Швеции. Арбитраж состоял из трех человек: граждан Голландии, Швеции и Норвегии (последний был председателем состава).

В соответствии с господствующей в Швеции доктриной арбитражи при решении вопроса о выборе применимого к спору права установили, что в данном случае должно применяться шведское право, поскольку Швеция является местом рассмотрения спора. Так как сделка касалась зарегистрированного судна, то она не попадала в круг правоотношений, регулирующихся положениями упомянутого Закона о праве, применимом к купле-продаже движимых вещей. Контракт не содержал также никаких указаний на подлежащее применению право.

В этом деле арбитры столкнулись с ситуацией, когда, с одной стороны, имела место привязка правоотношения к Нидерландам: регистрация судна произведена в Голландии, там же находится постоянное местонахождение продавца. С другой стороны, стороны выбрали Швецию в качестве страны, где должны рассматриваться споры.

Имея в виду последнее обстоятельство, арбитры отметили, в числе прочего, что арбитраж, рассматривающий споры, определяется сторонами, как правило, исходя из того, чтобы была возможность применить право, в наибольшей степени известное арбитражу, поскольку применение иностранного права всегда является затруднительным для юрисдикционных органов другой правовой системы. В данном деле арбитраж единодушно наибольшее значение придал именно этому обстоятельству и решил вопрос о выборе применимого права в пользу шведского права, несмотря на

имевшуюся привязку правоотношения также и к территории Нидерландов.

Таким образом, арбитражная оговорка, предусматривающая рассмотрение споров в Швеции, обычно приводит к тому, что спор, как правило, рассматривается шведами и, следовательно, этому моменту должно придаваться важное значение как моменту установления применимого права.

* * *

Изучение регламентов, законодательных документов и арбитражной практики постоянно действующих третейских судов имеет огромное значение в международном частном праве. Велика роль институционных арбитражей по своевременному обобщению арбитражной практики и внесению соответствующих законодательных инициатив.

Следует сказать, что в 1992 году в Швеции был создан специальный правительственный комитет по пересмотру действующего Закона об арбитраже 1929 года. Ожидается, что изменения коснутся прежде всего оснований для дисквалификации арбитров, возможностей отмены арбитражных решений, отзыва арбитров и их личной ответственности.

¹ См. Лебедев С.Н. Международный коммерческий арбитраж: компетенция арбитров и соглашение сторон. — М., 1988. — С. 65.

² См. Yearbook of the arbitration institute of the Stockholm chamber of commerce. — Stockholm, 1994. — P. 117.

³ См. Arbitration Sweden. — Stockholm, 1984. — P. 75.

⁴ См. Лебедев С.Н. Регламент международного коммерческого арбитража: английская модель//Советское государство и право. — 1991. — № 5. — С. 84—97.

⁵ См. Богуславский М.М. Международное частное право. — М., 1994. — С. 407.

⁶ См. Шмиттгофф К. Экспорт: право и практика международной торговли. — М., 1993. — С. 346.

Голоса молодых

ПРАВОВОЙ СТАТУС ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ООН НА КИПРЕ

Т.К. Бадтиев *

Уже на протяжении трех десятилетий Вооруженные силы ООН по поддержанию мира на Кипре (ВСООНК) являются своеобразным буфером в отношениях между греческой и турецкой общинами острова. Созданные по просьбе кипрского правительства на основе резолюции Совета Безопасности 186 от 4 марта 1964 г. ВСООНК стали составной частью внутривосточной жизни островного государства.

В соответствии с пунктом 4 резолюции 186 «вооруженные силы на Кипре являются Вооруженными силами Объединенных Наций, действующими исключительно на основе полномочий, полученных от Совета Безопасности, и, в пределах этих полномочий, по указанию Генерального секретаря... Эти вооруженные силы являются беспристрастным и объективным органом, который не имеет обязанности принимать политические решения и не будет пытаться оказывать на них влияние в том или ином направлении»¹.

Формирование вооруженных сил на Кипре проводилось фактически Генеральным секретарем ООН. Это дало основание считать, что в данном случае «роль Совета Безопасности сводилась лишь к периодическому рассмотрению докладов Генерального секретаря ООН о деятельности вооруженных сил и решению вопроса о продлении их полномочий»².

Отход от уставного порядка формирования вооруженных сил и продление срока их полномочий привели к тому, что отдельные юристы пришли к выводу, что создание и действия войск ООН на Кипре регулируются главой VI Устава ООН, и толковали в отрыве от основных пунктов резолюции преамбулу, где в определении ситуации на Кипре была употреблена следующая формулировка: «Настоящее положение в отношении Кипра может представить угрозу международному миру и безопасности и может еще более ухудшиться»³.

* Аспирант кафедры международного права Московской государственной юридической академии.

Однако известно, что преамбулу следует трактовать вместе с содержанием всего документа. Кроме того, и это отметила Э.С. Александрова, выражение «может представить угрозу международному миру и безопасности» не относится к главе VI, поскольку в ней речь идет об эвентуальной угрозе (т.е. о спорах и ситуациях, продолжение которых могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности). В цитируемой же резолюции констатируется реальная степень угрозы миру, что согласуется со статьей 39 Устава ООН, и отмечается, что обстановка «может еще более ухудшиться», что повторяет, по существу, положение статьи 40 Устава. Определение в пункте 5 резолюции назначения вооруженных сил — «в интересах сохранения международного мира и безопасности» — полностью отвечает смыслу статей 39 и 42⁴. Таким образом, хотя в резолюции от 4 марта 1964 г. не содержалось прямых ссылок на статьи главы VII Устава ООН, ее содержание в целом соответствует положениям именно главы VII: «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии».

Статус ВСООНК был определен соглашением в форме обмена дипломатическими письмами между правительством Республики Кипр и Генеральным секретарем ООН 31 марта 1964 г. и фактически оказался аналогичным положению Чрезвычайных вооруженных сил ООН на Ближнем Востоке. Важно отметить, что этот статус определялся с учетом статьи 105 Устава ООН и Конвенции о привилегиях и иммунитетах Организации Объединенных Наций. Основное отличие возможностей войск на Кипре, по мнению Л.Н. Анисимова и В.Н. Ковалева, состояло в положении пункта 32, который предоставлял вооруженным силам и их представителям свободу передвижения по острову. Включение этого пункта обусловлено тем, что ВСООНК должны были не разделять противоположные стороны на линии прекращения огня, а предотвращать нарушения мира по всей территории острова путем патрулирования и создания необходимых постов⁵.

В то же время безоговорочное следование этому пункту могло создать прямую угрозу посягательства на суверенитет государства, поэтому оправданно, что правительство Кипра оговорило право ограничить доступ патрулей ВСООНК в определенные зоны, когда это было связано с вопросами государственной безопасности и обороны⁶.

В силу особого характера создания ВСООНК не имеют мандата и возможности предотвращать агрессивные действия против страны в целом. И хотя существует точка зрения, что само присутствие на Кипре войск ООН было серьезным сдерживающим фактором против внешнего воздействия⁷, следует признать, что события 1964, 1967 и 1974 годов отразили их полную неэффективность в этом

отношении. Представляется, что кризисные обострения положения на Кипре часто были связаны именно с отсутствием у ВСООНК соответствующих полномочий и возможностей пресекать агрессию извне.

Кроме того, отсутствие в распоряжении Совета Безопасности должным образом подготовленных национальных контингентов, как того требует пункт 2 статьи 43 Устава ООН, отразилось на общем морально-политическом уровне солдат ООН и недостаточной степени осознания ими своей ответственности при выполнении международных задач по поддержанию мира и безопасности. Так, Ч.К. Москос в социологическом исследовании отмечает, что около $\frac{3}{4}$ солдат не имели никакого представления о том, что происходит на Кипре, о смысле своего пребывания там⁸. Необходимо также отметить, что прецедент придания статуса Сил Организации вооруженным силам государства, имеющего «особые интересы» в стране пребывания (в составе ВСООНК был английский контингент), вряд ли можно рассматривать как положительную практику ООН в деятельности по поддержанию международного мира.

Сложность, с которой пришлось столкнуться ВСООНК, заключалась, по мнению Курта Вальдхайма, в том, что «Кипр не является государством обычного типа, поскольку на его территории живут две общины, права которых должны быть абсолютно равными; а двойственность положения Сил заключается в том, что им приходилось в силу особых условий одновременно заниматься регулированием внутренних вопросов каждой общины, а также разбором претензий одной общины к другой и одновременно поддержанием мира на всем острове»⁹.

В соответствии с докладом Генерального секретаря ООН (22 ноября 1993 г.) о пересмотре Советом Безопасности операций ООН на Кипре функции ВСООНК по осуществлению мандата носят двусторонний характер:

1) поддержание статус-кво в военной области и предотвращение возобновления боевых действий;

2) экономическая и гуманитарная деятельность.

В связи с первым направлением деятельности заметим, что между ВСООНК и обеими сторонами не имеется никакого официального соглашения о полной делимитации буферной зоны либо об использовании буферной зоны и контроле над ней. Нарушением прекращения огня является любое перемещение в буферную зону военных через свою линию прекращения огня, применение оружия, взрывчатых веществ без уведомления вдоль линии прекращения огня и т.д. ВСООНК находятся в положении, когда, не имея на то официально выраженного согласия, им приходится осуществлять наблюдение за двумя линиями прекращения огня, являющимися

предметом постоянного спора. Такое положение приводит к постоянным инцидентам между членами обеих общин, которых только за первые девять месяцев 1993 года было 791.

Реакция Вооруженных сил Объединенных Наций на такие случаи зависит от характера нарушения. Это может быть проведение расследования, развертывание войск, представление устного или письменного протеста и последующие действия, имеющие целью исправить положение, создавшееся в результате нарушения, или не допустить его повторения. Одной из обязанностей ВСООНК является также недопущение несанкционированного проникновения в буферную зону и деятельности в ней гражданских лиц. Как результат — войска ООН время от времени участвуют в разгоне демонстрантов. В то же время в буферной зоне, составляющей около 3% территории острова, контингентом ООН поощряется занятие земледелием, при помощи войск возобновлена также деятельность шахт и карьеров.

Необходимо отметить, что нормальной деятельности Вооруженных сил ООН не способствует существующая практика их финансирования на основе добровольных взносов. Так, численность контингента Сил ООН сокращена с декабря 1990 года на 43,6% и составила на декабрь 1993 года 1168 военнослужащих и 35 членов гражданской полиции. Генеральный секретарь ООН в этой связи указал в докладе, что «до тех пор, пока система добровольного финансирования ВСООНК не будет заменена на более отвечающую требованиям систему, пока Совет Безопасности не согласится финансировать их на основе начисленных взносов, нет никакой надежды на привлечение какой-либо страны, которая смогла бы предоставить значительный военный контингент»¹⁰. Это позволяет предположить, что, если Совет Безопасности не примет решение о финансировании ВСООНК на принципах, которые являются стандартными для всех операций по поддержанию мира с 1973 года (финансовое бремя пока по-прежнему несут стороны), вооруженные силы на Кипре будут свернуты.

Рассматривая кипрскую проблему, А.А. Верещак и некоторые другие авторы отмечали, что операции по поддержанию мира осуществляются в кризисных ситуациях для стабилизации положения и предпосылкой для достижения этих целей является политическая воля участников конфликта¹¹. Иначе говоря, присутствие войск ООН в районе конфликта накладывает на стороны, вовлеченные в него, обязательство полностью и конструктивно использовать их присутствие для ликвидации основных своих разногласий.

Стороны предпринимали и продолжают предпринимать попытки урегулировать конфликт различными средствами, включая меж-

общинные переговоры. При этом греко-кипрская сторона предлагает решить проблему путем создания бирегионального государства, подобного федерациям, существующим в мире. Турецко-кипрская сторона исходит в своих требованиях из концепции бizonальности, наиболее ясно сформулированных в интервью Денкташа журналу «Олай», опубликованном 16 июля 1979 г. В нем он подчеркнул: «Я имею в виду государство, которое территориально представляет собой одно из двух федеративных государств. Я независим во многих вопросах внутри этой территории. Мой суверенитет неограниченный, никто не может нарушить его... Между двумя зонами должна существовать реальная граница. Не должно быть свободы переселения или передвижения между двумя различными зонами, должны существовать две отдельные администрации, установлен экономический раздел. Должно быть наделенное весьма ограниченными полномочиями центральное правительство».

Оценивая присутствие ВСООНК на острове, президент Г. Василиу отмечал: «Чем дольше сохраняется эта ситуация, тем более закрепляются уже свершившиеся факты. При любом урегулировании считаем необходимым, чтобы турецкие войска и поселенцы покинули остров и были гарантированы основные права всех граждан, включая право на свободное передвижение, расселение и приобретение собственности»¹².

Осуществляя лишь вспомогательную деятельность и не оказывая влияния на решение политических проблем, войска ООН на Кипре обязаны были оставаться беспристрастными. Их присутствие на острове на иной основе было бы недопустимым, так как урегулирование межобщинных проблем Кипра относится исключительно к внутренней компетенции страны, обладающей полным и безусловным суверенитетом. Существует точка зрения, что ВСООНК являют собой образец беспристрастности и могут служить моделью для проведения операций ООН по поддержанию мира с применением вооруженных сил от имени Организации. Например, Ч.К. Москосом понятие «беспристрастность» возводится в некий абсолют, наднациональный по характеру и заключающийся в пристрастии к ценностям мирового сообщества¹³. Однако беспристрастность ВСООНК, как правильно отмечали некоторые авторы, имела свои естественные границы¹⁴.

Применительно к решению кипрской проблемы и в качестве рекомендации в отношении разрешения аналогичных конфликтов нередко предлагается шире применять Вооруженные силы ООН. В этой связи раздаются призывы к изменению соответствующих положений Устава ООН, поскольку серьезным ограничением для эффективного осуществления поддержания мира является сам Устав: в нем нет положений об участии Вооруженных сил ООН в

действиях по поддержанию мира, по преодолению основных экономических, этнических и социальных противоречий, которые создают почву для большинства конфликтов. Вместе с тем представляется очевидным, что присутствие любых иностранных войск, включая и Вооруженные силы ООН, на территории суверенного государства представляет собой явление принципиально ненормальное. Ведь целесообразность направления вооруженных сил может возникнуть лишь в исключительных случаях, когда нет иных возможностей для предотвращения или пресечения агрессивных действий и защиты суверенитета и территориальной целостности государства, ставшего жертвой агрессии, кроме как использовать Силы ООН в соответствии с положениями статьи 42 Устава Организации.

Оценивая с этих позиций ситуацию на Кипре, заметим, что относительная нормализация положения на острове как результат усилий ВСООНК не может являться предлогом для постоянного откладывания окончательного урегулирования. В самом факте присутствия Сил ООН в районе конфликта заложено скрытое противоречие, так как, участвуя в противостоянии, они в известной степени препятствуют радикальному решению проблемы. В подтверждение этого тезиса укажем на то, что нередко представители стран в ООН подменяют разработку основополагающих теоретических аспектов операций по поддержанию мира, призванных разрешить основные проблемы конфликтных ситуаций, рассмотрением второстепенных вопросов снабжения и развертывания ВСООНК.

Считая слабой стороной операций ООН по поддержанию мира отсутствие их связи с попытками мирного разрешения конфликта, В. Моравецкий справедливо отмечал в этой связи: «Даже тогда, когда такие операции сопровождались усилиями ООН по оказанию посреднических услуг, были основания предполагать, что операции ООН не способствуют успеху подобных усилий. Эффект таких операций состоит как бы в замораживании конфликта, в его ограничении определенными рамками и в известной степени — в легализации его существования... Замораживание таких конфликтов может вызвать лишь поверхностное успокоение или смягчение напряженности. Оставленные без разрешения противоречия могут накладываться и в дальнейшей перспективе привести к еще более опасному взрыву»¹⁵.

Таким образом, из сказанного следует вывод о том, что статус-кво на Кипре не является жизнеспособным, ибо не решает проблему по существу.

В настоящее время при решении вопроса о целесообразности нахождения ВСООНК на Кипре и их численности следует, на наш взгляд, учитывать следующие обстоятельства.

1. Каждая сторона имеет свой взгляд на будущее Сил. Греко-кипрская сторона заявляет, что, пока ситуация не изменится, она заинтересована, чтобы потенциал войск ООН был на нынешнем или большем уровне. У турецко-кипрской общины нет особых возражений против того, чтобы ВСООНК остались на острове; она и не настаивает на их присутствии, поскольку безопасность и стабильность на острове обеспечиваются, по ее мнению, крупномасштабным присутствием турецких сил.

2. Сокращение численности Сил ООН будет иметь серьезные последствия для обеих сторон. На них ляжет еще большая ответственность за обеспечение того, чтобы на Кипре не произошло усиления напряженности и чтобы могли сохраняться условия для скорейшего достижения всеобъемлющего соглашения. С сокращением возможностей ВСООНК контролировать инциденты обеим сторонам необходимо проявлять максимальную сдержанность и, сообразуясь с предложенным Генеральным секретарем ООН пакетом мер укрепления доверия и комплексом идей по всеобщему рамочному соглашению, распространить действие соглашения о выводе личного состава на все районы буферной зоны, где их силы остаются в непосредственной близости друг от друга.

3. Обеим сторонам необходимо вместе работать над тем, чтобы их органы вновь могли взять на себя осуществление тех функций, которые, действуя из гуманитарных соображений и пытаясь восстановить нормальные условия, в течение ряда лет выполняли ВСООНК.

4. Если ВСООНК, являющиеся важным фактором поддержания мира, утратят способность контролировать буферную зону, возникнет реальная опасность того, что мелкие инциденты могут перерасти в серьезную угрозу для прекращения огня, от чего зависит не только безопасность народа Кипра, но и сохранение атмосферы, благоприятствующей успеху политических переговоров.

Таким образом, анализ правового статуса ВСООНК и их действий свидетельствует о том, что в настоящее время Вооруженные силы ООН по поддержанию мира на Кипре представляют собой важнейший элемент в деле поддержания мира в стране.

¹ ООН. Совет Безопасности. Официальные отчеты. Док. S/PV. 1101. 1101-е заседание, 3 марта 1964 г. — С. 2.

² Николас А. Кипрская проблема в международных отношениях 1960—1975 годов. — Киев, 1979. — С. 91.

³ Док. ООН S/PV. 1101. — 3 марта 1964 г. — С. 2.

⁴ Александрова Э.С. ООН: объединенные действия по поддержанию мира. — М., 1978. — С. 117.

⁵ Анисимов Л.Н. Проблема Кипра. — М., 1986. — С. 25—26.

- ⁶ Ковалев В.Н. Проблема Кипра и ООН. — М., 1978. — С. 19.
- ⁷ Harbottle M. The Impartial Soldier. — London, 1970. — P. 169.
- ⁸ Moskos Ch.C. Peace Soldiers. — Chi., 1976. — P. 97.
- ⁹ Вальдхайм К. Единственная в мире должность. — М., 1980. — С. 103.
- ¹⁰ Док. ООН 5/26777. — 1993. — 18 марта.
- ¹¹ См. Верещак А.А. Уставные принципы создания и применения Вооруженных сил ООН. — М., 1984. — С. 67; Международные отношения на Кипре. Народы Азии и Африки. — 1980. — № 6. — С. 125—126.
- ¹² Есть ли у диалога перспективы? Проблемы мира и социализма. — 1988. — № 11. — С. 21.
- ¹³ Moskos Ch.C. Op. cit. — P. 3.
- ¹⁴ См. Папанеоанну Э. Разрядка полезна всем народам. Проблемы мира и социализма. — 1974. — № 1. — С. 12—13.
- ¹⁵ Моравецкий В. Функции международной организации. — М., 1976. — С. 267—168.

Статья поступила в редакцию в апреле 1995 г.

Трибуна преподавателя и студента

ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Э.К. Шнекендорф*

Проблема прав человека является не только юридической. Данная проблема по своей сути междисциплинарная, и ее решение требует взаимодействия специалистов различных областей науки. Формула «образование — основа демократии», выдвинутая ООН, подчеркивает особую роль школы, учителя в воплощении ее в жизнь.

Исследования, проведенные нами за последние годы в ряде регионов страны, показали, что подавляющая масса учителей не знакома с основными документами ООН, Совета Европы, посвященными проблематике прав человека. Эти же исследования подтвердили и полное незнание этих документов школьниками. И как результат этого — сегодня из 100 конфликтов в школе между учителями и учениками 89 возникают по вине первых. Медики утверждают, что существуют некоторые заболевания детей, причиной которых являются учителя, например дидактогенные неврозы: на них приходится 35—40% всех детских неврозов. По мнению известного ученого-педагога Ш.А. Амонашвили, сегодня в школе доминирует «силовая педагогика».

Вот почему на сегодняшний день остро стоит проблема подготовки квалифицированных педагогических кадров. Надо отметить, что ряд педагогических вузов ограничил преподавание прав человека историческими и юридическими факультетами. Мы не исключаем такой возможности как одного из вариантов, однако придерживаемся другой позиции: в педагогическом вузе преподавание курса о правах человека следует вести на всех факультетах с учетом особенностей каждого из них. Такая целевая установка профессионально-педагогической подготовки студентов является основой для решения проблемы преподавания прав человека.

* Профессор Московского педагогического университета, академик Академии педагогических и социальных наук.

Исходя из этой позиции, мы разработали варианты программ по данной тематике. Остановимся на двух из них. Первый — это включение документов о правах человека, правах ребенка в содержание курса педагогики; второй — ведение самостоятельного спецкурса.

В педагогическом вузе педагогические дисциплины охватывают широкий круг вопросов в целях основательной профессиональной подготовки студентов — будущих учителей. Включая документы о правах человека в курс педагогических дисциплин, мы не только актуализируем его, но и решаем проблему формирования культуры прав человека у студентов всех факультетов как один из важнейших компонентов их профессиональной пригодности.

Составляя программы преподавания, мы стремимся установить диалектическое единство системы знаний о правах человека с психолого-педагогической наукой. Анализ опубликованных программ показал, что основное внимание в них уделяется рациональной сфере сознания при явной недооценке психолого-педагогического фактора. Духовный мир человека, такие его социальные качества, как гражданственность, правосознание, формируются в сознании личности как единство рационального и эмоционального. Поэтому и необходимо всецело учитывать психолого-педагогический фактор. Мы считаем, что это способствует повышению эффективности подготовки студентов к профессиональной деятельности.

Разработанная нами программа придает нравственную и психолого-педагогическую направленность изучаемым юридическим документам о правах человека. Наша программа, цель изучения прав человека ставят задачу не только дать студентам сумму определенных знаний и практических умений, но и способствовать формированию культуры прав человека, уважения прав и свобод личности, отходу от авторитаризма, что должно стать основой профессионального становления.

Работа по подготовке студентов состоит из трех компонентов: теоретического, практического и исследовательского. Они взаимосвязаны между собой по содержанию и способам реализации. При этом каждый из них отражает определенную систему взаимосвязанных методов, видов занятий и конкретных практических действий каждого студента.

Теоретическая подготовка осуществляется во всех разделах курса педагогики с 1-го по 5-й год обучения.

Практическая деятельность включает в себя: постоянную практическую деятельность студентов (II—III курсы), педагогическую практику в школе (IV—V курсы), проведение бесед с родителями.

Исследовательская деятельность (творческая) заключается в выполнении исследовательских заданий, написании рецензий на различного рода публикации по проблематике прав человека, под-

готовке информационных модулей для Банка данных, написании методических разработок воспитательных мероприятий, написании и защите рефератов, курсовых и дипломных работ и других форм научно-исследовательской работы.

Преподавание строится с опорой на взаимосвязь, преемственность и взаимовлияние педагогических идей выдающихся ученых и деятелей культуры различных стран и народов. В центре внимания прогрессивных педагогических концепций всегда были признание человека высшей ценностью, уважение к личности ребенка, его достоинству, защита его прав на свободу и развитие, утверждение демократических и гуманистических принципов в его воспитании и образовании. Они являлись существенной побудительной силой развития общества.

Такой подход помогает студентам осознать закономерности прогрессивного развития мировой педагогической мысли, поскольку Всеобщая декларация прав человека, Конвенция о правах ребенка, Европейская конвенция о защите прав и основных свобод человека и гражданина отражают развитие и диалектическое единство гуманистических и демократических идеалов народов мира и нашей страны, признание приоритета общечеловеческих ценностей.

В процессе занятий мы применяем разнообразные методы и формы, среди них дискуссии, защита проектов, решение конфликтных ситуаций, «мозговая атака», ситуативные задачи, игровые методы и др.

В международных документах о правах человека используется профессиональный юридический язык, сложный для восприятия ребенка. Поэтому студенты учатся приемам адаптирования текста с учетом возрастных особенностей учащихся. Это требует не только глубокого понимания нравственно-правовой сущности статьи документа, но и умения излагать ее доступно для подростка.

Мы испытываем острую потребность в учебной и методической литературе. Чтобы восполнить эти потребности, мы подготовили не только программы, но и учебные пособия. Одно из них — для учащихся младших классов (красочное издание с адаптированным текстом Всеобщей декларации прав человека) — уже издано. Вторая книга для этого же возраста — сказки народов мира и нашей страны, в которых отражены идеи прав человека, — подготовлена к печати. К этим учебникам подготовлены методические рекомендации для учителей. Работа по подготовке учебников и учебных пособий продолжается.

Важным направлением нашей работы мы считаем подготовку и проведение методических семинаров для преподавателей и других работников вузов и общеобразовательных школ. Эти семинары проводятся совместно с Министерством образования РФ, Минис-

терством юстиции РФ, Московским фондом содействия ЮНЕСКО. Информационным центром ООН.

Сейчас мы объявили конкурс на лучшую творческую работу по изучению документов о правах человека в вузе и школе. Конкурс посвящен 50-летию ООН и 50-летию ЮНЕСКО. Его цель — обобщение имеющегося опыта преподавания прав человека и на его основе — информационное расширение Банка данных, подготовка сборника лучших творческих работ к публикации.

Вся эта работа координируется лабораторией по проблемам преподавания прав человека, созданной на кафедре педагогики нашего университета.

Опыт пятилетнего преподавания свидетельствует, что включение документов о правах человека, правах ребенка в содержание курса педагогики значительно усиливает гуманизацию курса, приближает нравственные заповеди этих документов к практическим аспектам нашей жизни.

Знания о правах человека формируют мировоззрение студентов, шкалу ценностей и тем самым усиливают воздействие курса педагогики на практику воспитательной деятельности будущих учителей. Эти знания становятся катализатором нравственного развития студентов, их решительного отказа от авторитарных методов преподавания.

Свидетельством эффективной работы являются и доклады студентов негуманитарных факультетов об исследованиях на трех международных конференциях и семинарах по правам ребенка под эгидой ООН, ЮНЕСКО и Совета Европы, а также вручение группе студентов сертификатов Международного института прав человека в Страсбурге.

Успех продвижения России к демократии и правовому государству во многом зависит от приобщения подрастающего поколения к общечеловеческим и национальным гуманистическим ценностям, от формирования у молодежи правового сознания. Это, в свою очередь, предполагает создание системы подготовки и переподготовки всех учителей, которая отвечает потребности становления правового государства. В этих целях мы призываем объединить усилия не только правоведов, но и педагогов, психологов, медиков, социологов, других специалистов. Необходима разработка междисциплинарной концепции изучения проблемы, результаты которой должны обогатить духовное формирование личности в системе воспитания и образования, практически ответить на насущные потребности становления правового государства.

Страницы истории

ХАННА АРЕНДТ: СУЖДЕНИЕ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

О.В. Шудра *

Ханна Арендт, по мнению западных специалистов, является одним из ведущих политических мыслителей, но, к сожалению, это имя остается малоизвестным для отечественной аудитории.

Родившись в 1906 году в городе Линден близ Ганновера, Ханна Арендт выросла в Кенигсберге, городе, тесно связанном с именами великих людей, символизирующих интеллектуальные и культурные традиции, сформировавших ее жизнь: Иммануил Кант, немецкий философ, и Мозес Мендельсон, родоначальник западного еврейского Просвещения. Училась Арендт в университетах Фрайбурга, Марбурга, Гейдельберга. Ее учителями были Мартин Хайдеггер, Эдмунд Гуссерль и Карл Ясперс. Под руководством Ясперса в 1929 году Арендт защитила диссертацию «Любовь у святого Августина». Назревавшие в Германии события заставили Арендт переосмыслить немецкие и еврейские, в то время демонстративно непримиримые, традиции, чтобы критически рассмотреть развитие культурного симбиоза, на основе которого определялась жизнь немецких евреев.

После прихода нацистов к власти она вынуждена выехать в Прагу, затем в Женеву и, наконец, во Францию. В течение восьми лет, проведенных в Париже, Арендт принимала участие в антинацистском Сопротивлении, работала в женской международной сионистской организации, помогая немецким евреям эмигрировать в Палестину. Во Франции Ханна Арендт начинает работу над фундаментальным исследованием истоков нацизма и современного антисемитизма, ставшим впоследствии основой не только ее всемирно известного труда «Происхождение тоталитаризма», но и всей ее дальнейшей работы по политической философии, а также ее понимания современного политического мира.

* Преподаватель Саратовского кадрового центра при Президенте РФ, аспирантка кафедры политологии Саратовского экономического института.

В период «странной войны» Арендт, еврейку по происхождению, но уроженку Германии, помещают в лагерь для интернированных. После оккупации Франции по фальшивым документам ей удается перебраться в США. Американский период жизни — это период расцвета ее творчества, ее признания, а Соединенные Штаты стали страной ее второго гражданства.

Арендт никогда не стремилась к ортодоксальной академической карьере. Будучи профессором Нью-Йоркского центра «Еврейская культура в изгнании», средства на жизнь она получала больше от своих научных трудов, чем от академических постов. Ведущие университеты США (в Беркли, Принстоне, Чикаго) приглашали ее читать лекции. Именно в Соединенных Штатах Арендт нашла восприимчивую, обеспокоенную вопросами морали аудиторию для исследовательского анализа вьетнамской войны, «уотергейта», ставшими для политической жизни страны поворотными. Ее человеческая, сформировавшаяся на основе личного опыта точка зрения дала возможность увидеть безнравственность политического обмана, не преувеличивая его амбиций и не преуменьшая его значения.

Арендт была удостоена ряда престижных премий, среди которых премии З. Фрейда, Германской академии наук, Зоннинга, присуждаемой за выдающийся вклад в развитие европейской цивилизации. Последним научным трудом Ханны Арендт стала книга «Жизнь разума» (1975 г.), философская трилогия о мышлении, воли и суждении, которая не была закончена.

Все ее творчество теоретика политики, философа выражает ее позицию, отношение к политическим проблемам современности, с которыми Арендт столкнулась в собственной жизни благодаря своей принадлежности к еврейскому народу. Тем не менее это не означает, что ее творчество основывается просто на проекции собственной жизни на современный мир в целом. Напротив, в своих работах она обращалась к кризисным явлениям нашего времени: нацизм, империализм и тоталитаризм, крах политической культуры гражданства, геноцид, отсутствие ответственности человека за политическое зло.

Во многом непонятая современниками, Ханна Арендт как мыслитель, возможно, более актуальна сегодня, чем раньше. Ее рассуждения о демагогическом содержании таких утверждаемых и пропагандируемых «национальных добродетелей», как «любовь к отечеству», «мужество», «верность», за которыми скрывается, как правило, склонность к неверности и оппортунистическому предательству, а также ее рассуждения о так называемом «национальном вопросе» проецируются на наше время, когда в мире не утихают локальные национальные войны, когда разгул агрессивного сепаратизма и международного религиозного терроризма становится повседневной явью.

Арендт сожалеет о том, что, отшатнувшись от «идеи человечества» (в какой бы форме — религиозной или гуманистической — она ни выступала), люди оказываются все более приверженными расовым доктринам, отвергают заложенную в идее «единого человечества» всеобщую ответственность.

Возможность реализации «идеи человечества» она видит на двух уровнях: сначала на индивидуальном, а затем на политическом. «Ибо идея человечества, очищенная от всякой сентиментальности, ведет к очень важному политическому следствию, а именно: мы в том или ином виде должны взять на себя ответственность за все преступления, совершенные людьми; народы должны нести ответственность за все злодеяния, совершенные народами. Стыд, что ты человек, и есть вполне индивидуальное и неполитическое выражение данного понимания»¹. Этот принципиальный стыд, который испытывают сегодня многие люди различных национальностей, есть то единственное, что осталось от чувства международной солидарности. Ханну Арендт тревожит, что политически «идея человечества» не нашла никакого реального выражения, хотя именно эта идея, из которой нельзя исключить ни один народ и внутри которой никому нельзя присудить монополию на порок, является единственной гарантией порядка, при котором ни одна «высшая раса» не будет считать себя обязанной следовать природным законам «права сильного» и истреблять «низшие, нежизнеспособные расы».

По своим взглядам Арендт была одновременно и консервативной, болезненно переживая нарушение традиций, и в то же время радикальной, выражая фундаментальную интеллектуальную и моральную приверженность к критической независимости даже ценой того, что в результате этого она превращалась в изгоя. Тем не менее такая позиция является следствием сохранения веры в себя и истину в том виде, в каком она ее видела. Пример тому — книга Ханны Арендт о суде над Эйхманом.

Адольф Эйхман — нацистский преступник, руководивший 4-м отделением группы IVB гестапо. Это отделение занималось так называемым «окончательным решением» еврейского вопроса, реализацией особо засекреченного плана полного уничтожения евреев в Европе. Программа предусматривала охватить этим «окончательным решением» 11 млн. евреев².

На службе Эйхман характеризовался как скрупулезный, трудолюбивый и образцовый специалист. В 1934 году 27-летний нацист приехал в Германию, где сделал блестящую карьеру, начав служащим картотеки СД (оперативно-разведывательной службы нацистской партии) и став впоследствии руководителем специальной службы гестапо. Ему, непосредственно ответственному за смерть миллионов людей, после краха фашистской Германии удалось надолго скрыться от ответственности за свои преступления, которые

в соответствии с Уставом Международного военного трибунала в Нюрнберге квалифицировались как тягчайшие международные преступления против человечности. Только 13 мая 1960 г. в Буэнос-Айресе Эйхман, проживавший под фамилией Клемента Рикардо, был схвачен агентами израильских спецслужб и тайно переправлен в Израиль. Эйхман предстал в Иерусалиме перед судом, публичные слушания в котором начались 11 апреля 1961 г. и закончились 15 декабря. Вердикт — смертный приговор.

Судебный процесс над Эйхманом был одним из крупнейших процессов над нацистскими преступниками, состоявшихся за пределами Германии и вызвавших большой резонанс во всем мире.

Ожидалось, что на процессе Эйхмана «будут вскрыты в полном объеме нацистские преступления, в частности связанные с планом полного уничтожения еврейского населения, что будет установлена ответственность соучастников Эйхмана, названы их имена и приняты меры к привлечению их к уголовной ответственности»³.

Израильский суд в силу политических, а также других причин, связанных с особенностями своего национального судопроизводства, изобилдовал рядом судебных ошибок. Всячески отклоняясь от обсуждения этих вопросов, суд больше сосредоточивал внимание на персонализации зла Эйхмана. Все эти недостатки судебного процесса, а главное — фигура самого Эйхмана, не могли пройти мимо внимания Ханны Арендт, которая присутствовала на процессе в качестве корреспондента журнала «Нью-Йоркер». В пяти статьях, которые впоследствии вошли в одну из известных книг «Эйхман в Иерусалиме. Заметки о банальности зла» (1963 г.), она показала собственное видение «банальности зла» Эйхмана, отличное от того, чему она была свидетелем на процессе.

В ходе процесса Эйхман подтвердил те непостижимые для человеческого разума данные о жертвах еврейского народа, о которых мир впервые узнал во время суда в Нюрнберге, данные, которые в виде обычных канцелярских отчетов Эйхман представлял для доклада нацистскому руководству о ходе выполнения программы «Окончательное решение». Было доказано его непосредственное участие в планировании и координировании операций по выполнению этой программы. На процессе были допрошены 109 свидетелей, из них 98 человек, проживавших в Израиле, проведено 121 заседание, протоколы которых составили две тысячи страниц. Судом были приведены важные доказательства нацистских преступлений Эйхмана и его сообщников, документально представленные Венгрией, Польшей, Чехословакией и ГДР.

Обвинение представило Эйхмана в образе бесчеловечного монстра. Сам же он утверждал, что в своих деяниях был обычным бюрок-

ратом. Большинство присутствовавших на процессе так и восприняли его — наполовину монстром и наполовину бюрократом. Но если принять представление об Эйхмане как о монстре, то его злодеяния и злодеяния всех нацистов нужно считать чем-то потусторонним, внезапно ниспосланным с небес на погибель человечеству. В этом случае невозможно объяснить, по каким причинам все произошло и что следует сделать, чтобы предотвратить это чудовищное зло. Более того, стереотип монстра косвенно предполагает оправдание всех, кто участвует во зле и кто не считает себя монстром. Однако если Эйхман был неизбежным продуктом бюрократии, то пришлось бы признать его заявление, что он не несет ответственности за свои поступки. Фактически стереотип бюрократа оправдывает всех, кто участвует во зле, при условии что сама организация зла — бюрократическая.

Существует и третий стереотип: эйхманы этого мира представляют определенный тип — авторитарную личность культурного архетипа послушного немца. Хотя нет необходимости непосредственно обсуждать этот тип, должно быть ясно, что он столь же неприемлем, как и вышеуказанные. Он успокаивает мышление: это не может случиться со мною, поскольку я — не авторитарная личность, и это не может случиться здесь, поскольку мы — не послушные немцы. Если Эйхман не может быть представлен в образе монстра, бюрократа, авторитарной личности, послушного немца, следовательно, он представляет собой нечто обычное и общее, присущее человеческому обществу.

В своей книге «Происхождение тоталитаризма» Ханна Арендт описывает нацизм как «радикальное зло», а в работе «Эйхман в Иерусалиме», изменив свое мнение, называет его «банальным злом». Она приписала несомненное зло нацизма рядовым людям, а не монстроподобным индивидуумам, хотя они бесспорно играли значительную роль, и дегуманизированной системе, зовущейся бюрократией, хотя она и была одним из факторов, внесшим свой вклад в это зло. Для Арендт Эйхман представлял обычных людей, которые были гарантом стабильного существования общества и государства при нацизме и советском сталинизме. Тоталитарная машина уничтожения приводилась в действие не фанатиками, не авантюристами, не садистами, не сексуальными маньяками, а нормальными, добропорядочными, законопослушными гражданами⁴. Без согласия столь многих простых людей проступки ни монстров, ни бюрократов не были бы так эффективны.

Одно из самых общих положений политической науки заключается в том, что политическая власть может осуществляться лишь с добровольной поддержки по крайней мере некоторой части управляемых, даже если они являются преторианской гвардией. Данную мысль Давид Юм сформулировал как первый принцип управления.

Правители могут получать поддержку через выборы, заговоры, всякого рода альянсы, а также выражение интересов отдельных групп. Многие писатели пытаются объяснить, как режимы зла получали эту добровольную поддержку. Повторяя три вышеприведенных стереотипа, ими выдвигаются и собственные объяснения, нашедшие широкую аудиторию и избежавшие жесткой критики, которой подверглись социальные и исторические объяснения. Так, Игнацио Силоне признал абсурдность фашизма как очевидное и приписал его успех страху. Джордж Оруэлл, чей образ Океании оказал наибольшее влияние на воображение современников, видел в нравственном двоемыслии источник такой готовности подчиняться.

Напротив, проведенный Арендт анализ посредственности Эйхмана предполагает, что режим не нуждается в добровольной поддержке населения и даже не нуждается в преторианской гвардии. Хотя принуждение, страх и двоемыслие находят себе применение, но той инертности обыкновенных людей, когда они не думают и не имеют суждения, вполне достаточно, чтобы поддержать даже самые варварские режимы. Результатом этой инертности является согласие с этой системой, но не добровольная поддержка режима. Ни двоемыслие, ни страх, ни принуждение не смазывают колеса тоталитаризма так, как это делает отсутствие мышления.

Защита Эйхмана в Иерусалиме повторила сценарий защиты генерала Йодля в Нюрнберге, построенной на том, что он был солдатом, давшим клятву в повиновении, а не политиком и что задача солдата не заключается в том, чтобы выступать в качестве судьи действий своего старшего командира — это дело истории или Бога. По существу, защита опиралась на доктрину «выполнение приказов сверху», которая в соответствии со статьей 8 нюрнбергского Устава Международного военного трибунала не могла быть использована как довод защиты, но могла рассматриваться как довод для смягчения наказания, если Трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия. Но Трибунал по отношению к Йодлю не признал доводы защиты смягчающими, мотивируя тем, «что участие в совершении этих преступлений никогда не требовалось ни от какого солдата и что он не может прикрываться этим мифическим требованием солдатского повиновения при всех условиях в качестве оправдания за совершение этих преступлений»⁵. Ходатайство о помиловании было отклонено.

Фактически прошение Йодля о помиловании не соответствовало существующему немецкому законодательству и прецеденту⁶. В 1921 году германский Верховный суд заслушал и отказал в такого рода прошении двум офицерам ВМФ, которые подчинились приказу убивать спасшихся с потопленного судна. Это осуждение никогда не было аннулировано. Более того, германская армия име-

ла полевой учебник, который декларировал, что каждый солдат несет ответственность за свое собственное поведение. Это одно из стандартных положений, направленных на поддержание дисциплины и на предотвращение мародерства и грабежей. Ни один солдат в армии под командованием Йодля не был обязан слепо подчиняться тому, что он требовал для самого себя. Право судить было предоставлено не Богу, не истории, а трибуналу, и исход был определен. Йодль и другие были приговорены к высшей мере наказания. А тот факт, что Эйхману пришлось выбрать ту же линию защиты, которая подтвердила свою обреченность, указывает не только на его отчаяние, но и на ущербность его суждения. Эйхман представлял себя в качестве мелкого подмастерья. На всем протяжении его допроса и показаний свидетелей он заявлял, что он ничего не решал, а был орудием в руках сильных и могущественных.

Поскольку официальное заявление, сделанное в суде стороной ответчика по поводу слепого повиновения, не было приемлемо из-за прецедента в Нюрнберге, обвинение в Иерусалиме могло бы вменить в вину Эйхману преступления, совершенные им как исполнительным бюрократом, но обвинение делать этого не стало. Вместо этого Эйхмана представили как олицетворение зла. Это был портрет фанатичного немца и убежденного антисемита. Так же его изображали и главные нацистские преступники в Нюрнберге, чтобы показать себя в более выгодном свете. Тем не менее суровые наказания, определенные для этих подсудимых, указывают, что Нюрнбергский трибунал не пришел к заключению об ответственности за все приписываемые ему преступления. Но репутация его «демонической» личности шла впереди него, и в Иерусалиме, по видимому, исходили из посылки, что Эйхман был всего лишь монстром, способным совершать такие чудовищные преступления, виновным в смерти сотен тысяч людей. Поэтому большей частью Эйхмана обвиняли в намерениях, чем в реальных делах.

Но даже самые убежденные сторонники способности человека быть дьяволом едва ли могли увязать такую сатанинскую характеристику с внешним обликом сидящего перед ними Эйхмана — маленького, серого, незначительного, «страшно и ужасающе нормального человека»⁷. Такое несоответствие преступлений Эйхмана его облику было очевидно. Однако каждый, кто следил за процессом, в то же время отрицал, что Эйхман был «пигмеем»⁸, предпочитая логическую последовательность обвинения реальности. Если его преступления по масштабности содеянного требовали профессионализма и преданности, следовательно, он должен обладать или обладал ими, несмотря на всю видимость обратного.

Только Арендт приняла всерьез самопонимание Эйхмана как человека без низменных мотивов, человека, который сознательно

выполнял свой долг. Затем она задается вопросом: «Что в этом человеке не так? Мог ли он отличать хорошее от плохого?» Она утверждает, что Эйхман не был ни демоническим антисемитом, как утверждало обвинение, ни архетипом бюрократа, что утверждалось самим Эйхманом. Скорее он был личностью, лишенной способности «делать суждения» или даже видеть, что суждение необходимо. Это как раз и является «банальностью зла».

Хотя книга Ханны Арендт об Эйхмане вызвала бурю протеста и негодования в еврейских кругах Европы, Америки и Израиля, справедливости ради следует отметить, что большая часть полемики касалась ее представления о роли евреев в их собственном разрушении. Арендт обвиняли в антисемитизме и даже в потворстве нацистским преступникам. Ее даже «отлучили» от еврейства, тем самым показав всему миру, что «эйхманизм» не имеет национальных границ и является всеобщим феноменом.

Арендт предприняла попытку обстоятельно охарактеризовать личность Эйхмана. Он не был интеллигентным, почти не имел образования. Его показания свидетельствовали о недостаточности профессионализма. По собственному признанию Эйхмана, единственным его языком был канцелярский. Более всего в Эйхмане Арендт поражали отсутствие какого-либо самостоятельного мышления и почти полная неспособность выражать свои мысли при помощи свободного от штампов языка. Пытаясь оправдать себя, Эйхман заявлял на процессе, что он якобы спасал тысячи евреев, по его мнению — лучший «биологический материал», при наличии свидетельств обратного. Это была лишь выгодная сделка между нацистами в лице Эйхмана и верхушкой Венгерского комитета по спасению евреев, в результате которой была выторгована свобода нескольким тысячам состоятельных евреев взамен на полмиллиона жизней других, отправленных в Освенцим⁹.

В служебном рвении Эйхман изо всех сил стремился подавить в себе «нормальное знание» того, что евреи такие же люди, как он сам. Арендт отмечала, что, когда он посещал лагеря смерти в Чельме, Минске, Трешлинке, он ужасался, но при этом старался сдерживать отвращение к своим преступлениям. Несмотря на наличие моральных установок, Эйхман не предпринимал ни малейшей попытки противодействовать плану «Окончательное решение».

Как уже говорилось, многие изображали Эйхмана архетипом бюрократа: усердный, послушный, преданный своему делу и организации, воспринимающий неповиновение начальникам в качестве преступления худшего, чем уничтожение евреев. «Эйхмановская бесчувственность» главным образом относилась к его бюрократической ментальности. Таким образом, его чудовищные преступления являются доказательством того, что бюрократия является

воплощением потенциального зла. Поэтому предположение о том, что Эйхман был бюрократом, противоречит нашему пониманию бюрократии.

По мнению Ханны Арендт, Эйхман не может быть продуктом долголетней бюрократической службы в правительственном учреждении, и неверно было бы говорить о нем как о бюрократе вообще. Дело в том, что он никогда не был государственным служащим, а был лишь офицером СС незначительного ранга. Да, действительно, он вступил в СС в надежде сделать карьеру. Но СС не была каким-то другим правительственным учреждением и, соответственно, не являлась моделью бюрократического функционирования как внутри организации, так и вне ее. Правда, во время своей службы в СС и на процессе Эйхман продемонстрировал расчетливость и эгоизм. Его первейшим интересом было продвижение по службе и зарплата, а никакие долг или антисемитизм.

Что же касается понимания бюрократии, то в знаменитом перечне десяти характерных черт бюрократии, составленном Максом Вебером, нет и намека на то, что всякое правило находится за рамками рефлекторного суждения о правильном и неправильном, чего нельзя сказать об организации СС. Нет никаких эмпирических оснований для предположения, что бюрократия раболепно применяет правила без даже самого незначительного проявления благоразумия или что такие правила в работе являются «стопроцентным предписанием». Существует много свидетельств о сопротивлении нацистам в правительственных учреждениях, исходившем от тех, кто занимался обычной канцелярской работой. Клерки, представляющие наиболее емкий стереотип бюрократа, в отличие от службиста Эйхмана, не меньше других были способны рассуждать и сопротивляться.

В «Пентагоновских бумагах» Арендт подчеркивает, что даже самая бюрократическая из систем необязательно является бесчестной, аморальной и эгоистичной. В большинстве случаев она склонна называть бюрократию, которую понимает как обезличенное правление, в качестве одной из двух больших бед современной жизни. Однако в этом особом случае Арендт неохотно признает, что «зла бюрократии» недостаточно для объяснения «бездумности» ведения Соединенными Штатами вьетнамской войны. Беды не в системе, а в людях.

Несомненно, нет гарантий против зла банальности. Х. Арендт отмечала, что крах порядочного общества нельзя отсрочить существованием верных, благородных людей. Те, на кого можно положиться при подобных обстоятельствах, не являются людьми, которые дорожат ценностями и твердо придерживаются норм морали и стандартов. Скорее всего здесь более надежными будут сомне-

вающиеся и скептики. И не потому, что скептицизм — это хорошее или полезное сомнение, а потому, что такие люди «обычно всесторонне рассматривают явление и предметы и сами принимают решение».

Трудность суждения об Эйхмане состоит в необычности его преступления. Если преступление в нашем понимании является нарушением индивидуумом существующих законов, то в данном случае сами законы были преступными. Так, Эйхман мог утверждать, что если бы он не повиновался, то его сознание беспокоило бы это неповиновение законам. То, что сознание индивидуумов, подобных Эйхману, направленное на повиновение законам, приводило их к противоречию с существующими в обществе нормами морали и нравственности, по мнению Арендт, является нравственным крахом XX столетия в Европе.

Естественно, отмечает Арендт, не все были связаны сознанием такого рода: те немногие, кто еще был способен отличать правильное от неправильного, прислушивались только к своим собственным суждениям, действовали свободно, хотя не было правил, которым надо было следовать и при которых частные случаи не имели своих прецедентов. Но как может индивид судить о правильном и неправильном, не полагаясь на правила?

В последние годы жизни Ханна Арендт вернулась к рассмотрению этих вопросов в своей работе «Жизнь разума». И спустя 10 лет после публикации «Эйхмана в Иерусалиме» она была уверена в радикальности данных вопросов, решение которых не терпит отлагательств.

Для Арендт жизнь разума состоит из трех автономных, но взаимодействующих функций: мышление, воля и суждение. Начиная с Сократа, западная философия судила о частностях, ссылаясь на универсалии. Эти суждения частного детерминированы универсальным. Когда о поведении человека говорили, что он храбрый, благочестивый, мудрый, Сократ не спрашивал об истории этого человека, а задавался вопросом о том, что такое храбрость, благочестие, мудрость. Сократ учил: чтобы называть что-либо прекрасным, у нас априори должна быть мысль о том, что прекрасное существует независимо от того, осознаем ли мы это или нет. Восприятие этих идей стало программой западной философии, но, по мнению Арендт, теория Сократа о двойственности мира — частных вещей и универсальных идей — интеллектуально потерпела крах в XIX столетии, а с точки зрения морали — в XX. Мы потеряли универсалии, но не потеряли привычку мыслить таким образом, когда единственно рациональным способом мышления о частном является способ ссылки на универсалии. Сегодня, пишет Арендт, мы все еще предпочитаем думать в их понятиях. Результатом такого процесса является бездумная

воля, и Эйхман для Арендт выступает образцовым примером недумавшей, лишенной способности к суждению личности. Эйхман представляет типичный случай дегуманизированного существа, возвратившегося в стадо животных. Это робот, механически исполняющий приказы. Он полностью лишен персонального мышления и использует только стереотипы; у него деперсонализировано все — чувства, идеи, действия. Универсалии, обычно признаваемые в качестве ограничений, такие как традиция, природа, Бог, естественный закон, нация, идеология, утеряны. Эти трансцендентальные ценности уступили место временности индивидов. Индивидуальная жизнь сейчас является мерой всех вещей. Такой крутой поворот XX столетия частично является следствием ускоренного темпа изменений и отчасти обусловлен хрупкостью нашего мира. Некогда мы считали, что требуется гневный Бог, чтобы разрушить мир, а теперь отдельная личность может разрушить мир в результате случайности. В таком мире никакая нация больше не представляет твердой почвы для суждения о человеческом действии.

Утрата универсалий явно проявляется в релятивизме нашего времени, в обстановке которого большинство людей не способно выдвигать свои нравственные суждения. Тем не менее экстремистские политические действия — революция, терроризм — получают одобрение. Для Арендт этика индивидумов без универсалий является утверждением «силы, создающей правила», и того, что этики вообще не существует. Принятие ряда правил, будь то слова фюрера или идеология, не является никакой альтернативой, поскольку правила могут быть неправильными сами по себе, нецелесообразными или злоупотребляемыми.

Альтернативой является суждение. Суждение — это «обретение дома в мире, где не на что сослаться, мире без универсалий». Оно является утверждением ценностей, которые больше не предписаны трансцендентальной реальностью.

Арендт обратилась к «Критике суждений» Иммануила Канта, чтобы судить о ценности, которая не является ни объективным фактом, ни субъективным утверждением. Она ставит вопросы: можно ли судить о частном без ссылки на всеобщую концепцию или универсальное правило, а также может ли такое суждение иметь ценность за рамками самого суждения о предмете, независимо от других людей?

Рефлекторное суждение является суждением без абсолютного правила. Мы имеем суждение вкуса, когда говорим: «Это прекрасно». Суждение является чисто эстетическим, поскольку оно напрямую берется из опыта.

Проведем аналогию традиции общего права. Допустим, что рефлекторное суждение имеет место, когда присяжные объявляют, что

справедливо в деле, хотя ни один из них не знает, что есть справедливость. Тогда справедливость развивается посредством казусов, подобно тому как вкус развивается посредством изучения образцовых моделей. При этом мы должны постоянно делать отдельные суждения: что такое мужество, красота, справедливость, добро и зло? Такие суждения отличны от научных утверждений, которые берутся, чтобы быть моделями сократовской мысли при ее движении от универсалий к частностям.

Согласно Канту, когда мы сталкиваемся с объектом, мы реагируем субъективно, говоря: «Это мне нравится», а не говорим объективно: «Это хорошо». Субъективное утверждение «мне нравится это» или равносильное ему «мне кажется» не требует ничего от других. Тем не менее слова «это прекрасно» выражают требование к другим. Это утверждение подразумевает не только то, что это нравится мне, но и то, что эта вещь будет и должна нравиться другим или каждому. Не существует никакого противоречия, если мы говорим о чем-либо: «Мне нравится это», а вы говорите о том же, что «это вам не нравится». Но противоречие появляется, когда мы утверждаем, что эта вещь прекрасна, а вы — нет. Так требуется суждение о прекрасном. Делая данное суждение, мы принимаем мнение других или каждого, но не судим, как судили бы другие или как в нашем представлении они бы судили. В этом случае это было бы эмпатией, а не суждением.

Не способный на суждения, Эйхман по сути был частным лицом, занятым созданием хорошей жизни для себя и своей семьи. Для Арендт частное лицо в дихотомии частного и публичного так отделилось от публичного, что перестала существовать всякая связь между ними. Частное лицо не только оставляет моральное сообщество, но и разрушает его. Когда занимаемая публичная должность вынуждает его убивать, человек не считает себя убийцей, поскольку он совершает преступление не по личным мотивам и не по своей склонности, а в силу профессии. Если бы в своем действии человек руководствовался чистой страстью, «он никогда не обидел бы даже мухи»¹⁰. Основным мотивом преступных действий человека в условиях тоталитаризма выступает, по мнению Арендт, не стремление к власти, зависть, трусость или какие-либо другие пороки человеческой природы, а «бездумность». Определяя данное явление как «банальность зла», Арендт никоим образом не снимает вины с нацистских преступников, в чем ее неоднократно обвиняли. Она ошеломляет своим выводом о всеисильности зла, которое содержится в каждом из нас и сделало возможными чудовищные преступления тоталитарных режимов.

Эйхман не мог размышлять, следовательно, не мог генерировать суждения. «Кабинетный убийца» Эйхман, покинувший на время

моральное сообщество, по мнению Арендт, был «сомнамбулой». И для таких, как он, одним из самых общих оправданий было заявление о выборе меньшего зла. Арендт не может принять такое оправдание, полагая, что те, кто оправдывает свои аморальные поступки «меньшим злом», «быстро забывают, что именно они выбрали зло». Для нее столь небезызвестный принцип «цель оправдывает средства» является еще одним «бездумным» способом избежать суждения, но не способом избежать быть осужденным.

Арендт интересуется не совершение зла ради добра, а злоупотребление идеей «меньшего зла» — тоталитаризмом. Заявление ответчика в суде о совершении меньшего зла создает ситуацию, когда те, кто участвовал в политике зла, мог обвинить тех, кто отказался принимать участие, в безответственности¹¹. Заявление: «Мы, кого обвинили сегодня, фактически являемся теми, кто остался на рабочем месте, чтобы предотвратить еще худшее» есть попытка частичного оправдания¹². Исходная готовность совершать «меньшее зло со всей ответственностью» ведет к возрастанию необходимого зла. «Уничтожению евреев предшествовало последовательное нарастание направленных против них мер, каждая из которых была воспринята положительно, поскольку отказ привел бы к еще более худшему, пока не возникла ситуация, когда ничего более худшего уже случиться не могло»¹³. Тем не менее опора на идею «меньшего зла» стала непоколебимой. По мнению Арендт, отказ сотрудничать со злом, даже в случае большого риска, произошел не потому, что мир должен был быть изменен к лучшему, а потому, что только на этом условии отказавшиеся могли продолжать жить в ладу с самими собой.

Человек может судить о частностях, при этом не подводя их под общие правила, которым можно научиться, чтобы впоследствии они превратились в привычки. Арендт описывает такую рефлекторную процедуру следующим образом: «В суждении вы говорите спонтанно, что этот человек храбрый, не исходя при этом из каких-либо общих правил. Если бы вы были греком, то в глубинах вашего мозга возник бы образ Ахилла. Опять-таки необходимо воображение: вы должны представить Ахилла, хотя на самом деле он отсутствует. Если мы говорим о ком-то, что он добрый, то в уголках нашей памяти возникает образ святого Франциска и Иисуса из Назарета. Суждение имеет иллюстративную действенность настолько, насколько правильно выбран пример»¹⁴.

Спонтанное обращение к примерам зависит от их предыдущего выбора, который стимулируется мышлением. Личность готова делать отдельные суждения спонтанно при наличии более раннего представления о том, что такое храбрость, справедливость, добро и зло. Когда Арендт задается вопросом «что есть мышление?», она в качестве примера для ответа избирает Сократа. Ответ на вопрос «что хорошо,

что плохо?» прежде всего будет зависеть от выбора общества, в котором мы желаем провести свою жизнь. И это общество выбирается на основе осмысления исторических, литературных образов и примеров из жизни. Для Арендт таким обществом являются великие греки.

Если не упражняться в суждении, то оно атрофируется. Такая атрофия сделала возможными чудовищные преступления Эйхмана. Отсутствие мышления у Эйхмана дает нам возможность объяснить тоталитаризм, а не объясняется им. Эйхманизм является отказом формировать моральные суждения не потому, что долг бюрократа обязывает быть аморальным и монстр безнравствен, а потому, что Эйхман не способен к суждениям. Пока существует такая возможность, когда политический разум человека перестает действовать, а человеческая потребность в справедливости погибает, вина лежит на всех, некому выносить приговоры, не остается никого, кто может судить. «Ибо с этой вины, — говорит Ханна Арендт, — сняты даже видимость, даже лицемерное подобие ответственности»¹⁵.

¹ Арендт Х. Отец семейства в роли убийцы. Новое время. — 1993. — № 13. — С. 58.

² Буллок А. Гитлер и Сталин. — Смоленск, 1994. — Т. 2. — С. 400.

³ См. Алексеев Н. Ответственность нацистских преступников. — М., 1968. — С. 59.

⁴ См. Arendt H. The Origins of Totalitarianism. — N.Y., 1956. — P. 338.

⁵ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в семи томах. — М., 1957—1961. — Т. 7. — С. 491.

⁶ См. Jackson M. The responsibility of judgement and the judgement of responsibility. Hannah Arendt: Thinking, Judging, Freedom. Ed. by G. Kaplan and C. Kessler. — Sidney, 1989. — P. 44.

⁷ Arendt H. Eichman in Jerusalem. A report of the Banality of evil. — N.Y., 1963. — P. 276.

⁸ См. Canovan M. The Political Thought of Hannah Arendt. — L., 1974. — P. 46.

⁹ Пшибыльский П. Между виселицей и амнистией. — М., 1985. — С. 17.

¹⁰ Arendt H. The Jew as Pariah. — N.Y., 1979. — P. 234.

¹¹ См. Kateb G. Hannah Arendt: Politics, Conscience, Evil. — Oxford, 1984. — P. 87.

¹² Arendt H. Personal Responsibility Under Dictatorship. The Listener. — 1964, Aug. 6. — P. 186.

¹³ Ibid. — P. 186.

¹⁴ Yound-Bruehl E. Hannah Arendt: For Love of the World. — L., 1982. — P. 269.

¹⁵ Арендт Х. Отец семейства в роли убийцы//Новое время. — 1993. — № 13. — С. 58.

Кто есть кто в нашей науке

ВОЛОСОВ МАРЛЕН ЕВДОКИМОВИЧ

Родился в 1933 году. Кандидат юридических наук, старший научный сотрудник. В 1958 году окончил юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, а в 1966 году — аспирантуру Института государства и права АН СССР по специальности «международное право». С 1968 года по 1993 год работал в качестве главного специалиста, старшего научного сотрудника и начальника Отдела международно-правовых проблем морского судоходства НИИ морского транспорта. С 1993 года занимает должность доцента кафедры международного права Московской государственной юридической академии, совмещающая эту работу с преподаванием в Российском государственном гуманитарном университете, а с 1994 года — в Московском институте экономики, политики и права. В течение 25 лет являлся последовательно заместителем главного секретаря, главным секретарем и вице-президентом Международной ассоциации морского права.

Разрабатывал для Минморфлота, МИД, ГКНТ, других министерств и ведомств актуальные теоретические и прикладные проблемы международного права, касающиеся регламентации использования пространств и природных ресурсов Мирового океана, континентального шельфа, международного района морского дна, применения средств космической связи и атомной энергии для целей судоходства, регистрации торговых судов под национальным флагом, режима их пребывания в иностранных портах, юридического статуса акваторий Арктики и Антарктики.

Некоторые результаты научных исследований М.Е. Волосова освещены почти в 50 опубликованных в России и за рубежом индивидуально или в соавторстве статьях и монографиях: «Правовой режим континентального шельфа» (1974 г.), «Правовые основы международной организации морской спутниковой связи (ИНМАРСАТ)» (1977 г.), «Проблема предоставления национальности в морском праве» (1985 г.), «Теоретические вопросы современного международного морского права» (1985 г.), «Советское атомное право» (1986 г.), «Международное атомное право» (1987 г.), «Атомное право. Ядерные суда (международно-правовые проблемы)» (1989 г.) и др.

М.Е. Волосов принимал непосредственное участие в подготовке и реализации проектов ряда многосторонних международных соглашений, в числе которых Конвенция и Эксплуатационное соглашение об ИНМАРСАТ 1976 года, Конвенция ООН по морскому праву 1982 года, Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 года, Конвенция ООН о регистрации торговых судов 1986 года. Им подготавливались научные обоснования и предложения по проектам некоторых внутригосударственных нормативных актов, например Правил плавания торговых судов по трассам Северного морского пути (1992 г.).

Выступая с докладами на научно-практических международных конференциях «Мир на морях» (1975, 1985, 1987 гг.), XXIII конгрессе Международной астронавтической федерации (1973 г.), XXVIII конгрессе Международной ассоциации международного права (1988 г.), англо-советских и советско-американских симпозиумах по морскому праву (1983—1992 гг.), Национальной научно-технической конференции Болгарии «Использование морских ресурсов Черного моря» (1989 г.).

На вопрос редакции о том, каким видится преподавание международного публичного права в XXI веке, М.Е. Волосов ответил: «Убеден, что коренному обновлению подвергнется прежде всего сама методология обучения молодежи. Обязательное посещение студентами всех основных лекционных курсов должно будет уступить место факультативам — наиболее эффективному средству повышения качества преподавания. С точки зрения содержания курс международного права должен освободиться от политизации и излишней идеологизации. Дialeктический подход к оценке явлений международной жизни не следует подменять казуистикой, как это практиковалось во многих правоведческих работах советского периода. Базой изучения теории международного права должны служить непредвзято освещаемые факты истории и современной практики дипломатии. Это позволит преобразовать нашу дисциплину в прикладную, доступную для восприятия, обогащающую интеллектуальный потенциал студентов и их готовность к практической деятельности».

ДАНИЛЕНКО ГЕННАДИЙ МИХАЙЛОВИЧ

Родился в Краснодарском крае в 1955 году. В 1977 году с отличием окончил юридический факультет Ростовского государственного университета, после чего около двух лет работал адвокатом. В 1982 году закончил аспирантуру Института государства и права Академии наук СССР и защитил кандидатскую диссертацию. В 1994 году Г.М. Даниленко присвоено звание «Заслуженный юрист Российской Федерации».

С 1982 года работает сотрудником Института государства и права, в настоящее время — руководитель Центра международного права Института.

Член Исполкома Российской ассоциации международного права и редколлегии Российского ежегодника международного права. Является также членом Американской ассоциации международного права и Ассоциации международного права.

Г.М. Даниленко — автор десятков публикаций по теории международного права, международному морскому и космическому праву. Автор монографий «Обычай в международном праве» (М., 1988) и «Law-Making in the International Community» (Dordrecht, Boston, London, 1993). Под редакцией Г.М. Даниленко вышли также книги «Perestroika and International Law» (Edinburgh, 1990), «Law and Democracy in the New Russia» (Wash., 1993) и «Beyond Confrontation: International Law for the Post Cold-War Era» (Boulder, San Francisco, Oxford, 1995). Является соавтором ряда книг, в том числе серии «Мировой океан и международное право» (М., 1987—1991), автором статей, опубликованных в «Советском ежегоднике международного права», журнале «Советское государство и право» и различных сборниках статей по международному праву.

За последние годы Г.М. Даниленко опубликовал ряд статей в ведущих зарубежных периодических изданиях по международному праву, в том числе: *The Theory of Customary, International Law. German Yearbook of International Law.* — Vol. 31. — 1989. — P. 9—47; *The Concept*

of the Common Heritage of Mankind in International Law. *Annals of Air and Space Law*. — Vol. 13. — 1989. — P. 247—265; *Conflict of Norms in International Law*. *Netherlands Yearbook of International Law*. — Vol. 22. — 1991. — P. 3—34; *International Jus Cogens: Issues of Law-Making*. *European Journal of International Law*. — Vol. 2. — 1991. — P. 42—65; *The Changing Structure of the International Community. Constitutional Implications*. *Harvard Journal of International Law*. — Vol. 32. — 1991. — P. 353—361; *The New Russian Constitution and International Law*. *American Journal of International Law*. — Vol. 88. — 1994. — P. 451—470.

Наряду с интенсивной научно-исследовательской деятельностью Г.М. Даниленко занимается также преподаванием международного права. За последние пять лет он получал звание приглашенного профессора права и читал полные курсы лекций и вел семинары в Школе права Университета Калифорнии (Беркли, Калифорния), Школе права Мичиганского университета (Анк-Арбор, Мичиган) и Школе права Университета Сан-Диего (Сан-Диего, Калифорния). Преподавал также в Академии европейского права (Флоренция, Италия). Выступал с отдельными лекциями по международному и сравнительному праву в ряде американских и европейских университетов.

Выступал с докладами на многих международных научных конференциях. Участвовал в работе различных международных форумов, в том числе в рамках ООН и СБСЕ.

На вопрос редакции о творческих планах Г.М. Даниленко ответил, что надеется продолжать работать над самыми различными вопросами теории международного права.

ЕГОРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Родился в 1946 году в Москве. В 1977 году окончил международно-правовой факультет МГИМО МИД СССР. С 1977 по 1981 год работал в Управлении внешних связей Исполкома Союза обществ Красного

Креста и Красного Полумесяца СССР. В 1979 году находился на стажировке в Лиге обществ Красного Креста и Международном комитете Красного Креста (Швейцария).

В 1981 году поступил в аспирантуру Дипломатической академии МИД СССР при кафедре международного права. В 1984 году защитил кандидатскую диссертацию по проблемам международно-правовой защиты гражданского населения и гражданских объектов во время вооруженных конфликтов (научный руководитель — Л.А. Моджорян, затем А.С. Пирадов). С 1984 года — старший преподаватель, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права Дипломатической академии МИД РФ. Читает полный курс международного права.

Автор десятков публикаций, в том числе изданных за рубежом (общим объемом более 50 п.л.). Среди них: «Внутригосударственные конфликты и международное право», «Предотвращение и мирное разрешение международных конфликтов, кризисов и споров» в книге «International Law and International Security: Military and Political Dimensions (A U.S. — Soviet Dialogue)», изданной в Москве и Нью-Йорке в 1991 году, учебное пособие «Региональные конфликты и международное право» (М., 1988), «Права человека и вооруженные конфликты» («Дипломатический ежегодник», М., 1992).

Соавтор учебника «Международное право» под ред. В.И. Кузнецова (М., 1988), ряда выпусков ученых записок кафедры международного права ДА «Актуальные проблемы современного международного права». Является соавтором «Словаря международного права» (М., 1986). Егоров С.А. написал главы для нового учебника международного права под ред. Ю.М. Колосова и В.И. Кузнецова, подготовленного сотрудниками кафедр международного права МГИМО и ДА МИД РФ (М., 1984). В соавторстве с профессором И.Н. Арцибасовым им написана монография «Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия» (М., 1989).

Под руководством С.А. Егорова защитили кандидатскую диссертацию три аспиранта.

С.А. Егоров выступал с лекциями и докладами в Польше, Болгарии, Афганистане.

Награжден орденом «Знак Почета».

На вопрос редакции о состоянии и перспективах развития права вооруженных конфликтов С.А. Егоров ответил: «Право вооруженных конфликтов — одна из старейших отраслей международного права, основу которой составляют ныне более 20 действующих международно-правовых актов, содержащих в общей сложности около 600 статей, которые предназначены главным образом для защиты жертв вооруженных конфликтов. Как показывает опыт, се-

годня проблема заключается не столько в отсутствии материальных норм права вооруженных конфликтов, сколько в отсутствии политической воли у государств следовать их предписаниям.

Нуждаются в дальнейшем совершенствовании и усилении как механизм контроля за имплементацией норм права вооруженных конфликтов, так и режим ответственности за их нарушение.

Радикальных и, прямо скажем, неординарных мер по дальнейшему прогрессивному развитию требуют нормы права, призванные гарантировать безопасность жертв вооруженных конфликтов не-международного характера. Принятый в 1977 году Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 года (по существу — единственный юридический акт, касающийся внутригосударственных вооруженных конфликтов) ни с точки зрения количества, ни с точки зрения качества содержащегося в нем нормативного материала явно не соответствует реалиям сегодняшнего дня.

Надеюсь, что начавшаяся подготовка к 100-летию Первой Гаг-ской конференции мира будет способствовать ликвидации отме-ченных недостатков».

ХАБИРОВ БОРИС ГАНИЕВИЧ

Родился в 1942 году в Каракалпакской АССР. После окончания средней школы работал на стройке маляром. В 1966 году закончил восточное отделение факультета международных отношений Московского государственного института международных отношений, а в 1972 году — заочную аспирантуру кафедры международного права МГИМО. Защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Международно-правовой статус и внешние функции неприсоединившихся государств».

С 1966 года Б.Г. Хабилов — на дипломатической работе. Имеет дипломатический ранг советника 1-го класса. С 1982 года — член Международного института космического права.

С 1966 по 1967 год работал в Отделе Южной Азии, а с 1970 по 1980 год — в Договорно-правовом отделе МИД СССР. В период с 1967 по 1970 год находился на работе в посольстве СССР в Непале. В 1980—1985 годах — сотрудник Юридического департамента Секретариата ООН (Р-5) в Нью-Йорке. С ноября 1985-го по 1991 год работал экспертом Межведомственной комиссии МИД СССР по международно-правовым проблемам освоения космоса, одновременно возглавлял отдел Управления Министерства по международному научно-техническому сотрудничеству. С 1992 года — старший советник постоянного представительства Российской Федерации при Отделении ООН и других международных организациях в Женеве.

Б.Г. Хабилов активно участвует в разработке вопросов участия России в Организации Объединенных Наций, международно-правовых аспектов внешнеполитических мероприятий нашей страны.

Практическую работу успешно сочетает с научной деятельностью. Б.Г. Хабилов является соавтором ряда коллективных монографий, в том числе: «Во имя мира: международно-правовые проблемы европейской безопасности» (М., 1977); «Международное право на службе мира» (М., 1980); «Международная безопасность и Мировой океан» (М., 1982); «Современное международное морское право» (М., 1984) и др. Ему принадлежит более двух десятков статей по проблемам нейтралитета и неприсоединения, международному морскому и космическому праву, международных организаций, опубликованных как в России, так и за рубежом.

Б.Г. Хабилов имеет значительный опыт работы на международных конференциях и совещаниях. Участвовал в переговорах по заключению межправительственных соглашений по различным вопросам. Неоднократно входил в состав советских и российских делегаций на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, Комитета ООН по космосу и его подкомитетов, Комитета ООН по морскому дну, Конференции ООН по морскому праву, Конференции по разоружению, Дунайской комиссии, Ассамблеи ИНМАРСАТ, а также на двусторонних и многосторонних консультациях с различными странами.

На вопрос редакции о роли ООН в современных международных отношениях в связи с ее 50-летием Б.Г. Хабилов ответил: «Организация Объединенных Наций — весьма полезный и нужный инструмент в разрешении конфликтных ситуаций, в обеспечении сотрудничества государств в политической, экономической, социальной сферах, в области защиты прав человека и многих других.

За 50-летний период своей деятельности ООН продемонстрировала уникальную способность реагировать на различные изменения в международной жизни, продолжая обеспечивать при этом достижение своей главной цели, ради которой она и была создана, — сохранение мира и безопасности на планете. Опираясь на общепризнанные международно-правовые принципы и нормы, ООН и в дальнейшем должна обеспечивать коллективный поиск баланса интересов всех государств, эффективно выполнять свои миротворческие функции».

ЭНТИН МАРК ЛЬВОВИЧ

Родился 25 ноября 1955 г. в Москве. В 1977 году окончил Московский государственный институт международных отношений МИД СССР.

В 1979 году защитил в МГИМО диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по тематике мирного разрешения международных споров. В 1993 году защитил докторскую диссертацию по международным судебным органам. Член Исполкома Российской ассоциации международного права и Научного совета Института Европы Российской академии наук. Имеет дипломатический ранг советника первого класса.

В 1978—1991 годах — научный сотрудник ряда научно-исследовательских институтов системы Академии наук и Министерства юстиции СССР: ВНИИ системных исследований, ВНИИ советского законодательства, Института мировой экономики и международных отношений. С 1991 года — заведующий сектором Политического отдела МИД России. С февраля 1992 года — первый заместитель начальника Управления по безопасности и сотрудничеству в Европе МИД РФ, затем — первый заместитель директора Департамента общеевропейского сотрудничества МИД РФ. На про-

тяжении всего этого времени занимался преподавательской деятельностью на кафедре международного права МГИМО.

Принимал участие в работе различных форумов Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ/ОБСЕ), Совета североатлантического сотрудничества и структур межправительственного сотрудничества Совета Европы. С 1991 по 1992 год — представитель России в Комитете старших должностных лиц СБСЕ. В 1992 году — глава российской делегации на подготовительной встрече Хельсинкской конференции СБСЕ по обзору, член делегации России на Хельсинкской конференции СБСЕ по обзору.

В 1992—1995 годах — представитель РФ в Постоянном комитете по правам человека, Комитете экспертов по национальным меньшинствам, Комиссии по борьбе с нетерпимостью Совета Европы. С 1993 года — член делегации РФ на Венском форуме СБСЕ по сотрудничеству в области безопасности в Постоянном комитете и Совете ОБСЕ.

Ведет активную научную деятельность. Автор свыше 80 научных трудов по тематике международных организаций и международных судебных органов, прав человека и защиты национальных меньшинств, урегулирования конфликтов, экономического и политического развития, в том числе ряда монографий. В 1984 году московское издательство «Международные отношения» опубликовало книгу М.Л. Энтина «Международные судебные учреждения: роль международных арбитражных и судебных органов в разрешении межгосударственных споров», в 1987 году — книгу «Суд европейский сообществ: правовые формы обеспечения западноевропейской интеграции», в 1992 году — книгу «Международные гарантии прав человека: практика Совета Европы». В 1986 году издательство «Наука» выпустило монографию «Политология развития и освободившиеся страны».

В совершенстве владеет английским и французским языками. Знает испанский.

На вопрос редакции о новейших тенденциях в развитии права международных организаций применительно к нашему континенту М.Л. Энтин ответил: «Процесс адаптации европейских и евроатлантических организаций к реалиям постконфронтационного развития, а также формирования международных организаций новой генерации пока еще далек от завершения. На него уйдет не один год. Переосмыслению подвергаются важнейшие параметры их организации и деятельности, укрепляется институциональная структура, меняются функции, расширяется компетенция. Прежде всего это касается Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. ОБСЕ стала постоянно действующей. Из форума для диалога она все больше превращается также в инструмент превентивной дипло-

матии. Новыми структурами оброс Североатлантический альянс: это и Совет североатлантического сотрудничества, и органы Программы ради мира. Качественный скачок произошел в деятельности Европейского союза. На основе Маастрихтских соглашений углубляется сотрудничество в области внешней политики, охраны правопорядка, в валютно-финансовой сфере. Четко расписаны этапы дальнейшего сближения государств-членов.

Другая явно выраженная тенденция — расширение пространственных рамок деятельности европейских и евроатлантических организаций. Показателен пример Совета Европы. Из закрытого клуба западноевропейских стран Совет уверенно превращается в панъевропейскую организацию. Повсеместное распространение получает подключение к работе международных организаций государств-нечленов. Используется предоставление статуса наблюдателей, партнеров, специально приглашенных, ассоциированных участников.

Обращает на себя внимание, как быстро и органично вписались в ткань европейского сотрудничества Совет государств Балтийского моря (СГБМ) и Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР). На подходе — трансъевропейские структуры. Можно смело прогнозировать появление уже в ближайшем будущем форумов сотрудничества стран Средиземноморья, стран Европы и Юго-Восточной Азии и т.д.

Отмеченные тенденции нуждаются в систематическом описании и серьезном изучении. С учетом этого очень своевременным считаю издание учебника «Право общеевропейского сотрудничества», подготовленного кафедрой международного права МГИМО».

Хроника

ИТОГИ ВСЕМИРНОЙ АВИАТРАНСПОРТНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(Монреаль, 23 ноября — 6 декабря 1994 г.)

В.Д. Бордунов*

Всемирная авиатранспортная конференция, проведение которой совпало с 50-летием Конвенции о международной гражданской авиации 1944 года (Чикагская конвенция), стала четвертым международным мероприятием в истории Международной организации гражданской авиации (ИКАО), посвященным изучению проблем регулирования деятельности международного воздушного транспорта. На авиатранспортных конференциях 1977, 1980 и 1985 годов рассматривались такие вопросы, как разработка и соблюдение международных тарифов авиаперевозчиков, регулирование провозной емкости при международных регулярных перевозках, политика в отношении международного нерегулярного воздушного транспорта. Всемирная авиатранспортная конференция 1994 года проводилась на фоне трудного для мирового воздушного транспорта финансового положения. Многие авиакомпании несут существенные эксплуатационные убытки, происходит рост издержек, связанных с высокими капитальными затратами на аэропортовое и аэронавигационное оборудование, снижается прибыль и доходность авиакомпаний. Кроме того, во многих случаях межгосударственные отношения в области гражданской авиации характеризуются неопределенностью и сложностью, наблюдается широкая озабоченность развитием воздушного транспорта в будущем и стабильностью систем регулирования и эксплуатации воздушных сообщений. На Всемирной авиатранспортной конференции 1994 года была предпринята попытка исследовать, опираясь на достижения прошлого, новые механизмы регулирования, позволяющие всем государствам участвовать в деятельности международного воздушного

* Директор Московского независимого института международного права, кандидат юридических наук. Член делегации Российской Федерации на Всемирной авиатранспортной конференции. Подробные сведения об авторе опубликованы в № 1 нашего журнала за 1992 год.

го транспорта в меру своих возможностей, адаптируясь к новым реальностям в соответствии со своими интересами и способностями. Однако для лучшего понимания существа вопросов повестки дня конференции полезно иметь общее представление о действующем порядке регулирования международного воздушного транспорта¹.

Факторы, влияющие на развитие международного воздушного транспорта

Действующая международная авиатранспортная система явила миру чрезвычайно важный сектор услуг, обеспечивающих эффективные и экономичные транспортные, торговые и гуманитарные связи. Для многих стран воздушный транспорт является основным связующим звеном с мировой экономикой, обеспечивает осуществление ведения торговли, бизнеса, туризма. В современной мировой экономике, характеризующейся постоянными технологическими нововведениями, мобильностью капитала, мгновенной передачей информации, воздушный транспорт представляет собой основное, если не главное, средство обеспечения потоков инвестиций, расширения торговли и экономически эффективного распространения товаров и услуг. Воздушный транспорт вносит существенный вклад в экономический рост и развитие, выступает в роли основного поставщика услуг, крупного инвестора денежных и трудовых ресурсов. Таким образом, воздушный транспорт является важнейшим катализатором мирового экономического и социального развития.

На воздушный транспорт влияют многие факторы, воздействующие на подходы к вопросам регулирования деятельности воздушного транспорта, в частности рост конкуренции, глобализация мировой экономики, транснациональный характер деловых отношений, приватизация отраслей обслуживания, регионализация и либерализация. В декабре 1993 года завершился Уругвайский раунд переговоров о торговле, завершившийся принятием Генерального соглашения о торговле услугами (ГАТС). ГАТС является потенциальным механизмом создания нового правового режима международного воздушного транспорта, альтернативного применявшемуся в течение последних пятидесяти лет. В области воздушного транспорта тесные связи, исторически сложившиеся между правительствами и авиаперевозчиками, также претерпевают изменения. Более того, значительное количественное увеличение и диверсификация интересов (таких как интересы торговли, поставщиков инфраструктуры, трудовых коллективов, групп, занимающихся развитием туризма, и различных групп пользователей

услуг) оказывают серьезное влияние на политику в области воздушного транспорта и процесса регулирования². Эти глубокие преобразования и изменения будут продолжаться в обозримом будущем, несмотря на неблагоприятные условия в этой отрасли, и этим объясняется острота вопроса о том, насколько существующая система регулирования приспособлена к изменениям, которые она должна претерпеть в долгосрочном плане под воздействием указанных факторов.

Быстрому и динамичному развитию международного воздушного транспорта за последние 50 лет во многом способствовали определенные юридические, экономические и организационные принципы, изложенные в Чикагской конвенции 1944 года. Характерной чертой правового режима, распространяющегося на международный воздушный транспорт, является высокая степень общности методов его применения в процессах регулирования. Приблизительно для трех тысяч двусторонних соглашений о воздушном сообщении, которыми в целом регулируются отношения между государствами в области воздушного транспорта, характерна определенная общность в том, что касается охватываемых административных, эксплуатационных и экономических вопросов регулирования, хотя подходы к их разрешению могут быть разными. В последние годы практика регулирования воздушных перевозок испытывает сильное воздействие многочисленных изменений, тенденций и сил, действующих как в рамках отрасли, так и вне ее. По мере приближения XXI века перед авиационным сообществом остро встает необходимость поиска таких средств и механизмов регулирования, которые позволят наилучшим образом обеспечить долгосрочные потребности и ожидания государств и пользователей в воздушном транспорте.

Регулирование, на фоне которого происходит расширение деятельности воздушного транспорта, по-прежнему остается главным образом двусторонним и основывается на соглашениях между государствами. Однако относительная стабильность такого регулирования в последнее время претерпела изменения не только в силу указанных выше факторов, а также иных подходов к политике в области воздушного транспорта и регулированию международных воздушных перевозок, но и в результате эволюции коммерческой практики в сфере авиаперевозок, появления новых форм маркетинговых объединений, союзов, используемых ими методов сбыта, иностранного инвестирования национальных перевозчиков и косвенного доступа к рынку через совместное использование различных форм его освоения. Такая практика появилась и окрепла в условиях возрастания динамичности рынка и повышения конкуренции на нем. Многие традиционные средства регулирования до-

ступа к рынку, провозной емкости, установления цен и разрешения споров в настоящее время вызывают вопросы относительно их гибкости и пригодности для обеспечения наиболее эффективного и экономичного развития воздушного транспорта в глобальной мировой экономике³.

Общие тенденции регулирования международного воздушного транспорта

Сложившаяся в настоящее время система регулирования международного воздушного транспорта развивалась в течение многих лет и упорядочивает, во-первых, отношения между государствами и, во-вторых, отношения между государствами и авиаперевозчиками. Хотя большинство международных воздушных перевозок осуществляется в рамках двусторонних или региональных многосторонних соглашений, имеются некоторые аспекты таких перевозок, которые подпадают под более широкие многосторонние соглашения. Например, Соглашение о транзите при международных воздушных перевозках 1944 года, сторонами которого на 1 января 1995 г. являлись 99 государств, предоставляет право государствам-участникам в отношении авиаперевозчиков, выполняющих регулярные перевозки, осуществлять транзитный пролет и техническую (некоммерческую) остановку на территориях всех сторон данного соглашения. Статья 5 Чикагской конвенции 1944 года предоставляет эти же права в том числе и воздушным судам, зарегистрированным в государстве — стороне конвенции, когда они осуществляют нерегулярные воздушные перевозки⁴. Статья 15 данной конвенции устанавливает принцип недискриминации в отношении доступа на единообразных условиях в аэропорты, которые открыты для международных перевозок национальными авиаперевозчиками, а также в отношении сборов за пользование аэропортами и аэронавигационными средствами. Совсем недавно автоматизированные системы бронирования вошли в Кодекс поведения ИКАО, а также два региональных кодекса Европы (один из них относится к государствам Европейского союза, а другой — к Европейской конференции гражданской авиации), которые в принципе идентичны, и были включены в качестве одной из трех авиатранспортных услуг в Генеральное соглашение о торговле услугами (ГАТС)⁵.

Многообразие международных режимов регулирования вызвано фактом существования различных видов международных воздушных перевозок. В частности, в некоторых государствах нерегулярные полеты могут подпадать под действие национального, двустороннего и широкого многостороннего регулирования. Часть государств приме-

няют различные режимы регулирования к одному и тому же виду международных воздушных перевозок. Например, государства, применяющие региональные многосторонние механизмы для международных регулярных воздушных перевозок, обычно имеют менее ограничительный режим для таких воздушных перевозок в соответствующем регионе по сравнению с государствами, не являющимися сторонами регионального соглашения, с которыми государства региона имеют двусторонние соглашения о воздушных сообщениях.

Изменения в степени и характере условий предоставления доступа к авиарынку происходят в рамках государства, которое использует только двусторонние соглашения, ввиду различий в двусторонних соглашениях, которые это государство заключило с другими государствами. Двусторонние соглашения о воздушных сообщениях характеризуются различными режимами с различной степенью гибкости для авиаперевозчиков, осуществляющих международные воздушные перевозки. Это предоставляет государствам значительную степень контроля за развитием авиационных отношений и одновременно с этим возможность учитывать широкое разнообразие факторов при упорядочении и поддержании своих международных отношений в области коммерческой авиации. Все это придает двусторонним отношениям уникальное качество, которое находит отражение не только в конкретных отношениях двух государств, но часто неизбежно включает различные виды политики, цели и перспективы международного воздушного транспорта этих государств и соответствующих авиаперевозчиков. Для учета подобных различий ИКАО разработала три типовые статьи для двусторонних соглашений о регулировании провозной емкости и три типовые статьи для регулирования тарифов. Кроме того, некоторые государства создали режимы, которые объединяют различные аспекты этих типовых статей, например соглашение о ценообразовании тарифов по зонам или режимам, основанное на согласованном уровне обслуживания с заранее утвержденным ежегодным увеличением провозной емкости.

В дополнение к двусторонним соглашениям существуют также региональные многосторонние соглашения, охватывающие как всеобъемлющее коммерческое регулирование международного воздушного транспорта, так и его важные аспекты.

К первой категории относятся договор о Европейском союзе и Андский пакт. Государства Европейского союза в течение ряда лет поэтапно разрабатывали режим регулирования, предназначенный для создания единого рынка авиаперевозок в Европе. Государства Андского пакта согласились в 1991 году создать регион «открытого неба», в котором авиакомпаниям государств—членов пакта на неограниченной основе будут предоставляться пять свобод воздуха на межрегиональном уровне.

Примерами региональных соглашений и договоренностей, касающихся важных аспектов международного воздушного транспорта, являются соглашения о нерегулярных воздушных перевозках в Европе, два соглашения о тарифах для международных регулярных перевозок (одно из которых касается тарифов внутри Европы, а другое — тарифов в Африку, из нее и внутри Африки)⁶.

Кроме того, широкое распространение получила практика заключения двусторонних соглашений между авиакомпаниями в отношении таких видов деятельности, как пульные соглашения о регулярных перевозках, взаимное наземное обслуживание и участие в продаже услуг в качестве генеральных коммерческих агентов⁷. В последнее время между авиакомпаниями стали заключаться двусторонние соглашения в отношении более широкого круга деятельности, охватывающего международный воздушный транспорт. Такими видами деятельности являются совместное предоставление услуг, совместное использование кодов, блокирование мест, аренда воздушных судов и обмен ими, координация расписаний, распоряжение доходами, полученными совместно, маркетинг, программы для наиболее часто летающих групп пассажиров, техническое обслуживание, обработка груза, использование оборудования аэровокзала, совместная закупка оборудования и услуг, лизинг. Диапазон таких соглашений колеблется от совместного использования кодов или служб на одном маршруте до детально разработанных соглашений, касающихся образования акционерного капитала, порядка его распределения среди акционеров, получения дивидендов, и многих других видов совместной деятельности⁸. Сторонами таких соглашений выступают авиаперевозчики из всех регионов мира, включая как авиакомпании из одного района, так и авиакомпании из различных регионов.

Имеется много причин для заключения авиакомпаниями совместных соглашений по нетрадиционным видам деятельности, в качестве средства косвенного доступа к рынку, а также по причинам конкурентоспособности, эффективности, рентабельности и эксплуатационных преимуществ.

Таким образом, существующее положение в области международного воздушного транспорта характеризуется различной степенью регулирования в зависимости от политики, проводимой государством, характера обслуживания и конкретного вида деятельности, что ведет к различной степени гибкости подходов к регулированию со стороны авиаперевозчиков. Очевидно одно: по мере усложнения деятельности международного воздушного транспорта возрастает и сложность системы его регулирования. Эта система имеет три четких компонента — национальное, двустороннее и многостороннее регулирование.

Национальное регулирование

Целью Национального регулирования в области воздушного транспорта является регулирование деятельности как национальных, так и иностранных лиц и организаций в соответствии с законодательством, устанавливаемым государством в силу суверенитета над своей территорией и расположенным над ней воздушным пространством. По этим причинам национальное регулирование распространяется как на внутренние, так и международные авиаперевозки, а также на национальных и иностранных авиаперевозчиков. При национальном регулировании международных воздушных перевозок должны учитываться международные обязательства государства по его двусторонним и многосторонним соглашениям. Конкретные цели национального регулирования в области международного воздушного транспорта меняются в зависимости от условий, существующих в государствах. На определение целей влияют национальная экономическая политика, размеры территории, местоположение государства, степень экономического развития, внутренняя и международная политика и т.д.

Процесс национального регулирования включает следующие стадии: 1) разработка и принятие органами законодательной власти законов, касающихся воздушного транспорта; 2) применение данных законов уполномоченными органами исполнительной и судебной власти; 3) обеспечение соблюдения законов национальными и иностранными авиаперевозчиками; 4) применение в случае необходимости принудительных мер в целях обеспечения соблюдения и исполнения законов авиаперевозчиками независимо от их национальной принадлежности.

В законодательном процессе национального регулирования важную роль играет разработка национальной политики в отношении воздушного транспорта. В ней как в зеркале отражаются национальные цели и интересы государства, которые, в свою очередь, оказывают влияние на содержание законов, регулирующих деятельность воздушного транспорта. Взаимосвязь политики и права находит много проявлений и зависит от условий функционирования конкретной законодательной системы, процедуры выявления и согласования интересов заинтересованных полномочных органов, процедуры разработки и принятия законов и т.п. Однако если законы принимаются, то обычно они изменяются крайне редко и только в тех случаях, когда затрагиваются вопросы с серьезными последствиями. Другими словами, государства стремятся к стабильности законов, составляющих основу воздушного законодательства. Другое дело, что это не касается процесса разработки или изменения правил, регламентирующих непосредственно воздушные перевозки. Обычно такие правила бывают более детальными и гибкими, чем законы, но именно в целях сохра-

нения этого качества они и подвергаются частому изменению и дополнению. Таким образом, процесс национального регулирования характеризуется стабильностью и оперативным реагированием на изменения условий осуществления воздушных перевозок.

В национальном регулировании международных воздушных перевозок важное значение имеет регулирование коммерческих воздушных перевозок, осуществляемых на постоянной долгосрочной основе иностранными авиаперевозчиками, в частности регулярные перевозки на конкретном маршруте или маршрутах. Право на такие авиаперевозки предоставляется на основании двусторонних соглашений о воздушном сообщении, соответствующих законов, в которых определяются условия рассмотрения и выдачи разрешений, или свидетельства на осуществление коммерческих воздушных перевозок на постоянной основе и в течение длительного срока времени. Критерии, используемые для выдачи разрешения или свидетельства национальному перевозчику, меняются в зависимости от условий, существующих в государстве. В некоторых случаях могут использоваться критерии, согласованные на международном уровне. В соответствии с установленными законом критериями определяются масштаб и объем полномочий, предоставляемых национальному авиаперевозчику, которые могут охватывать внутренние или международные воздушные перевозки, равно как и те и другие.

В отличие от выдачи разрешений общего и длительного характера специальные разрешения касаются осуществления единичного рейса или серии нерегулярных рейсов, утверждение или неутверждение конкретного тарифа или представление на утверждение расписания. Специальные разрешения обычно применяются для принятия оперативных решений.

Особое значение в национальном регулировании международных воздушных перевозок играют принципы вежливости и взаимности, особенно в тех случаях, когда коммерческая деятельность не охватывается специальными положениями в соглашении о воздушном сообщении⁹.

Таковы в самых общих чертах основные элементы процесса национального регулирования международного воздушного транспорта. В свою очередь, этот процесс протекает и развивается в рамках определенной организационной структуры, которая состоит из органов законодательной, исполнительной и судебной власти.

Двустороннее регулирование

Двустороннее регулирование в области международных воздушных перевозок имеет значительный опыт и историю. Впервые

двусторонние соглашения появились в 20-х годах. Но из-за небольшого объема международных воздушных перевозок количество двусторонних межправительственных соглашений было незначительным. Положение дел изменилось после принятия Чикагской конвенции 1944 года. Экстенсивное использование государствами двусторонних соглашений о регулировании международного воздушного транспорта было вызвано признанием в Чикагской конвенции принципа суверенитета государств в отношении своего воздушного пространства (ст. 1), согласием государств — участников конвенции с необходимостью получения специального разрешения или иного разрешения регулярных международных воздушных сообщений над территорией или на территорию договаривающихся государств (ст. 6) и отсутствием успеха на Конференции 1944 года в установлении многостороннего режима коммерческих перевозок международного воздушного транспорта. Таким образом, двусторонние переговоры и принимаемые на их основе соглашения стали предпочтительным методом для государств по обмену коммерческими правами на воздушные сообщения и согласию о способах регулирования емкости, тарифов и других вопросов.

Наиболее важным и значительным для развития двустороннего регулирования в области международного воздушного транспорта явилось соглашение 1946 года между Великобританией и США, известное как Бермудское соглашение, которое помогло найти компромиссное решение двух подходов, обсуждавшихся на Чикагской конференции 1944 года, но оставшихся нерешенными. С одной стороны, считалось, что не должно быть регулирования емкости¹⁰ и тарифов или маршрутов. Противоположная точка зрения заключалась в том, что емкость должна быть заранее определена, тарифы должны регулироваться международным агентством, а маршруты должны быть указаны. В соответствии с Бермудским соглашением тарифы устанавливались авиакомпаниями через Международную ассоциацию воздушного транспорта (ИАТА) с дальнейшим утверждением обеими сторонами. Емкость определялась авиакомпаниями в рамках определенных согласованных принципов с возможностью совместного пересмотра самими авиакомпаниями или их национальными авиационными полномочными органами после некоторого срока эксплуатации двусторонних воздушных линий. При этом маршруты были определены. В последующем в течение 40 лет соглашения бермудского типа были моделью многих двусторонних соглашений. Таким образом, двусторонние соглашения создали относительно устойчивую и сбалансированную основу для регулирования, которая позволила международной авиатранспортной системе поддерживать постоянный рост.

В 70—80-е годы различные государства, и прежде всего США, стали проводить более либеральную политику в отношении регули-

рования в области международного воздушного транспорта. В результате этого были заключены новые двусторонние соглашения, характеризующиеся значительным уменьшением участия правительства в тарифных вопросах, изъятием ограничений на емкость, либерализацией доступа к рынку и возможностью для каждой стороны выделять несколько авиакомпаний для использования такого доступа.

В 90-х годах, как ожидается, либерализация будет расширяться как в рамках новых или пересмотренных двусторонних соглашений, так и в рамках других новых договоренностей. Такие договоренности включают коллективное регулирование группой государств, например в рамках Европейского союза и Андского пакта, и они могут также включать новые виды соглашений, которые еще разрабатываются.

Многостороннее регулирование

Многосторонний процесс регулирования международного воздушного транспорта значительно отличается от процесса национального или двустороннего регулирования. Основными различиями являются: 1) вовлечение большего числа субъектов международного и национального права — правительств, международных организаций, авиакомпаний; 2) в большинстве случаев принятые решения и достигнутые соглашения имеют общий характер; 3) в этом процессе мало используются права по обмену доступом к рынку воздушного транспорта.

Следует отметить, что история многостороннего регулирования в области международного воздушного транспорта началась в 1903 году, когда в Европе впервые была проведена многосторонняя дипломатическая конференция по рассмотрению международных аспектов полетов через государственные границы, которая, однако, закончилась безрезультатно. В 1910 году на дипломатическую конференцию в Париж были приглашены представители 21 европейского государства с тем, чтобы попытаться достигнуть соглашения. И на этот раз им не удалось выйти на многостороннее решение. Тем не менее складывающаяся практика исходила из того, что государства обладают суверенитетом над своим воздушным пространством, и эта идея в конечном итоге стала основой для регулирования воздушного транспорта.

На состоявшейся по окончании первой мировой войны дипломатической конференции 1919 года в Париже была принята Конвенция по регулированию воздушной навигации, исходным положением которой стало подтверждение суверенитета государств

над своим воздушным пространством. В последующем, в 1926 году, в Мадриде была принята Иберо-Американская конвенция об аэронавигации, фактически идентичная Парижской конвенции 1919 года во всем, кроме порядка принятия решений. Однако Мадридская конвенция не вступила в силу. В 1928 году была принята Панамериканская конвенция о коммерческой авиации, аналогичная Парижской конвенции по содержанию, но не содержащая положений о руководящем органе. Панамериканскую конвенцию ратифицировали 16 государств Северной и Южной Америки. В 30-х годах были заключены некоторые другие многосторонние региональные конвенции по регулированию международной гражданской авиации, включая Буэнос-Айресскую конвенцию 1935 года, Бухарестскую конвенцию 1936 года и Земанское соглашение 1937 года.

Чикагская конференция, созданная США во время второй мировой войны и открытая в Чикаго 1 ноября 1944 г., имела самый важный результат — подписание 7 декабря 1944 г. Конвенции о международной гражданской авиации (Чикагской конвенции). На этой конференции также были приняты Соглашение о транзите при международных воздушных сообщениях и Соглашение о международном воздушном транспорте, проекты 12 технических приложений к Чикагской конвенции и стандартная форма двустороннего соглашения.

Многостороннее регулирование охватывает различные стороны деятельности международного воздушного транспорта. Конвенция для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок (Варшавская конвенция 1929 г.), и относящаяся к ней группа документов¹¹ регулируют вопросы ответственности авиаперевозчиков перед пассажирами и грузополучателями¹². Конвенция о международном признании прав на воздушные суда, подписанная в Женеве 19 июня 1948 г., регулирует вопросы прав собственности, приобретения, владения и т.д. на воздушные суда. Конвенция об ущербе, причиненном иностранными воздушными судами третьим лицам на поверхности, подписанная в Риме 7 октября 1952 г., дает право любому лицу, которое понесло ущерб на поверхности, нанесенный воздушным судном в полете или каким-либо другим лицом или предметом, выпавшим с воздушного судна, требовать справедливой компенсации. Кроме того, регионализация международной экономической деятельности нашла свое отражение в региональных соглашениях по воздушному транспорту, в частности, в рамках Европейского союза. С 80-х годов наблюдается усиление влияния интернационализации, глобализации, либерализации и транснационализации. Данные факторы, а также включение некоторых аспектов воздушного транспорта в Генеральное соглашение о торговле услугами (ГАТС) вызвали значительный интерес к поиску новых возможных многосторонних мер по регулированию международного воздушного транспорта.

Всемирная авиатранспортная конференция, опираясь на опыт национального, двустороннего и многостороннего регулирования международного воздушного транспорта, предприняла попытку изучить будущие механизмы регулирования.

Будущие механизмы регулирования международного воздушного транспорта

Свою работу конференция начала с рассмотрения основных целей государств при заключении новых механизмов регулирования международного воздушного транспорта. Таковыми были названы:

а) постоянное выполнение международных воздушных перевозок при осуществлении государствами торговли, коммерции и развита;

б) адаптация механизма регулирования к реальным условиям, в которых функционирует международный воздушный транспорт;

в) усовершенствование количества и качества международных воздушных сообщений, осуществляемых государством на свою территорию и с нее, на благо пользователей, поставщиков обслуживания, сообществ и других лиц;

г) упрощение существующих механизмов регулирования, с вытекающим отсюда сокращением времени и денежных расходов правительств, поставщиков обслуживания и пользователей;

д) гибкость новых механизмов регулирования для международного воздушного транспорта¹³.

Другим пунктом повестки дня конференции был вопрос о **полной или постепенной либерализации доступа к рынку при наличии «системы сдерживания»**. В межгосударственных отношениях в области воздушного транспорта доступ к рынку и непосредственно связанные с этим вопросы являются предметом наиболее пристального внимания со стороны национальных органов, занимающихся регулированием международного воздушного транспорта. Это и понятно. Ведь для национальных авиаперевозчиков доступ к рынку лежит в основе международной коммерческой деятельности и имеет важнейшее значение для достижения ими успеха. Вот почему вопрос о роли и режиме доступа к рынку выступает ключевым при рассмотрении любых возможных изменений к существующим механизмам регулирования. По сложившейся практике государства предпочитают обмениваться доступами к рынку в основном на двусторонней основе. Традиционно вопросы доступа к рынку регламентируются соответствующими полномочными органами. Такой подход к регулированию доступа к рынку характеризуется как микроуправленческий. Однако новые механизмы регулирова-

ния доступа к рынку предусматривают альтернативный, макроуправленческий подход. Суть его состоит в опоре механизмов регулирования на инициативу и выбор авиаперевозчиков, пользующихся правом полного доступа к рынку, а не на полномочные органы государства. Разумеется, будущие механизмы регулирования доступа к рынку будут формироваться и внедряться постепенно. Продвижение в сторону более открытого и конкурентного сектора воздушного транспорта должно быть уравновешено «системой сдерживания», основанной на праве замораживать провозную емкость в качестве чрезвычайной меры. На конференции признавалось, что либерализация доступа к рынку затронет права на маршруты, права на эксплуатацию, а также права на перевозки¹⁴.

Надо отметить, что большинство государств весьма сдержанно высказались в отношении комплекса идей о либерализации доступа к рынку. Для многих национальных авиакомпаний такая «либерализация» означала бы вытеснение с рынка авиаперевозок, а следовательно, исчезновение. И как бы ни были заманчивы идеи либерализации, видимо, до их реализации в ближайшее десятилетие дело не дойдет. Слишком велик экономический и технический разрыв между авиакомпаниями развитых и развивающихся стран.

Как показывает практика, «либерализация» в международном воздушном транспорте развивается крайне трудно. Опыт Европейского союза по интеграции рынков авиаперевозок и созданию общего правового пространства ограничивается рамками региона и отнюдь не сопровождается готовностью стран — членов Европейского союза распространить европейскую «либерализацию» на третьи страны и желанием обеспечить равные условия его использования авиакомпаниями государств, не являющихся членами Европейского союза.

Очевидно, что «либерализация» доступна не всем странам, и если будет продвигаться, то только по регионам.

На конференции обсуждались и многие другие проблемы: принадлежность авиаперевозчиков и осуществление контроля за их деятельностью; иностранное инвестирование национальных авиаперевозчиков и право на создание авиапредприятий; гарантии, необходимые для обеспечения справедливой конкуренции; принятие законов о конкуренции; разработка мер по окружающей среде в отношении воздушного транспорта; уменьшение налогов на продажу и использование услуг международного воздушного транспорта; последствия применения Генерального соглашения о торговле услугами и других торговых договоров для международного воздушного транспорта.

Каким же видится процесс и структура будущего регулирования международного воздушного транспорта?

Этот вопрос также обсуждался на конференции. Было отмечено, что в краткосрочном плане процесс регулирования сохранит свою структуру, включающую как двусторонние, так и многосторонние соглашения. Важным элементом механизмов будущего регулирования, в особенности касающегося доступа к рынку, будет принцип защиты и соблюдения всех действующих прав. Новые механизмы регулирования не должны использоваться для ограничения существующих прав на доступ к рынку, многие из которых тщательно прорабатывались и разрабатывались в течение многих лет. Но одновременно с этим возникает проблема преобразования существующих прав на доступ к рынку в права на полный доступ к рынку путем снятия всех ограничений и условий и введения прав на полный доступ к рынку там, где таких прав не было. Переход к либерализации доступа к рынку, безусловно, будет происходить постепенно и затронет вопросы применения принципа взаимности в новых условиях, вызовет необходимость совершенствования механизма переговоров между отдельным государством и группой государств и группами государств, приведет к переосмыслению роли полномочных органов регулирования в вопросах авиаперевозок. Именно в таком направлении, на наш взгляд, будет развиваться регулирование международного воздушного транспорта.

* * *

Каковы итоги работы Всемирной авиатранспортной конференции 1994 года и какое влияние может она оказать на дальнейшее развитие международного воздушного права?

Хотя конференция не приняла каких-либо решений и рекомендаций по вопросам повестки дня, тем не менее была проделана работа, имеющая исключительно важное значение для последующей разработки новых механизмов регулирования международного воздушного транспорта. Кроме того, круг рассмотренных конференцией вопросов позволяет сделать определенные практические выводы в отношении грядущих изменений содержания международного воздушного права, которые неизбежно затронут процесс национального, двустороннего и многостороннего регулирования международного воздушного транспорта. Безусловно, прошлый опыт такого регулирования способствовал его развитию и будет еще долго определять характер регламентации международных авиаперевозок. Однако этот опыт, при всей позитивности, явно недостаточен для обеспечения эффективных и экономичных условий для международного воздушного транспорта в новом тысячелетии. Для этого потребуются принятие кардинальных решений на национальном, двустороннем и многостороннем уровне. В национальном

законодательстве должны быть урегулированы вопросы доступа к национальному рынку авиаперевозок иностранных авиаперевозчиков. Без этого процесс либерализации международного воздушного транспорта вряд ли будет продвигаться. Двустороннее регулирование, видимо, будет включать новые процедуры, обеспечивающие равновесие возможностей, а не преимуществ. Что касается многостороннего регулирования, то возрастающая потребность государств в многосторонней системе регулирования обмена правами, возможно, приведет к созданию приемлемой для всех всемирной системы обмена правами на осуществление международных воздушных перевозок, способной обеспечивать защиту интересов национальных перевозчиков и гарантировать их дальнейшее присутствие на рынке международных перевозок.

Ход работы конференции показал, что не все государства поддерживают идеи либерализации доступа к рынку. Ясно, что если сегодня Россия откроет свой рынок для иностранных авиакомпаний, то российские авиакомпании не выдержат конкуренции.

Из этого вряд ли стоит делать вывод о неприменимости идей либерализации к российскому авиарынку. На наш взгляд, нужно создавать и отрабатывать свой региональный режим авиаперевозок, действующий в рамках СНГ. По мере накопления опыта могут быть созданы предпосылки для его распространения на третьи страны. Для разработки регионального режима авиаперевозок следует использовать механизмы и институты СНГ¹⁵.

На конференции было поднято много вопросов, которые еще не получили должного освещения в литературе по международному воздушному праву.

¹ См. подробнее *Международное воздушное право*. — М., 1980, 1981. — Кн. 1, 2; Малеев Ю.Н. *Международное воздушное право. Вопросы теории и практики*. — М., 1986; Бордунов В.Д., Котов А.И., Малеев Ю.Н. *Правовое регулирование международных полетов гражданских воздушных судов*. — М., 1988; *Словарь международного воздушного права*. — М., 1988; Бордунов В.Д. *Правовой механизм деятельности международных авиационных организаций*. — М., 1989.

² См. *Мир гражданской авиации. 1993—1996 гг.* — Циркуляр ИКАО 250—АТ/102.

³ См. ICAO, Doc. Conf/4-WP/4/3/5/94.

⁴ На 1 января 1995 г. участниками данной конвенции являются 183 государства.

⁵ См. ICAO, doc. AT-Conf/9-WP/5.

⁶ См. там же.

⁷ См. подробнее Грязнов В.Г. *Международные авиаперевозки*. — М., 1984.

⁸ См. ICAO, doc. AT-Conf/4-WP/5.

⁹ Разработка и обоснование принципа взаимности предпринята в советской юридической литературе в отношении международных полетов, но не перевозок. См. Бордунов В.Д., Малеев Ю.Н., Котов А.И. Указ. соч. — С. 65—76.

¹⁰ Разные типы самолетов имеют «емкости», вмещающие разное количество пассажиров. Вот почему авиакомпании тщательным образом регулируют вопросы эксплуатации самолетов, используемых в международных сообщениях, для поддержания равенства баланса авиаперевозок.

¹¹ Протокол об изменении конвенции для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, подписанной в Варшаве 12 октября 1929 г., подписанный в Гааге 28 сентября 1955 г. (ICAO, doc. 7632); Конвенция, дополнительная к Варшавской конвенции для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, осуществляемых лицом, не являющимся перевозчиком по договору, подписанная в Гвадалахаре 18 сентября 1961 г. (ICAO, Doc. 8181); Протокол об изменении Конвенции для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, подписанной в Варшаве 12 октября 1929 г. и измененной Протоколом, совершенным в Гааге 28 сентября 1955 г., подписанный в Гватемале 8 марта 1971 г. (ICAO, doc. 8932); Дополнительный протокол № 1 об изменении Конвенции для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, подписанной в Варшаве 12 октября 1929 г., подписанный в Монреале 25 сентября 1975 г. (ICAO, Doc. 9145); Дополнительный протокол № 2 об изменении конвенции для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, подписанной в Варшаве 12 октября 1929 г. и измененной Протоколом, совершенным в Гааге 28 сентября 1955 г. и в Гватемале 8 марта 1971 г., подписанный в Монреале 25 сентября 1975 г. (ICAO, Doc. 9146); Дополнительный протокол № 3 об изменении конвенции для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, подписанной в Варшаве 12 октября 1929 г. и измененной протоколами, совершенными в Гааге 28 сентября 1955 г. и в Гватемале 8 марта 1971 г., подписанный в Монреале 25 сентября 1975 г. (ICAO, Doc. 9147); Монреальский протокол № 4 об изменении конвенции для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, подписанной в Варшаве 12 октября 1929 г. и измененной протоколом, совершенным в Гааге 28 сентября 1955 г., подписанный в Монреале 25 сентября 1975 г. (ICAO, Doc. 9148).

¹² См. подробнее **Международное воздушное право**. Вопросы теории и практики. — М., 1986. — Кн. 2. — С. 145—189.

¹³ ICAO. Doc. AT-Conf/4-WP/614/4/94.

¹⁴ ICAO. Doc. AT-Conf/4-WP/7.

¹⁵ См. подробнее **Bordunov V.D. Air Law development in the CIS: modern trends//Annals of Air and Space Law. — Vol. XIX. — Part II. — 1994. — P. 107—124.**

Статья поступила в редакцию в апреле 1995 г.

Документы

ВЕНСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ 1994 ГОДА ПАРЛАМЕНТСКОЙ АССАМБЛЕИ ОБСЕ

Создание и первые результаты деятельности Парламентской Ассамблеи Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ПА ОБСЕ) являются еще одним подтверждением общей тенденции к демократизации международных отношений. Межпарламентские органы становятся все более активными в сфере регулирования международного сотрудничества, координации внутренней и внешней политики государств, гармонизации национального законодательства. Их внимание привлекают самые острые и злободневные вопросы региональной и глобальной повестки дня.

Лидерство в этом плане, конечно же, за Европейским парламентом. Его позиции в системе главных органов Европейского союза с каждым годом все более весомы.

ПА ОБСЕ намного моложе. Она делает в какой-то степени первые шаги, ищет свое собственное место в ОБСЕ. Ее связь с другими органами ОБСЕ ограничивается в основном формальным представительством на отдельных мероприятиях и важнейших встречах.

Вместе с тем, как свидетельствует Венская декларация, ПА обладает большим потенциалом идей и предложений, своим видением обсуждаемых проблем. Она внимательно отслеживает эволюцию подходов к ключевым вопросам, находящимся в ведении ОБСЕ, и прежде всего — обеспечения всеобъемлющей безопасности, включая все ее составляющие.

ПА ОБСЕ была создана по инициативе Парижского совещания глав государств и правительств стран-участниц. В Парижской хартии для Новой Европы от 21 ноября 1990 г. говорилось: «Признавая важную роль, которую парламентарии могут играть в процессе СБСЕ, мы призываем к более широкому участию парламентов в СБСЕ, в частности, путем создания Парламентской ассамблеи СБСЕ, в которую войдут члены парламентов всех государств-участников. С этой целью мы настоятельно призываем к развитию контактов на парламентском уровне для обсуждения сферы деятельности, рабочих методов и правил процедуры такой парламентской структуры СБСЕ с использованием имеющегося опыта и работы, уже проделанной в этой области».

Учредительные документы ПА ОБСЕ удалось принять буквально через несколько месяцев на Мадридской конференции ведущих парламентариев государств-участников 2—3 апреля 1991 г.

Ассамблея является независимым органом. Обсуждает весь круг вопросов, относящихся к ОБСЕ, принимает по ним резолюции и рекомендации, не имеющие обязывающего характера. Решения утверждаются простым, а по бюджетным и процедурным вопросам — квалифицированным большинством в $\frac{2}{3}$ голосов.

Сессии Ассамблеи проходят ежегодно на основе ротации в одном из государств—участников ОБСЕ продолжительностью до пяти дней. Первая сессия состоялась в Будапеште 3—5 июня 1992 г., вторая — в Хельсинки 6—9 июля 1993 г., третья — в Вене 5—8 июля 1994 г., четвертая — в Оттаве 4—7 июля 1995 г.

Председателем ПА ОБСЕ является Ф. Свален (Бельгия). Избраны девять заместителей Председателя от парламентов России (И.П. Рыбкин), Канады, Дании, Франции, Германии, Италии, Турции, Словакии и Казахстана. Они образуют Бюро ПА ОБСЕ.

Руководящий орган Ассамблеи — Комитет глав делегаций. К его исключительной компетенции отнесены все ключевые вопросы, связанные с членством в ПА ОБСЕ, правилами и процедурами ее работы, деятельностью постоянного Секретариата (находится в Копенгагене), созданием новых органов, финансами и повесткой дня сессии. Решения в Комитете глав делегаций принимаются на основе консенсуса.

В состав ПА ОБСЕ входят 259 парламентариев. Среди крупнейших стран, представленных в Ассамблее, США имеют 17 мест, Россия — 15, Германия, Франция, Италия и Великобритания — по 13.

Сразу же после своего создания ПА активно включилась в осуществление международного наблюдения и контроля за проведением выборов в государствах-участниках. В этой сфере деятельности она наиболее авторитетна.

ПА ОБСЕ поддерживает тесные связи с другими межпарламентскими организациями. На третьей сессии Ассамблеи в качестве наблюдателей присутствовали представители Межпарламентского Союза, Парламентской ассамблеи Совета Европы, Ассамблеи ЗЕС, Североатлантической ассамблеи, Европарламента и других организаций. Статус наблюдателей признан также за представителями Межпарламентской ассамблеи СНГ.

На третьей сессии процесс становления ПА ОБСЕ вступил в новую фазу. В целях интенсификации, рационализации и повышения отдачи от своей деятельности Ассамблея поручила Секретариату подготовить проект поправок к Правилам процедуры, одобренным Комитетом глав делегаций в январе 1993 года.

Но, конечно же, главным политическим итогом третьей сессии стала Венская декларация.

Фактически она состоит из четырех резолюций: 1) обеспечение безопасности в регионе ОБСЕ; 2) сотрудничество в области экономики, науки, техники и окружающей среды; 3) демократия и права человека; 4) бывшая Югославия.

В первой из резолюций отмечается, что СБСЕ призвано стать «центральным форумом для предупреждения конфликтов в регионе СБСЕ», играть «ключевую роль» в обеспечении безопасности «совместно с другими региональными организациями» (пп. 4, 13, 25). В связи с этим ПА призывает «усилить потенциал СБСЕ как регионального соглашения по обеспечению безопасности в соответствии с его собственным характером и положениями главы VIII Устава ООН с целью разрешения споров и конфликтов исключительно на территории государств—участников СБСЕ».

В резолюции предлагается создать балтийский и другие «региональные форумы» для решения вопросов разоружения, контроля над вооружения-

ми, безопасности и сотрудничества. Эти форумы могли бы проложить путь к реализации всеобъемлющей концепции общеевропейской безопасности.

В ней высказан ряд соображений о совершенствовании механизмов ОБСЕ, в частности повышении роли Центра по предотвращению конфликтов (ЦПК), постепенном отходе от принятия решений методом консенсуса, рационализации работы ОБСЕ.

Депутатами ПА сформулирована позиция по важнейшим предложениям, подготавливавшимся к рассмотрению на будапештском саммите: ОБСЕ — сначала, а затем — Хартия прав национальных меньшинств, укрепление института Верховного комиссара по делам национальных меньшинств, ставка на долгосрочные миссии, кодекс поведения государств в области безопасности.

Понимая относительную слабость позиций Ассамблеи в институциональной системе ОБСЕ, особое внимание они уделили поискам такого взаимодействия с органами межправительственного сотрудничества, при котором ПА получила бы несколько большие возможности влиять на принимаемые ими решения.

В целом резолюция охватывает широкий спектр вопросов, очень насыщена в содержательном плане, выдержана в сбалансированных тонах. И все же применительно к России в подходе к конфликтам и международным проблемам, подлежащим урегулированию на территории бывшего СССР, чрезмерный акцент сделан на ее обязанностях перед международным сообществом. В то же время весомый вклад России в нормализацию обстановки на постсоветском пространстве не получил должной оценки.

Не очень уместно в этом тексте упоминание о предстоящем расширении НАТО как само собой разумеющемся процессе.

Во второй резолюции ключевое место занимает изложение соображений относительно активизации работы по «экономической корзине» ОБСЕ. При этом отмечается, что рыночный механизм не является единственным фактором прогрессивного развития экономики. Необходимо сочетание рыночного инструментария с системой социального обеспечения: «социальная политика является ключевым элементом экономических реформ в странах, идущих к рыночной экономике». Другим фактором экономического прогресса должно стать создание эффективного механизма «по борьбе с организованной преступностью с целью обеспечения безопасности граждан и частных предприятий».

Основным недостатком этого раздела является его абстрактный характер. Временами он воспринимается как набор благих пожеланий. В нем есть упоминания о сбалансированном развитии, охране окружающей среды, малых предприятиях, международном сотрудничестве и т.д. А вот конкретные рычаги достижения конечных целей рассматриваются плохо.

В сфере человеческого измерения (третья резолюция) упор сделан на соблюдение основ демократии при осуществлении права народов распоряжаться своей судьбой: «Развитая демократическая политическая система рассматривается как основной и неотделимый аспект права народов распоряжаться своей судьбой и эффективного его осуществления». В документе отмечается, что сохранение языковой и культурной самобытности меньшинств служит предпосылкой «мирных отношений и сосуществования между различными этническими группами».

Резолюция призывает к разработке в государствах-участниках, которых это касается, «инновационных форм самоуправления и гарантий» для сохранения и развития языка и национальной культуры меньшинств.

Ассамблея выступает за создание международного трибунала по рассмотрению преступлений против человечества, в том числе нарушений Женевских конвенций 1949 года и Дополнительного протокола к ним 1977 года, касающихся защиты жертв международных вооруженных конфликтов.

Резолюция по югославской проблематике имеет теперь скорее историческую ценность. Не приводится текст данной резолюции, так как в ней отражена ситуация до принятия Белградом мирного плана Контактной группы, а с тех пор положение вокруг боснийского урегулирования изменилось коренным образом.

По всей видимости, давая общую оценку Венской декларации, необходимо учитывать как возможности, так и ограничения в деятельности ПА ОБСЕ. Декларация имеет всеобъемлющий характер. В ней затрагивается самый широкий круг проблем. Вместе с тем она намного более расплывчата и декларативна, нежели документы высших органов межправительственного сотрудничества ОБСЕ. Ощущается дефицит инициативных предложений, идей стратегического масштаба, соображений о конкретных шагах, необходимых для достижения намеченных целей.

М.Л. ЭНТИН,
*доктор юридических наук,
первый заместитель директора Департамента
общеевропейского сотрудничества МИД РФ,
подробные сведения о нем публикуются
в этом номере на стр. 146*

Ю.И. ЮРОВ,
*секретарь российской делегации
в Парламентской Ассамблее ОБСЕ*

ВЕНСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПАРЛАМЕНТСКОЙ АССАМБЛЕИ СБСЕ

Парламентская Ассамблея СБСЕ на своей сессии в Вене 4—8 июля 1994 года приняла следующие резолюции:

Политические вопросы и безопасность;

**Экономические вопросы, наука, технология и окружающая среда;
Демократия, права человека и гуманитарные вопросы.**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Парламентская Ассамблея СБСЕ,

1. **Подтверждая** ключевую роль свободно избранных и полностью представительных парламентов в создании климата безопасности и сотрудничества в регионе СБСЕ;

2. Осознавая ту роль, которую члены парламента могут играть в процессе поддержания мира и безопасности в Европе;
3. Учитывая важность того, чтобы национальные парламенты стран — участниц СБСЕ максимально учитывали резолюции, одобренные Парламентской Ассамблеей;
4. Отмечая решающую роль СБСЕ в предупреждении конфликтов;
5. Полная решимость постоянно наблюдать за деятельностью правительственных органов в этой сфере и в этой связи развивать отношения с Президентом Совета и с Генеральным секретарем СБСЕ;
6. Учитывая, что Парламентская Ассамблея СБСЕ выполняет роль консультующего органа;
7. Учитывая важность того, чтобы Совет Министров максимально принимал во внимание резолюции, принятые Парламентской Ассамблеей;
8. Будучи озабоченной отсутствием установленной процедуры рассмотрения Советом Министров СБСЕ резолюций Парламентской Ассамблеи СБСЕ;
9. Отмечая, что другие международные органы, например Совет Европы, установили формальные процедуры учета в деятельности правительственных структур точек зрения соответствующих парламентских ассамблей;
10. Будучи твердо убежденной непрерывно использовать форумы и комитеты Парламентской Ассамблеи СБСЕ для процесса достижения мира и стабильности и для Европы;
11. Сожалея о продолжающихся нарушениях принципов и обязательств СБСЕ в ряде отдельных районов СБСЕ;
12. Призывая, что нежелание государств-участников осуществить полное и эффективное использование существующих механизмов СБСЕ для оценки соответствия и внесения вклада в мирное урегулирование споров обуславливает необходимость рационализации правил процедуры и тщательной ревизии процедур СБСЕ в сфере принятия решений;
13. Сознвая, что для того, чтобы СБСЕ стало центральным форумом по предотвращению конфликтов в регионе СБСЕ, необходимо создать эффективные непрерывные и транспарентные отношения с другими организациями, непосредственно задействованными в разрешении вопросов безопасности в Европе. Каждая из этих организаций должна действовать в рамках своих собственных полномочий и избегать дублирования;
14. Отмечая конструктивную роль, которую играет СБСЕ в деле защиты прав национальных меньшинств, что является важным средством раннего предупреждения конфликтов;
15. Отдавая себе отчет в том, что третья сторона может играть определенную роль в урегулировании конфликтов в регионе СБСЕ при непосредственном политическом контроле со стороны СБСЕ и с согласия всех заинтересованных сторон;
16. Полагая, что Будапештская конференция по рассмотрению деятельности СБСЕ явится новой вехой в развитии СБСЕ как организации коллективной безопасности и определит ее место в рамках европейской безопасности;

17. Будучи убежденной, что СБСЕ должно уделять большее внимание в своей работе раннему предупреждению и предотвращению конфликтов;
18. Считая, что это могло бы быть достигнуто — это было отражено в Парижской Хартии — расширением ответственности и обязанностей Центра по предотвращению конфликтов (ЦПК) в Вене;
19. Вновь подтверждая важность политических консультаций на высшем уровне для налаживания отношений и определения дальнейших целей среди стран — участниц СБСЕ;
20. Напоминая достигнутое в рамках Парижской Хартии соглашение проводить встречи глав государств или правительств в связи с проведением последующих мероприятий;
21. Будучи убежденной, что важность таких встреч на высшем уровне такова, что они не должны собираться лишь для того, чтобы быть созданными;
22. Будучи убежденной, что в том случае, если СБСЕ сталкивается с оказывающими на нее давление вызовами, требуется большая оперативность в принятии решений;
23. Считая желательным разрабатывать и дальше всеобъемлющую концепцию безопасности, что приведет к координации деятельности СБСЕ во всех трех основных измерениях;
24. Будучи убежденной, что безопасность в Европе является неделимой и что ее принципы, нормы и стандарты должны применяться в равной мере во всем регионе СБСЕ;
25. Будучи убежденной, что СБСЕ играет центральную роль в деле продвижения всех аспектов европейской безопасности среди всех стран-участниц совместно с другими региональными организациями. Они действуют, взаимно усиливая друг друга. Каждая организация вносит свой собственный вклад;
26. Будучи убежденной, что СБСЕ вносит вклад в поддержание мира и стабильности, как и Европейский Союз, через свою инициативу по Пакту стабильности;
27. Признавая значение документов, принятых Парижской Инаугурационной конференцией, для заключения Пакта стабильности в Европе;
28. Будучи убежденной в важности для стабильности и безопасности в Европе целей этой инициативы, предпринятой Европейским Союзом;
29. Отмечая с удовлетворением, что основными принципами Конференции являются те же принципы, что и у СБСЕ;
30. Отмечая тот факт, что СБСЕ будет призвано участвовать как в процессе дипломатических переговоров в рамках Конференции по стабильности в Европе, так и в последующей реализации Пакта стабильности;
31. Приветствуя поддержку, выраженную на Парижской Инаугурационной конференции, началу процесса дипломатических переговоров, которые приведут к заключению Пакта стабильности;
32. Исходя из решения НАТО о создании механизма партнерства во имя мира и решения ЗЕС об учреждении статуса ассоциированного парт-

нера, каждое из которых совместно с концепцией комбинированных сил может обеспечивать выполнение соответствующих миротворческих операций под эгидой СБСЕ, осуществление резолюций Совета Безопасности ООН и подготовку условий для расширения НАТО из ЗЕС на те демократические государства, которые стремятся в них вступить;

33. **Оставаясь** озабоченной продолжающимся присутствием российского военного персонала и техники в Эстонии и Латвии в отсутствие двусторонних соглашений, одобренных парламентами заинтересованных стран;
34. **Отмечая**, что конфликт в Нагорном Карабахе продолжается с 1988 года, в результате чего пострадали тысячи людей и появилось более миллиона беженцев;
35. **Напоминая**, что в марте 1992 года была создана Минская группа СБСЕ в целях содействия прекращению огня и в дальнейшем для подготовки почвы для проведения переговоров по политическому урегулированию конфликта;
36. **Признавая**, что Минская группа являлась центральным органом СБСЕ и механизмом прекращения кровопролития в Нагорном Карабахе, она целенаправленно работала ради достижения этих целей, несмотря на подрывающее эту работу непрекращающееся противостояние;
37. **Сознавая**, что наряду с Арменией и Азербайджаном членами Минской группы являются также Беларусь, Франция, Германия, Венгрия, Италия, Россия, Швеция, США и Турция, которые постоянно принимали активное участие в работе группы и в формулировании ее предложений;
38. **Приветствуя** тот факт, что Минская группа СБСЕ, координатором которой является Ян Элиассон, выдвинула план, предусматривающий прекращение огня, разъединение воюющих сторон, возвращение беженцев, международное наблюдение за прекращением огня, что ведет к переговорам по разрешению конфликта;
39. **Принимая** к сведению информацию, касающуюся вывода 14-й Армии Российской Федерации с территории Республики Молдова, призывает к скорейшему последовательному, безусловному и полному ее выводу;
40. **Принимая** к сведению подписание 28 апреля 1994 года общей декларации Правительства Молдовы и руководства Приднестровья и выражая надежду, что этот шаг позволит двум сторонам реализовать прогресс в решении приднестровской проблемы, и призывая стороны использовать данное обстоятельство для достижения, с помощью Миссии СБСЕ, мирного решения конфликта, основанного на уважении независимости, суверенитета и интегральной целостности Молдовы, а также и на принципах СБСЕ, относящихся к правам человека, включая права национальных меньшинств;
41. **Учитывая** те обстоятельства, что в истории СБСЕ соглашения заключались между странами с различными политическими системами, и будучи убежденной, что такие соглашения внесли свой вклад в регулирование государственных отношений, независимо от сути их политической ориентации, и также будучи убежденной, что стабильность

европейских отношений сегодня по-прежнему зависит от преемственности этих существующих соглашений;

42. **Призывает** СБСЕ, ее государства-участники и особенно Будапештскую встречу
43. **Рассмотреть** возможность разработки формальной процедуры для рассмотрения резолюций и рекомендаций Парламентской Ассамблеи:
 - в качестве первого шага рекомендовать Комитету старших должностных лиц СБСЕ и Постоянному комитету в Вене включить резолюции и рекомендации Ассамблеи в их повестку дня;
 - включить резолюцию и рекомендации Ассамблеи в ее собственную повестку как этап в создании формальной процедуры;
 - советовать действующему Председателю Совета министров выступать перед Ассамблеей на ее ежегодных сессиях с докладом по выводам и результатам действий соответствующих правительственных органов;
44. **Вновь подтвердить** приверженность государств-участников принципам Парижской Хартии, которая устанавливает принципы взаимной безопасности между суверенными государствами;
45. **Вновь подтвердить**, что каждое государство-участник имеет право присоединиться к региональным организациям по своему выбору в соответствии со своими требованиями в сфере безопасности и экономики;
46. **Создать** условия, обеспечивающие успех переговоров, направленных на заключение Пакта стабильности;
47. **Продолжать** усилия по укреплению потенциала СБСЕ как региональной структуры, обеспечивающей безопасность в соответствии с задачами этой организации, а также целями VIII главы Устава ООН, стремиться разрешать споры и конфликты исключительно на земле стран — участниц СБСЕ;
48. **Активно содействовать** быстрому выводу войск и военного оборудования, незаконно находящихся или занимающих территорию другого государства — участника СБСЕ;
49. **Вновь подтвердить**, что при сложившихся обстоятельствах нет необходимости дублировать в Европе структуры ООН. СБСЕ имеет достаточно возможностей для предотвращения конфликтов и проведения текущих политических консультаций;
50. **Отметить**, что принудительные меры являются исключительной прерогативой Совета Безопасности ООН в соответствии с главой VII Устава. Если такие меры требуются или разногласия между странами-членами являются трудно урегулируемыми, СБСЕ должно вынести этот вопрос в Совет Безопасности без ущерба для права каждого государства обратиться за помощью к ООН;
51. **Считать** предложение, выдвинутое Германией и Нидерландами по выработке совместной повестки дня Будапештской встречи, эффективным методом по усилению политического значения СБСЕ;
52. **Рассмотреть** возможность передачи спора или конфликта на любой его стадии и на обязательной основе в Совет Безопасности ООН в тех случаях, когда возможности СБСЕ исчерпаны и требуются меры при-

нуждения — если потребуется — без согласия сторон, вовлеченных в спор или конфликт;

53. **Согласиться** с тем, что в исключительных случаях, когда к государству-участнику обращен призыв развернуть межопозиционные силы, СБСЕ должно наблюдать за реализацией соглашения между участниками конфликта и за соответствием действий этих сил международно признанным стандартам;
54. **Установить** непосредственную ответственность СБСЕ за предотвращение конфликтов в регионе СБСЕ и добиться более лучшего использования сравнительных преимуществ СБСЕ в этой области;
55. **Развивать** и укреплять оперативную деятельность СБСЕ, в особенности путем более тесного сотрудничества между Председателем Совета министров СБСЕ и Генеральным секретарем СБСЕ;
56. **Улучшить** эффективность механизмов СБСЕ и процессов принятия решений путем превращения их в более действенные механизмы СБСЕ и предусмотреть возможность принимать рекомендации и заявления, если это необходимо, без согласия нарушителя договоренностей СБСЕ;
57. **Предусмотреть**, чтобы Верховный Комиссар по делам национальных меньшинств для реализации своего мандата обладал достаточными ресурсами и пользовался политической поддержкой стран-участниц;
58. **Поддерживать**, укреплять и расширять деятельность долгосрочных миссий СБСЕ;
59. **Подчеркнуть** важность продвижения в рамках Форума сотрудничества в области безопасности с целью достижения соглашения между государствами СБСЕ по созданию стабилизирующих мер и мер укрепления доверия для сокращения напряженности и предотвращения всплесков военных действий, включая создание практического и эффективного Кодекса поведения, включая создание и принятие Кодекса поведения для цивилизованного использования вооруженных сил и демократического контроля за этим, обеспечения гармоничного контроля за вооружениями как на региональном, так и на более широком уровне;
60. **Сконцентрировать** внимание на разработке Хартии прав национальных меньшинств, которая могла бы включать согласованные для всего региона СБСЕ принципы, стандарты и механизм их полного обеспечения;
61. **Включить** в деятельность Центра по предотвращению конфликтов следующие элементы:
 - систему наблюдения — в сотрудничестве с исследовательскими институтами, неправительственными организациями и т.д. — за политическим развитием в регионе СБСЕ для раннего распознавания тенденций, которые в конце концов могут привести к острым конфликтам;
 - интенсивное изучение условий, которые могут быть идентифицированы как потенциальные источники кризисов;
 - программу мер по устранению различий и причин для конфликтов на самой возможно ранней стадии;

- серьезные попытки достижения примирения в тех случаях, когда конфликт уже возник;
 - программу мер по воссозданию функциональных социальных моделей и по разрешению остающихся конфликтов в тех случаях, когда течение конфликта остановлено, к примеру, благодаря вмешательству третьей стороны;
62. **Сотрудничать** с НАТО, с ССАС с целью обеспечения их поддержки инициатив СБСЕ;
 63. **Развивать** тесные и согласованные рабочие отношения с ООН, обеспечивая более эффективное вовлечение ООН в ситуацию в Европе, если этого требуют обстоятельства;
 64. **Отказаться** от практики проведения саммитов СБСЕ два раза в год. Ассамблея рекомендует, чтобы саммиты впредь созывались Советом министров по мере необходимости и не реже чем раз в четыре года;
 65. **Утвердить** процедуру принятия решений, которая более не требовала бы консенсуса или консенсуса минус один. Отправным пунктом для дискуссии могло бы стать требование консенсуса в 90 процентов как членства, так и финансового вклада государств;
 66. **Созывать** семинары в Центре предотвращения конфликтов по вопросам правовых гуманитарных обязательств стран-членов, основываясь на экспертизе Международного комитета Красного Креста;
 67. **Развивать** и поддерживать на более широком уровне адекватные меры, направленные на обеспечение мира, безопасности и сотрудничества со странами Средиземноморья и Ближнего Востока;
 68. **Однозначно поддержать** деятельность посла Элиасона и Минской группы, включая предоставление имеющихся необходимых ресурсов в плане личного состава и финансирования;
 69. **Настоятельно требовать** полного вывода российских войск из всех балтийских стран к 31 августа этого года;
 70. **Настоятельно призывать** политиков и прессу воздержаться от использования для независимых балтийских и других соседних с Россией стран обидного термина «ближнее зарубежье»;
 71. **В отношении укрепления системы стандартов СБСЕ:**
 - Будапештский саммит СБСЕ должен **принять** Кодекс поведения в сфере политической и военной безопасности, который расширяет и совершенствует основные принципы СБСЕ. Принцип неприменения силы должен быть определен более четко через международные правила, ограничивающие размещение вооруженных сил (гармонизация бывших военных доктрин в соответствии с принципами Кодекса поведения; соответствие с международным гуманитарным правом; запрет на размещение вооруженных сил, ограничивающее осуществление прав человека, и т. д.), через соглашение о введении жестких ограничений на передачу вооружения и через обязательства осуществлять демократический контроль над вооружениями;
 - **Необходима** дальнейшая разработка правила сотрудничества в миротворческих миссиях СБСЕ. Предложения по этому поводу содержатся в рекомендациях Европейского Союза, а также в рекомендациях других государств. Следует рассмотреть предложения Польши по приведению вооруженных сил в соответствие с оборонными целями;

- **Принятие** такого Кодекса поведения в сфере политической и военной безопасности может способствовать большей стабильности в Европе. В долгосрочном плане Кодекс должен включать более широкие аспекты в соответствии с расширенной концепцией безопасности СБСЕ;
 - Это особенно относится к экологической безопасности. В этой связи следует учесть соответствующие предложения делегаций Австрии и Венгрии;
72. В отношении разоружения, контроля над вооружениями и региональной безопасности:
- Разоружение и контроль над вооружениями могут оказать значительный вклад в раннее предотвращение вооруженных конфликтов. В создании нового порядка безопасности, основанного на сотрудничестве и взаимном доверии, задача СБСЕ будет состоять в возведении эффективных барьеров на пути использования вооруженных сил. В этом контексте особая поддержка должна быть оказана таким действиям СБСЕ, которые направлены на предотвращение распространения оружия массового уничтожения и ограничение передачи обычных вооружений;
 - Будапештский саммит должен придать больший политический вес Форуму СБСЕ по сотрудничеству в области безопасности и дать новый толчок контролю за обычными вооружениями и разоружению. Правительства призваны предпринять соответствующие инициативы на Форуме СБСЕ по сотрудничеству в области безопасности;
 - «гармонизация обязательств», касающихся контроля над вооружением и разоружением в рамках СБСЕ, представляет собой первоочередную задачу накануне форума. Гармонизация, которая должна включать в себя обмен информацией, верификацию и ограничение вооружений, будет представлять значительный шаг по направлению к общей зоне безопасности СБСЕ. Это не окажет воздействия на Договор СБСЕ, обычные вооружения в Европе, распространяющиеся от Атлантики до Урала. На самом деле как фундамент европейской стабильности он должен оставаться нетронутым;
 - Тем не менее, сегодня мы должны смотреть в будущее. Поскольку обязательства, касающиеся разоружения, в рамках Договора СБСЕ по обычным вооружениям в Европе должны быть реализованы к концу 1995 года, в будущем году должна быть заложена база для переговоров по будущим мерам в области разоружения. Будапешт должен проложить дорогу для таких переговоров в рамках упомянутого Договора и определить рамки этих переговоров;
 - Это будет предусматривать всеобъемлющее радикальное сокращение обычных вооружений, военных расходов и вооруженных сил, выходящее за рамки договора по обычным вооружениям в Европе и охватывающее по возможности все страны СБСЕ;
 - Соглашения по ограничению военно-воздушных сил особенно важны. СБСЕ должно организовать постоянные переговоры в этой области вне зависимости от в равной степени необходимых глобальных договоренностей;

- Это включает реструктурирование обычных вооруженных сил, которое еще в большей степени ограничивает их возможности перенести военные действия за границу, а также подразумевает качественный контроль за вооружениями;
 - В будущем одним из наиболее важных вопросов будет региональная безопасность. В этой связи больше внимания должно быть уделено организации региональных форумов. Особенно ощущается необходимость разработки концепции регионального разоружения для Балканского региона как составной части всеобъемлющего мирного урегулирования;
 - Кроме того, на столе находятся и другие предложения, например, по созданию регионального «Балтийского» форума. Необходимо предпринять незамедлительные шаги по их осуществлению, имея в виду необходимость учитывать интересы всех участвующих государств. Необходимо быть уверенным, какие региональные форумы могут быть полезными в этих сферах;
73. Призвать национальные парламенты:
- рассмотреть возможность создания формальной процедуры для рассмотрения резолюций, принятых Парламентской Ассамблеей СБСЕ;
 - организовать дебаты по проблематике СБСЕ для отражения работы Парламентской Ассамблеи СБСЕ как составной части процесса СБСЕ;
74. Парламентская Ассамблея СБСЕ:
- считает, что Хельсинки содействовали прогрессу в отношениях между Словенией и Италией, начатых уже в 1975 году в качестве относительно успешной модели разрешения проблем между государствами-соседями со сложной историей и непрочным статусом меньшинств в этих странах;
 - приветствует успех «Соглашения Озимо», подписанного Италией и Словенией, в качестве позитивного примера сотрудничества между странами, одна из которых недавно получила независимость и пережила распад в прошлом многонациональной страны;
 - настоятельно призывает правительства Италии и Словении продолжить их в целом дружественные отношения и в конце концов добавить к этим соглашениям новые, которые улучшат существующее экономическое и политическое сотрудничество в духе Хельсинки и «Озимо»;
 - выражает свое признание усилиям, предпринятым Минской группой в связи с конфликтом в Нагорном Карабахе, и выступает в пользу плана и попыток СБСЕ, направленных на урегулирование конфликта на основе переговоров и в соответствии с принципами СБСЕ.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ, НАУКА, ТЕХНОЛОГИЯ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

Парламентская Ассамблея СБСЕ,

1. Будучи убежденной во взаимозависимости трех корзин хельсинкского Заключительного акта, и в особенности в существовании связей

между общей безопасностью, человеческим измерением и экономическим сотрудничеством в процессе демократических перемен в странах Центральной и Восточной Европы и в новых независимых государствах, образовавшихся в результате распада Советского Союза;

2. **Признавая важность** экономического реформирования, развития и сотрудничества в реализации всеобъемлющей концепции безопасности, включающей экономическое и социальное благосостояние;
3. **Сознавая**, что в каждой реформируемой стране заметно отличаются специфические условия проведения реформ, что исключает возможность существования универсального процесса, стратегии или темпов реформирования;
4. **Будучи убежденной**, что решающую роль в экономическом реформировании играют активный частный сектор, эффективная рыночная экономика и эффективные общественные службы, для развития которых необходимо наличие соответствующих политических, правовых и административных институтов, структур и механизмов;
5. **Признавая**, что при определении скорости экономических реформ необходимо учитывать политические, экономические и социальные условия каждой страны, включая существование систем эффективной социальной поддержки;
6. **Сознавая**, что снижающийся уровень здоровья населения, высокие уровни безработицы и нищеты в сочетании с урезанием системы мер социальной защиты являются одними из наиболее сложных проблем в течение переходного периода;
7. **Будучи убежденной**, что социальная политика является ключевым элементом экономических реформ в странах, движущихся в направлении рыночной экономики, и что реформы должны проводиться в социально приемлемых формах;
8. **Будучи убежденной** в важности человеческого фактора в переходный период и в необходимости общественной поддержки экономических реформ для обеспечения непрерывности этого процесса в демократических обществах;
9. **Признавая** жизненно важную роль, которую играют иностранные инвестиции в экономическом реформировании посредством передачи капитала, современных технологий, ноу-хау и управленческих навыков, а также в результате облегчения доступа к рынку;
10. **Будучи убежденной** в необходимости сохранить окружающую среду стран Центральной и Восточной Европы и новых независимых государств, образовавшихся в результате распада Советского Союза;
11. **Признавая**, что для достижения сокращения экспорта оружия необходимо успешное проведение конверсии оборонной промышленности;
12. **Призывает** западные страны — участницы СБСЕ признать, что их политическим и экономическим интересам соответствует оказание помощи государствам Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза в реформировании их экономики и выполнении социальных программ и что развитие этого процесса может быть только постепенным;

13. **Призывает** западные страны, и особенно страны Европейского Союза, разработать и передать странам Восточной и Центральной Европы и бывшего Советского Союза технологии, позволяющие им производить товары и услуги, используя меньшее количество энергии и сырья;
14. **Призывает** страны Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза провести в рамках их возможностей реформы в области социальной политики в целях уменьшения социальных издержек экономического реформирования;
15. **Призывает** реформируемые страны уделять достаточное внимание при определении экономической и промышленной политики важным вопросам охраны окружающей среды и рекомендует создание масштабных программ, направленных на преодоление загрязнения почв, воздуха и воды, решение проблемы захоронения опасных отходов и общего ухудшения экологии и на реализации международно признанных стандартов безопасности на ядерных установках;
16. **Призывает** реформируемые страны осуществлять стратегии устойчивого развития, направленные на экономический рост, достаточно прочный с социальной точки зрения и сохраняющий их основные ресурсы и окружающую среду для будущих поколений;
17. **Настоятельно призывает** западные страны, осознавая международные последствия деградации окружающей среды, особенно в результате работы ядерных установок, сотрудничать и помогать странам Восточной Европы в решении их экологических проблем, которым Европейский Союз решил уделить особое внимание, в первую очередь в ликвидации последствий планетарной чернобильской радиационной катастрофы, однако предусматривая при этом, чтобы вопросы окружающей среды и права местных жителей должным образом учитывались странами, получающими западную помощь;
18. **Осознавая** губительные последствия чернобильской трагедии, дальнейшего функционирования Чернобильской АЭС для Европы и генофонда человечества, рекомендует западным странам Парламентской Ассамблеи СБСЕ создать новые конструктивные механизмы экономического, научно-технического сотрудничества, а также финансовой помощи и компенсации Украине затрат по закрытию Чернобильской АЭС, решению связанных с этим неотложных экологических и медицинских проблем;
19. **Настоятельно рекомендует** странам Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза уделить первоочередное внимание созданию соответствующих правовых основ, в частности определяющих имущественные права и обязанности, с учетом того, что эти основы имеют решающее значение для успешной приватизации и привлечения иностранных инвестиций, особенно от компаний средних размеров;
20. **Настоятельно призывает** к тесному сотрудничеству между всеми государствами — участниками СБСЕ в борьбе с растущей угрозой со стороны международно организованной преступности для социальных структур и населения всех стран, а также для зарубежных инвестиций и роста национальных компаний в реформируемых странах;

21. **Обращает внимание** реформируемых государств на необходимость неотложного укрепления всех правовых и иных механизмов борьбы с преступностью, в первую очередь с организованной преступностью и другими видами преступлений в целях обеспечения безопасности граждан и частных предприятий;
22. **Настоятельно призывает** государства Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза также отдавать приоритет развитию здоровых и эффективных банковских систем для поддержки как развития национальных частных предприятий, так и поощрения иностранных инвестиций;
23. **Настоятельно рекомендует** реформируемым странам создать новые механизмы регионального экономического сотрудничества как эффективное средство, способствующее экономическому развитию и созданию стабильных политических институтов;
24. **Приветствует** заключение европейских соглашений и соглашений о партнерстве и сотрудничестве с Европейским Союзом и призывает ЕС и другие европейские ассоциации заключать подобные соглашения с другими заинтересованными странами, что будет способствовать политической и экономической интеграции в Европу реформируемых стран Центральной и Восточной Европы;
25. **Призывает** западные страны, в частности страны Европейского Союза, поддержать процесс экономических реформ посредством снижения торговых барьеров и в этой связи приветствует усилия по экономической либерализации, а именно подписание соглашений в рамках Уругвайского раунда переговоров ГАТТ, и призывает западные страны осуществить правильную реализацию этих соглашений с помощью механизмов Международной торговой организации и обеспечить быстрое присоединение к ГАТТ реформируемых стран;
26. **Призывает** западные страны продолжать поддерживать усилия стран Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза по проведению экономических и политических реформ путем предоставления значительной целевой и скоординированной финансовой и технической помощи;
27. **Принимает** к сведению предложение о сотрудничестве в предоставлении экономической помощи малым новым независимым государствам (таким как Республика Молдова и др.) и инвестировании средств в их экономики и поддерживает разработку проекта программы по реализации этого предложения;
28. **Призывает** западные страны и международные финансовые институты оказывать целенаправленное техническое и финансовое содействие малому и среднему бизнесу и программам поддержки предпринимательства и развития национального бизнеса в странах Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза;
29. **Призывает** международные финансовые учреждения лучше координировать свою деятельность в предоставлении технической, научной и финансовой помощи реформируемым странам Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза с целью ускорения их экономического, научного и социального развития в соответствии с основными требованиями охраны окружающей среды;

30. **Настоятельно призывает** международные финансовые институты при осуществлении ими программ помощи полностью учитывать социальные аспекты такой помощи как составной части своей ответственности и взятых на себя обязательств;
31. **Призывает** СБСЕ продолжать играть активную роль в развитии диалога и в стремлении расширить сотрудничество между всеми, кто предоставляет экономическую, финансовую помощь и помощь на цели развития, и учитывает работу, проведенную другими крупными организациями;
32. **Призывает** парламенты стран — участниц СБСЕ продолжать их усилия по поддержке экономической трансформации в реформируемых странах и призывает правительства государств-членов включать членов парламента в свои делегации на заседаниях Экономического форума СБСЕ и также призывает к регулярному присутствию члена Экономического комитета Парламентской Ассамблеи на заседаниях Экономического форума СБСЕ.

ДЕМОКРАТИЯ, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГУМАНИТАРНЫЕ ВОПРОСЫ

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Парламентская Ассамблея СБСЕ,

1. **Напоминая** принцип VIII хельсинкского Заключительного акта «равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой», который государства — участники СБСЕ выразили решимость уважать и осуществлять на практике;
2. **Напоминая** статью I Международных пактов об экономических, социальных и культурных правах и о гражданских и политических правах, а также соответствующие положения Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций и Венской декларацией, а также программой действий Всемирной конференции по правам человека;
3. **Напоминая** также, что насилие в любом его виде не может быть использовано как инструмент для достижения или осуществления права на самоопределение;
4. **Признавая**, что право народов на самоопределение является частью человеческого измерения процесса СБСЕ и уважение этого права жизненно важно для укрепления безопасности и сотрудничества в Европе;
5. **Отмечая**, что принцип VIII включает право всех народов в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне, и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие;

6. **Признавая**, что принцип VIII подкрепляется принципами IV и VI хельсинкского Заключительного акта, призывающими к самоопределению при уважении территориальной целостности и сохранении существующих границ государств-участников;
7. **Считая**, что подлинно демократическая политическая система является существенным и неотъемлемым аспектом права на самоопределение и его эффективное использование;
8. **Сознавая**, что вопросы, связанные с самоопределением народов, могут оказать влияние на продолжающийся кризис в некоторых государствах — участниках СБСЕ;
9. **Признавая**, что выработка общего понимания самоопределения и его соотношения с территориальной целостностью и стабильностью государств СБСЕ могла бы содействовать устранению различий, касающихся прав народа на самоопределение;
10. **Будучи убеждена**, что сохранение языкового и культурного своеобразия как составной части культурного наследия человечества ведет к укреплению предпосылок для создания мирных отношений и сосуществования различных этнических групп;
11. **Отмечая**, что систематическое отрицание прав человека и прав национальных меньшинств является препятствием для мирного и демократического развития государств—участников СБСЕ;
12. **Отмечая также**, что в некоторых случаях межэтническая нетерпимость и насилие провоцируются демагогами, эксплуатирующими скрытые предрассудки и манипулирующими информацией;
13. **Отмечая особую роль женщин** в развитии образовательных программ ради обеспечения мира, распространении ценностей терпимости, гуманности и справедливости, которые являются основополагающими для мирного сосуществования в регионе СБСЕ;
14. **Будучи убеждена**, что выработка общего понимания самоопределения должна осуществляться с учетом общепризнанных подходов, практикуемых институциональными механизмами системы ООН;
15. **Призывает** государства — участники СБСЕ предоставить народам пути и средства для мирного осуществления их права на самоопределение и, в частности, поддержать независимые средства массовой информации, стремящиеся к объективности;
16. **Призывает** государства — участники СБСЕ сотрудничать со всеми сторонами, готовыми осуществлять свою деятельность в рамках демократически принятых законов, в деле поиска справедливого разрешения разногласий в отношении права народов на самоопределение;
17. **Напоминает**, что действие права на свободу слова не прекращается, когда оно используется для выражения целей не только отдельных лиц, но и групп;
18. **Призывает** государства — участники СБСЕ предоставить своим народам право на выбор пути и средства для мирного осуществления их права на самоопределение;
19. **Подтверждает**, что в тех случаях, когда попытки добиться самоопределения законным путем приводят к репрессиям или когда отрицаются права национальных меньшинств, должен быть рассмотрен весь спектр

возможностей СБСЕ, включая политический диалог, использование механизма человеческого измерения и направление миссий докладчиков или экспертов;

20. **Подтверждает**, что достижения, обретенные в рамках самоопределения, не могут быть отменены без ясного и демократически выраженного согласия тех, кого они прямо затрагивают;
21. **Призывает** Совет Министров включить в повестку дня Постоянного комитета обсуждение вопроса о самоопределении и связанных с этим вопросов территориальной целостности и стабильности государств в целях определения разумных пределов самоопределения таким образом, чтобы дать возможность территориям, где сосуществуют различные национальные группы, внедрить новые формы самоуправления и гарантировать на институциональном уровне сохранение и развитие языкового и культурного разнообразия на этих территориях;
22. **Призывает** государства — участники СБСЕ предпринять дальнейшие усилия по продвижению трансграничного экономического и культурного сотрудничества как инструмента, обеспечивающего солидарность между приграничными этническими и языковыми группами и между соответствующими меньшинствами, а также упрочение мирных отношений между государствами.

БЕЖЕНЦЫ

Парламентская Ассамблея СБСЕ,

23. **Подчеркивая**, что проблемы миграции и беженцев имеют первоочередное значение для государств — участников СБСЕ;
24. **Отмечая**, в частности, что крупные внезапные и дестабилизирующие массовые передвижения людей часто являются результатом напряженности, существующей между различными группами в обществе;
25. **Отмечая** также, что массовые и дестабилизирующие перемещения порождают экономическими проблемами;
26. **Будучи убежденной**, что СБСЕ должно реагировать на эту угрозу безопасности и стабильности путем развития всестороннего регионального подхода по отношению к массовым передвижениям людей;
27. **Рекомендует** СБСЕ принять подход, преследующий четыре основные цели: 1) предотвращать вынужденные передвижения людей совместными усилиями, в частности, направленными на создание демократических институтов, внимание к соблюдению обязательств по человеческому измерению и использование раннего предупреждения, предотвращения конфликтов и инструментов превентивной дипломатии; 2) оказывать помощь странам, являющимся источниками массовых миграций, в создании экономических и социальных структур, способных предотвратить эти перемещения населения; 3) в тех ситуациях, когда превентивные усилия не достигли успеха, обеспечить защиту насильно перемещенных лиц и осуществлять поиск долговременных решений в отношении их обустройства, и 4) возвращение в их жилища и во владение своим имуществом; и СБСЕ и государства-

участники должны использовать процесс СБСЕ для облегчения реализации этого права;

28. **Призывает** государства — участники СБСЕ, которые не присоединились к международным соглашениям по вопросам беженцев, проявить добрую волю в деле признания выработанных в этих соглашениях стандартов.

Парламентская Ассамблея СБСЕ,

29. **Настоятельно рекомендует** неукоснительно применять следующие инструменты СБСЕ с целью предотвращения вынужденных перемещений людей:

— *Инструмент общих обязательств и ценностей в рамках человеческого измерения и процесс контроля за соблюдением.* Путем проведения строгих проверок соблюдения обязательств государствами — участниками СБСЕ может определить потенциальные районы напряженности на возможно более ранней стадии и предпринять важные политические шаги по отношению к любому соответствующему государству, оказавшемуся затронутым этими проблемами. Привлечение внимания правительств к результатам внимательного изучения ситуации международным сообществом может побудить их разрешить внутренние противоречия мирными средствами, включая региональные круглые столы, как это предусмотрено в заключительном документе Инаугурационной конференции по Пакту стабильности в Европе.

— *Институт СБСЕ, занимающийся вопросами строительства демократических институтов, а именно Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИЧ).* Проводимые БДИЧ семинары по человеческому измерению, выездные семинары, созданные банки данных со списками экспертов преследуют цель оказания помощи реформируемым государствам в создании системы, где уважаются права человека и законы.

— *Различные механизмы СБСЕ по расследованию, раннему предупреждению и предотвращению конфликтов,* включая Верховного Комиссара по национальным меньшинствам (ВКНМ), механизм человеческого измерения и различные специальные миссии в государства-участники, включая те из них, которые направляются Парламентской Ассамблеей СБСЕ. Эти механизмы могут быть использованы для определения и реагирования на нарушения обязательств по СБСЕ и другие угрозы безопасности задолго до того, как они приведут к ситуациям массового исхода населения. Вместе с тем Парламентская Ассамблея по-прежнему убеждена в том, что решающее значение имеет дополнение раннего предупреждения политическим обязательствам раннего вмешательства.

Парламентская Ассамблея СБСЕ,

30. **Будучи убежденной,** что в случае безрезультатности превентивных мер СБСЕ должно быть готово прореагировать на ситуацию массового исхода населения;

31. **Рекомендует** государствам — участникам СБСЕ предоставить временное убежище в соответствии с их национальным законодательством лицам, которые покинули свои жилища в результате вооруженных конфликтов или других серьезных беспорядков и нуждаются в защите до их прекращения;
32. **Рекомендует** СБСЕ разработать методы быстрого реагирования для разделения бремени, включая финансовую и техническую помощь тем приграничным странам, в которых размещается значительное число перемещенных лиц, и/или принять на себя обязательство разместить перемещенных лиц в своих собственных странах, а также оказать помощь в обеспечении конечной репатриации или, в случае необходимости, нового размещения перемещенных лиц.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРИБУНАЛ ПО ДЕЛАМ О ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Парламентская Ассамблея СБСЕ,

33. **Преисполненная решимости обеспечить**, чтобы виновные в нарушениях международного гуманитарного права в бывшей Югославии понесли личную ответственность за свои действия;
34. **Признавая**, что в соответствии с уставом, учреждающим Международный трибунал по делам о военных преступлениях в бывшей Югославии, который был принят 6 мая 1993 г. Советом Безопасности в соответствии с главой VII Устава ООН, его решения о выдаче лиц, которым предъявлены обвинения, являются обязательными для всех государств — членов ООН и подлежат немедленному исполнению;
35. **Сознавая**, что многим государствам — участникам СБСЕ потребуется принятие соответствующих законов для приведения национального законодательства в соответствие с международными обязательствами;
36. **Признает** Ассамблею как форум обмена информацией о принятии законов, необходимых для обеспечения гармонизации национального законодательства и международных обязательств;
37. **Настоятельно рекомендует** парламентариям государств—участников СБСЕ предпринимать усилия в целях быстрого принятия соответствующего национального законодательства и обеспечить, чтобы Международный трибунал по делам о военных преступлениях в бывшей Югославии был информирован о статусе этого законодательства, если это еще не было сделано;
38. **Поддерживает** учреждение Международного трибунала, в чью юрисдикцию будет входить выдвижение обвинений по случаям геноцида и других преступлений против человечества, включая убийства, истребление, порабощение, изгнание, заключение, пытки, изнасилования, преследования по политическим, расовым и религиозным убеждениям и другие негуманные акты, направленные против гражданского населения и серьезно нарушающие Женевскую конвенцию 1949 года и дополнительные Протоколы к ней, принятые в 1977 году;
39. **Признает** необходимость принятия Европейской хартии прав национальных меньшинств;

40. **Призывает** Совет Министров обеспечить тесное сотрудничество правительств государств — участников СБСЕ посредством принятия национальными законодательными органами соответствующего законодательства;
41. **Призывает** парламенты государств-участников информировать Международный секретариат о шагах, предпринятых в целях принятия соответствующего законодательства;
42. **Соглашается** рассмотреть на последующих заседаниях шаги, предпринятые государствами — участниками СБСЕ в целях приведения в соответствие национальных законодательных систем с их международными обязательствами;
43. **Призывает** глав государств и правительств на встрече в Будапеште в декабре этого года назначить специального докладчика по деятельности трибунала по военным преступлениям. Докладчик (докладчица) должен быть уполномочен следить за выполнением государствами — участниками СБСЕ решений трибунала и информировать об этом Комитет старших должностных лиц СБСЕ, Совет Министров и Совещание глав государств и правительств.

РАСИЗМ, КСЕНОФОБИЯ, АНТИСЕМИТИЗМ И АГРЕССИВНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Парламентская Ассамблея СБСЕ,

44. **Считая**, что устранение расизма и расовой дискриминации является основной целью для государств — участников СБСЕ, а также и для мирового сообщества;
45. **Выражая** озабоченность тем, что иностранцы, мигрирующие рабочие и другие уязвимые группы все в большей степени становятся мишенью для расового насилия и расовой дискриминации;
46. **Отмечая**, что расизм, ксенофобия, антисемитизм и агрессивный национализм создают этническую, политическую и социальную напряженность как внутри, так и между государствами и подрывают международную стабильность и усилия по укреплению уважения к правам человека и к основным свободам;
47. **Напоминая** Стокгольмские и Римские решения Совета Министров СБСЕ, на которых были приняты решения включать эти вопросы в повестку дня СБСЕ;
48. **Рекомендует** Совету продолжать шаги в этом направлении, обращая специальное внимание на все аспекты этих проблем, предусмотрев конкретный вклад Верховного Комиссара по национальным меньшинствам и Бюро по демократическим институтам и правам человека.

МИГРИРУЮЩИЕ РАБОЧИЕ

Парламентская Ассамблея СБСЕ,

49. **Напоминая** соответствующие параграфы Хельсинкской декларации Парламентской Ассамблеи, в которых среди прочего выражается серьезная озабоченность тем, «что климат нетерпимости и неприязни к

иностранцам продолжает сохраняться во многих странах СБСЕ, включая страны, обладающие значительным демократическим опытом, что периодически приводит к насилию и дискриминации по отношению к иммигрантам, беженцам, лицам, пытающимся получить политическое убежище, мигрирующим рабочим, представителям меньшинств, нетрудоспособным лицам и другим категориям населения, чувствующим себя отличными от других или чуждыми данной стране» (№ 23), а также подчеркивается, что «все страны-участницы должны принять меры для полной интеграции легальных мигрантов и «резидентов-иностранцев», проживающих на постоянной основе, включая предоставление им политических прав и гражданства» (№ 16);

50. **Учитывая**, что иностранцы, постоянно проживающие в стране, иностранные граждане, а также мигрирующие рабочие и члены их семей становятся объектами неприемлемой практики, приводящей к нарушению их прав;
51. **Признавая**, что проблемы интеграции в обществе и защиты этих групп могут быть более эффективно решены путем предоставления им права гражданства;
52. **Отмечая** также, что конвенции о правах мигрирующих рабочих не были подписаны и ратифицированы несколькими государствами, в которых находится существенное число мигрирующих рабочих;
53. **Приветствуя** семинар по мигрирующим рабочим, организованный СБСЕ;
54. **Рекомендует**, чтобы соответствующие органы СБСЕ, в частности Комитет старших должностных лиц в сотрудничестве с Бюро по демократическим институтам и правам человека, наблюдали за изменениями в этой сфере и информировали Парламентскую Ассамблею о достигнутых результатах;

Парламентская Ассамблея СБСЕ,

55. **Учитывая** обязательства Турции как члена различных международных организаций уважать основные демократические ценности, уважать права человека и фундаментальные свободы и действовать в соответствии с принципами правового государства;
56. **Признавая** право правительства Турции предпринимать меры против терроризма и защищать суверенитет, территориальную целостность и единство Турции;
57. **Считая**, что лишение иммунитета членов парламента Турции подрывает демократическое функционирование Турецкого государства;
58. **Приглашает** Председателя Парламентской Ассамблеи СБСЕ выступить с инициативой содействовать немедленному освобождению шести арестованных курдских парламентариев;
59. **Предлагает**, чтобы парламентская делегация СБСЕ, возглавляемая Председателем Парламентской Ассамблеи СБСЕ, посетила Турцию с миссией призвать власти Турции освободить арестованных парламентариев и восстановить иммунитет шести курдских парламентариев;

Парламентская Ассамблея СБСЕ,

60. **Осуждая** терроризм во всех его формах и призывая к международному

сотрудничеству в борьбе с терроризмом и поиску мирных решений проблем меньшинств во всех странах;

61. Будучи озабоченной эскалацией противостояния между силами безопасности Турции и террористами PKK, в результате которого погибли тысячи людей и более тысячи деревень были эвакуированы и разрушены из соображений безопасности;
62. Напоминая, что конституционный суд Турции запретил деятельность прокурдской демократической партии и лишил тринадцать законно избранных членов Великого Национального Собрания Турции их парламентского статуса из-за содержания их выступлений и/или письменных документов;
63. Отмечая, что обвинители настаивают на смертном приговоре в отношении всех тринадцати парламентариев, включая Ахмета Турка, Лейла Зана, Хатипа Дикле, Орхана Догана и Сирри Сакика, которые были взяты под стражу без предъявления обвинения с 3 марта 1994 года; Седата Юртаса и Селима Садака, которые были задержаны 1 июля, и депутатов Ремзи Карталя, Махмуда Килинка, Наифа Гунеза, Низаметина Тогука, Али Жигита и Зубеира Ядара, которые ищут убежища в Европе;
64. Помня, что Копенгагенский документ СБСЕ 1990 года вновь подтвердил приверженность стран-участниц принципам свободного волеизъявления, права на мирное собрание, создание ассоциации, право отдельных лиц и групп создавать свои собственные политические партии или другие политические организации с необходимыми правовыми гарантиями, дающими им возможность конкурировать друг с другом на основе равенства перед законом;
65. Осуждает все акты терроризма и выражает свою озабоченность по поводу гибели людей в результате террористических актов PKK;
66. Поддерживает усилия правительства Турции по борьбе с терроризмом;
67. Отмечает ухудшающуюся ситуацию в Турции в контексте приверженности СБСЕ принципам свободы слова, объединений, передвижения и праву создания политических партий, отвергающих насилие;
68. Призывает Турцию освободить всех заключенных, недавно задержанных только за выражение своих взглядов без пропаганды насилия;
69. Призывает Председателя Парламентской Ассамблеи СБСЕ назначить и координировать деятельность делегации в регион для оценки ситуации в области прав человека в юго-восточной Турции;
70. Призывает Председателя Парламентской Ассамблеи СБСЕ назначить делегацию по выяснению фактов для оценки ситуации в области прав человека в юго-восточной Турции и подготовить доклад, основывающийся на выявленных фактах, который должен быть представлен Постоянному комитету и Парламентской Ассамблее;
71. Призывает СБСЕ рассмотреть возможность направления миссии экспертов или наблюдателей в Турцию в рамках так называемого Московского механизма.

ТРЕТЕЙСКИЙ СУД ПРИ МНИМП

Принятые за последний период новые законодательные акты, в частности часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации, введенная в действие с 1 января 1995 г., и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, введенный в действие с 1 июля 1995 г., которые призваны правовыми методами способствовать радикальным реформам и преобразованиям и усилению влияния рыночных отношений в России, устанавливают наряду с различными правами и обязанностями участников гражданского оборота возможность судебной защиты прав в сфере предпринимательской деятельности непосредственно в третейских судах.

Будучи одной из организационных форм судебной системы в Российской Федерации, третейские суды, в отличие от судов общей юрисдикции и арбитражных судов, обладают рядом преимуществ, основные из которых — независимость от государственной системы юрисдикции; «согласительный» характер их компетенции, зависящий исключительно от воли спорящих сторон; быстрота рассмотрения дел и относительная дешевизна судебных расходов.

Вместе с тем законодательство о статусе третейских судов в настоящее время практически отсутствует, и если с принятием нового закона Российской Федерации «Об арбитражных судах в Российской Федерации» от 28 апреля 1995 г. создана нормативная база для совершенствования системы и порядка судопроизводства арбитражных судов, то регулирование деятельности третейских судов ограничено Временным положением о третейском суде для разрешения экономических споров, утвержденным Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 24 июня 1992 г. Документы о Третейском суде при Международном независимом институте международного права (далее МНИМП) соответствуют также международным стандартам в этой области, например Арбитражному регламенту ЮНСИТРАЛ, одобренному Генеральной Ассамблеей ООН 15 июня 1976 г.

Характерная особенность Третейского суда при МНИМП состоит в том, что в отличие от большинства существующих в России третейских судов он в соответствии с его функциями, содержащимися в Положении и Регламенте, а также специализацией, профессиональным опытом и квалификацией его судей может рассматривать споры как между российскими юридическими лицами и предпринимателями, в том числе споры банков с их клиентами (условно — «внутренние споры»), так и споры между российскими и иностранными юридическими лицами и предпринимателями (условно — «внеэкономические споры»), а также споры с участием предприятий с иностранными инвестициями, выполняя при этом в двух последних случаях функции международного коммерческого арбитража в соответствии с законом Российской Федерации «О международном коммерческом арбитраже» от 7 июля 1993 г.

Положение о Третейском суде при МНИМП предусматривает, что в отличие от третейских судов, создаваемых только для рассмотрения конкретного спора — суд *«ad hoc»*, — Третейский суд при МНИМП является постоянно действующим судом, и для рассмотрения спора по подведом-

ственным ему делам требуется в безусловном порядке письменное соглашение между спорящими сторонами о передаче спора на его рассмотрение, то есть так называемой «арбитражной оговорки» («клаузулы об арбитраже»), примерный текст которой в двух вариантах приводится в заключительном разделе публикуемых документов. Единственным требованием для «арбитражной оговорки» является письменная форма ее составления, и она может содержаться как в договоре спорящих сторон, так и заключена путем обмена документами между ними посредством любого вида связи, в том числе почтового, телеграфного, телетайпного, телефонного и электронного.

Вопрос о наличии или действительности «арбитражной оговорки» между спорящими сторонами рассматривается Третейским судом при МНИМП самостоятельно при решении вопроса относительно своей компетенции по конкретному делу.

В своей деятельности Третейский суд при МНИМП руководствуется основополагающими принципами судебного производства, зафиксированными в гражданском процессуальном законодательстве Российской Федерации, — законностью, обоснованностью, объективностью, состязательностью и равенством сторон. В частности, состязательность сторон предполагает, что стороны в споре должны сами своевременно и в полном объеме представлять суду доказательства и аргументы, обосновывающие их исковые требования или возражения по ним, не рассчитывая или не надеясь на содействие суда в сборе доказательств. Что касается принципа равенства сторон, то он означает, что правосудие осуществляется на началах равенства перед законом и судом, независимо от места нахождения организации, формы ее собственности и других обстоятельств.

Регламент Третейского суда при МНИМП устанавливает правила процедуры производства дел в суде при предъявлении иска, образовании состава суда, представлении и исследовании доказательств, вынесении решения и определяет права и обязанности лиц, участвующих в деле.

Формирование состава судей по каждому конкретному делу производится путем избрания сторонами спора судей по одному от каждой стороны, которые, в свою очередь, избирают председателя состава суда из списка судей, утвержденного Научным Советом МНИМП, сроком на четыре года. При этом список судей имеет сугубо рекомендательный характер и стороны вправе избрать в качестве судьи любое лицо, не включенное в этот список, но соответствующее таким требованиям, как наличие необходимых познаний в области разрешения экономических споров и стаж работы по юридической специальности не менее десяти лет. Как видно из прилагаемого к настоящему комментарию списка судей Третейского суда при МНИМП, в него входят высококвалифицированные специалисты в области теории и практики права, имеющие большой опыт рассмотрения споров в сфере бизнеса в российских и иностранных судах и арбитражах: научные сотрудники, преподаватели учебных заведений, практические работники и адвокаты, широко известные в России и за рубежом.

Судьи Третейского суда при МНИМП, не являясь представителями сторон, независимы и беспристрастны при исполнении своих обязанностей, и какое бы то ни было постороннее воздействие на них или вмеша-

тельство в их деятельность любых лиц недопустимо. Одновременно за каждой из сторон сохраняется право заявить об отводе судьи, если существуют обстоятельства, вызывающие обоснованные сомнения относительно его лояльности, или позволяющие предположить, что он лично, прямо или косвенно, заинтересован в деле.

Важной обязанностью Третейского суда при МНИМП является установление в процессе судебного разбирательства «применимого права», на основе которого должен быть урегулирован спор. Согласно Регламенту, при рассмотрении «внутренних споров» суд должен руководствоваться законодательством Российской Федерации, применять обычаи делового оборота, использовать аналогию закона и права, применять общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации; а при выполнении им функций международного коммерческого арбитража — теми нормами права, которые избрали стороны для рассмотрения данного спора, в том числе иностранного права, а при отсутствии выбора сторон применять по усмотрению суда право — в соответствии с коллизионными нормами.

Для подготовки к судебному заседанию сторонам предоставляется не менее 30 дней и о месте и времени его проведения они извещаются повестками. Невяка стороны или ее представителя, надлежащим образом извещенных о заседании, не препятствует рассмотрению дела и вынесению решения. В этом случае любое письменное сообщение считается полученным, если оно доставлено стороне по ее последнему известному месту нахождения заказным письмом с уведомлением о вручении либо иным образом, предусматривающим регистрацию попытки доставки соответствующего отправления.

Третейский суд при МНИМП после завершения судебного производства принимает решение по существу спора в письменной форме и основывает его на тех доказательствах и обстоятельствах, на которые стороны ссылаются как на основание своих требований и возражений или которые были исследованы судом. Решение принимается составом суда на закрытом совещании большинством голосов судей; если же решение не может быть принято большинством голосов, оно принимается председателем состава суда.

Как показывает практика, наиболее сложным вопросом остается проблема исполнения решений Третейского суда. В соответствии с Регламентом решения Третейского суда при МНИМП должны исполняться добровольно в порядке и сроки, установленные в решении. Если в решении срок не указан, то оно подлежит немедленному исполнению. Однако в большинстве случаев стороны вынуждены прибегнуть к принудительному исполнению решения. Для этого Регламент предусматривает, что не исполненные добровольно в указанный в решении срок решения суда приводятся в исполнение в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами.

Следует иметь в виду, что с принятием нового Арбитражного процессуального кодекса изменен порядок исполнения судебных актов только в отношении арбитражных судов. В отличие от Арбитражного процессуального кодекса в редакции 1992 г., согласно которому для исполнения реше-

ний арбитражных судов как в добровольном, так и принудительном порядке требовался приказ арбитражного суда, действовавший в качестве исполнительного документа, в настоящее время арбитражный суд будет выдавать исполнительный документ только для принудительного исполнения арбитражных решений, который по аналогии с исполнительным документом, выдаваемым судами общей юрисдикции, назван исполнительным листом. Учитывая, что с принятием нового Арбитражного процессуального кодекса не было отменено Временное положение о Третейском суде для разрешения экономических споров и пока не приняты законы о третейских судах и об исполнительном судебном (арбитражном, третейском) производстве, для принудительного исполнения решений Третейского суда при МНИМП потребуется во всех случаях, на основании статьи 25 указанного Временного положения, получение в Московском городском арбитражном суде приказа на принудительное исполнение решения.

Положение о третейских сборах и расходах и об издержках сторон является приложением к Регламенту и содержит понятия терминов «третейский сбор», «расходы Третейского суда» и «издержки сторон», а также устанавливает две шкалы в рублях и долларах США для исчисления суммы сбора в зависимости от цены и валюты иска. Если требование не может быть выражено в денежной форме, то, согласно этому Положению, размер третейского сбора устанавливается Третейским судом при МНИМП исходя из характера спора.

Р.А. ПЕТРОСЯН

*Председатель Третейского суда
при Московском независимом институте
международного права,
является главным разработчиком
комментируемых им документов*

Утверждено Научным Советом
Московского независимого
института международного права
(протокол № 1 от 07.02.1995 г.)

ПОЛОЖЕНИЕ О ТРЕТЕЙСКОМ СУДЕ ПРИ МОСКОВСКОМ НЕЗАВИСИМОМ ИНСТИТУТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

1. Третейский суд при Московском независимом институте международного права (далее — Третейский суд) является самостоятельным, постоянно действующим Третейским судом и осуществляет свою деятельность в соответствии с законодательством Российской Федерации, а в случае выполнения Третейским судом функций международного коммерческого арбитража — также законом Российской Федерации «О международном коммерческом арбитраже» от 7 июля 1993 года.

Научный Совет Московского независимого института международного права утверждает Регламент Третейского суда, Положение о третейских сборах и расходах и об издержках сторон, оказывает иное содействие деятельности Третейского суда.

2. В Третейский суд могут по соглашению сторон передаваться:

— споры из регулируемых гражданским законодательством отношений, возникающие между юридическими лицами (коммерческими и некоммерческими организациями), другими участниками гражданского оборота, в том числе — отношений из банковских операций и сделок, совершаемых банками и иными кредитными учреждениями;

— споры из договорных и иных гражданских правоотношений, возникающие при осуществлении внешнеэкономических сделок, если место нахождения или регистрации хотя бы одной из сторон спора находится за границей;

— споры предприятий с иностранными инвестициями и международных организаций, созданных на территории Российской Федерации, между собой; споры между их учредителями (участниками), связанные с участием в этих предприятиях и организациях; споры предприятий с иностранными инвестициями и международных организаций, созданных на территории Российской Федерации, с другими участниками гражданского оборота Российской Федерации.

3. Третейский суд является некоммерческой организацией, не преследующей целей извлечения прибыли из своей деятельности.

Место нахождения Третейского суда — Российская Федерация, город Москва. Юридический адрес Третейского суда — Российская Федерация, 117454, Москва, просп. Вернадского, 76.

4. Третейский суд принимает к рассмотрению споры, указанные в пункте 2 настоящего Положения, при наличии письменного соглашения между сторонами спора о передаче уже возникшего или могущего возникнуть спора на рассмотрение Третейскому суду. Соглашение считается заключенным в письменной форме, если оно содержится в одном документе, подписанном сторонами спора, или заключено путем обмена документами посредством почтовой, телеграфной, телетайпной, телефонной, электронной или иной связи, позволяющей достоверно установить, что документ исходит от стороны соглашения (спора). Такое соглашение может быть заключено в виде оговорки в договоре или в виде отдельного соглашения, а также может быть выражено со стороны истца предъявлением иска, а со стороны ответчика — совершением действий, свидетельствующих о его добровольном подчинении юрисдикции Третейского суда, в частности путем сообщения в ответ на запрос Третейского суда о согласии подчиниться его юрисдикции.

5. Третейский суд самостоятельно решает вопрос наличия или действительности соглашения о передаче спора Третейскому суду путем вынесения определения или решения о своей компетенции, в том числе по любым возражениям относительно наличия или действительности оговорки в договоре или отдельного соглашения, предусмотренных в пункте 4 настоящего Положения.

6. Основными принципами деятельности Третейского суда являются законность, обоснованность, объективность, состязательность и равенство сторон.

7. При отсутствии иного соглашения сторон Третейский суд образуется в составе трех третейских судей. При этом каждая сторона спора избирает одного судью, а двое избранных таким образом судей назначают третьего судью.

По соглашению сторон в Третейском суде спор может быть рассмотрен единоличным третейским судьей.

Образование состава Третейского суда, а также избрание сторонами единоличного третейского судьи или назначение его осуществляются в соответствии с Регламентом Третейского суда.

Третейские судьи независимы и беспристрастны при исполнении своих обязанностей. Они не являются представителями сторон.

8. Третейским судьей может быть лицо, обладающее необходимыми познаниями в области разрешения споров, отнесенных к компетенции Третейского суда, и стажем работы по юридической специальности не менее 10 лет. Список третейских судей и все изменения в нем утверждаются Научным Советом Московского независимого института международного права.

9. Решения Третейского суда исполняются сторонами добровольно, в порядке и сроки, установленные в решении. Если в решении срок исполнения не установлен, оно подлежит немедленному исполнению. Не исполненные в срок решения Третейского суда приводятся в исполнение в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами.

10. Финансовые средства Третейского суда образуются за счет третейских сборов, взимаемых со сторон, обратившихся в Третейский суд. Указанные средства используются для покрытия общих расходов Третейского суда, связанных с деятельностью Третейского суда, в частности гонораров арбитров и расходов по организации третейского разбирательства.

11. Размер третейского сбора, порядок его уплаты и распределения, а также порядок покрытия других расходов по третейскому разбирательству определяются Положением о третейских сборах и расходах и об издержках сторон.

12. Третейский суд прекращает свою деятельность после принятия предложения об этом на собрании третейских судей по решению Научного Совета Московского независимого института международного права.

Утвержден Научным Советом
Московского независимого
института международного права
(протокол № 1 от 07.02.1995 г.)

РЕГЛАМЕНТ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА ПРИ МОСКОВСКОМ НЕЗАВИСИМОМ ИНСТИТУТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Раздел 1. Общие положения

§ 1. Компетенция Третейского суда

1.1. Третейский суд при Московском независимом институте международного права (далее — Третейский суд) является самостоятельным,

постоянно действующим третейским судом и осуществляет свою деятельность в соответствии с законодательством Российской Федерации, а в случае выполнения Третейским судом функций международного коммерческого арбитража — также законом Российской Федерации «О международном коммерческом арбитраже» от 7 июля 1993 года.

1.2. В Третейский суд могут по соглашению сторон передаваться:

— споры из регулируемых гражданским законодательством отношений, возникающие между юридическими лицами (коммерческими и некоммерческими организациями), другими участниками гражданского оборота, в том числе — отношений из банковских операций и сделок, совершаемых банками и иными кредитными учреждениями;

— споры из договорных и иных гражданских правоотношений, возникающие при осуществлении внешнеэкономических сделок, если место нахождения или регистрации хотя бы одной из сторон спора находится за границей;

— споры предприятий с иностранными инвестициями и международных организаций, созданных на территории Российской Федерации, между собой; споры между их учредителями (участниками), связанные с участием в этих предприятиях и организациях; споры предприятий с иностранными инвестициями и международных организаций, созданных на территории Российской Федерации, с другими участниками гражданского оборота Российской Федерации.

§ 2. Место нахождения Третейского суда и место проведения его заседаний

2.1. Местом нахождения Третейского суда и местом проведения его заседаний является Российская Федерация, город Москва. Юридический адрес Третейского суда — Российская Федерация, 117454, Москва, просп. Вернадского, 76.

2.2. Заседание Третейского суда по предложению и при согласии сторон может быть проведено в другом месте на территории Российской Федерации. В этом случае все дополнительные расходы, возникшие в связи с проведением заседания вне города Москвы, возлагаются на стороны. Третейский суд может потребовать от спорящих сторон предварительного предоставления соответствующей гарантии возмещения этих расходов.

Раздел 2. Организация и деятельность Третейского суда

§ 3. Третейские судьи

3.1. Третейские судьи утверждаются Научным Советом Московского независимого института международного права (далее — Научный Совет Института) сроком на 4 года.

3.2. В Третейском суде ведется список третейских судей. В списке третейских судей указываются имя и фамилия третейского судьи, его должность и место работы, ученая степень и звание.

3.3. Список арбитров имеет рекомендательный характер для сторон. Стороны вправе избрать в качестве третейского судьи любое лицо, не включенное в список арбитров, при условии, что избранный таким обра-

зом третейский судья соответствует требованиям пункта 8 Положения о Третейском суде и даст обязательство выполнять правила настоящего Регламента.

3.4. Лицо, принимающее на себя функции третейского судьи, должно сообщить в Третейский суд о любых обстоятельствах, которые могут вызвать обоснованные сомнения относительно его беспристрастности или независимости в связи со спором, в разрешении которого предполагается его участие. Третейский судья должен незамедлительно поставить в известность Третейский суд о любом таком обстоятельстве, если оно становится ему известным впоследствии в течение арбитражного разбирательства.

3.5. Полномочия третейского судьи могут быть прекращены:

- по просьбе третейского судьи;
- при невозможности для третейского судьи выполнять свои обязанности;
- в случае разглашения информации о спорах, рассматриваемых Третейским судом, в том числе коммерческой и банковской тайны.

3.6. Полномочия третейского судьи прекращаются решением Научного Совета Института.

§ 4. Председатель и заместитель Председателя Третейского суда

4.1. Председатель Третейского суда и его заместитель избираются третейскими судьями, входящими в список третейских судей, сроком на 4 года.

4.2. Председатель Третейского суда представляет Третейский суд в его отношениях внутри страны и за границей.

4.3. Председатель Третейского суда организует деятельность Третейского суда и выполняет иные процессуальные действия, предусмотренные настоящим Регламентом.

4.4. Функции заместителя Председателя Третейского суда определяются Председателем Суда. В отсутствие Председателя Третейского суда его функции выполняются заместителем Председателя Третейского суда.

§ 5. Президиум Третейского суда

5.1. В состав Президиума Третейского суда входят: Председатель Третейского суда, заместитель Председателя Третейского суда, два других члена Президиума — третейские судьи, входящие в список третейских судей Третейского суда, а также лицо, назначаемое Научным Советом Института. Председателем Президиума является Председатель Третейского суда.

5.2. Президиум Третейского суда решает вопросы, отнесенные к его компетенции настоящим Регламентом, анализирует арбитражную практику, рассматривает вопросы распространения информации о деятельности Третейского суда, международных связей Третейского суда и другие вопросы деятельности Третейского суда.

5.3. Решения Президиума Третейского суда принимаются простым большинством голосов при условии участия в голосовании более половины членов Президиума. Решения Президиума оформляются протоколом. Функции секретаря Президиума выполняет секретарь Третейского суда.

§ 6. Секретарь Третейского суда

6.1. Секретарь Третейского суда назначается Научным Советом Института по предложению Председателя Третейского суда.

6.2. Секретарь Третейского суда организует делопроизводство Третейского суда и выполняет другие функции, предусмотренные настоящим Регламентом.

§ 7. Равенство сторон

7.1. Разрешение споров в Третейском суде осуществляется на началах равенства сторон.

7.2. Каждой стороне предоставляются все возможности для изложения своей позиции и защиты своих прав.

§ 8. Язык разбирательства дела

8.1. Производство в Третейском суде ведется на русском языке.

8.2. С согласия сторон Третейский суд может провести разбирательство и на другом языке. Если сторона не владеет языком, на котором происходит разбирательство, Суд по просьбе стороны и за ее счет обеспечивает эту сторону услугами переводчика.

§ 9. Сроки производства по делу

Третейский суд принимает меры к тому, чтобы производство по делу было завершено в срок не более 3 месяцев со дня образования состава Третейского суда или избрания (назначения) единоличного арбитра. В исключительных случаях этот срок может быть продлен Председателем Третейского суда.

§ 10. Уведомления, направление и вручение документов

10.1. Секретарь Третейского суда обеспечивает направление сторонам всех документов по делу и ознакомление третейских судей со всеми документами по делу. Они направляются по адресам, указанным сторонами. Исковые заявления, объяснения (отзывы) по искам, повестки, решения и определения Третейского суда направляются заказным письмом с уведомлением о вручении либо иным образом, предусматривающим регистрацию попытки доставки соответствующего отправления. Прочие документы могут направляться заказным или обычным письмом, а извещения и уведомления могут передаваться также по телеграфу, телефаксу и телетайпу. Любые из указанных выше документов могут быть равным образом вручены стороне под расписку.

10.2. Любое письменное сообщение считается полученным, если оно доставлено стороне лично или по ее месту нахождения (или регистрации). Когда таковые не могут быть установлены путем разумного наведения справок, письменное сообщение считается полученным, если оно направлено по последнему известному местонахождению (или регистрации) или почтовому адресу стороны заказным письмом или любым иным образом, предусматривающим регистрацию попытки доставки этого сообщения.

10.3. Направляемые Третейским судом документы (заказная корреспонденция) считаются врученными и в случае, если адресат отказался от

их принятия или ссылается на неполучение документов, несмотря на извещения органов связи об их вручении.

§ 11. Применимое право

11.1. Третейский суд при разрешении споров руководствуется законодательством Российской Федерации, применяет обычаи делового оборота, использует аналогию закона и аналогию права, применяет общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации.

11.2. В случае выполнения Третейским судом функций международного коммерческого арбитража Третейский суд разрешает споры в соответствии с такими нормами права, которые стороны избрали в качестве применимых к существу спора, а при отсутствии какого-либо указания сторон Третейский суд применяет право, определенное в соответствии с коллизионными нормами, которые он считает применимыми.

Во всех случаях Третейский суд принимает решение в соответствии с условиями договора и с учетом торговых обычаев, применимых к данной сделке.

§ 12. Примирительное производство

12.1. Примирительное производство может быть проведено по просьбе стороны, если спор относится к компетенции Третейского суда. Примирительное производство может проводиться только с согласия другой стороны или сторон. Проведение примирительного производства в отношении действительности третейской оговорки не допускается.

12.2. Сторона, заинтересованная в проведении примирительного производства, направляет свое ходатайство об этом Третейскому суду. Третейский суд направляет другой стороне или сторонам уведомление с просьбой сообщить свое мнение о возможности проведения примирительного производства в течение 30 дней. Если сторона отказывается от примирительного производства либо не сообщает о своем согласии в течение указанного срока, примирительное производство не возбуждается.

12.3. Если стороны соглашаются провести примирительное производство, Председатель Третейского суда предлагает сторонам избрать одного из третейских судей для выполнения функции примирителя. Стороны вносят предложение по мирному урегулированию спора, а примиритель оказывает им содействие в достижении мирового соглашения (примирения сторон), руководствуясь при этом правилами (процедурой) примирительного производства, являющимися Приложением № 2 к настоящему Регламенту.

Раздел 3. Порядок производства дел в Третейском суде

§ 13. Предъявление иска

13.1. Третейское производство начинается подачей искового заявления в Третейский суд.

13.2. Датой подачи искового заявления считается день его вручения Третейскому суду, а при отправке искового заявления по почте — дата штампа органов связи места отправления.

13.3. Время нахождения исковых материалов в пути при почтовом отправлении не включается в срок производства по делу.

§ 14. Форма и содержание искового заявления

14.1. Исковое заявление подается в Третейский суд в письменной форме и должно содержать:

- наименование Третейского суда;
- наименование сторон и их почтовые адреса;
- обоснование компетенции Третейского суда;
- требование истца;
- цену иска, если иск подлежит оценке;
- изложение фактических и правовых обстоятельств, на которых основывается исковое требование, и доказательства, подтверждающие их;
- обоснованный расчет взыскиваемой или оспариваемой суммы;
- фамилия третейского судьи, избранного истцом, или просьба о том, чтобы судья был назначен Председателем Третейского суда; истец может избрать запасного судью;

— перечень прилагаемых к исковому заявлению документов.

14.2. К исковому заявлению прилагаются документы, подтверждающие доказательство уплаты третейского сбора.

14.3. Исковое заявление представляется в Третейский суд с копиями по числу ответчиков. Иные документы, касающиеся возбуждения и осуществления третейского разбирательства, должны быть представлены сторонами в таком количестве экземпляров, чтобы каждая из них имела по одному экземпляру, а Третейский суд — не менее одного экземпляра.

§ 15. Устранение недостатков искового заявления

15.1. Установив, что исковое заявление подано с нарушением требований, предусмотренных № 14 настоящего Регламента, секретарь Третейского суда предлагает истцу устранить обнаруженные недостатки и устанавливает ему срок для устранения недостатков. До устранения указанных недостатков дело остается без движения.

15.2. В тех случаях, когда истец, несмотря на предложение об устранении недостатков искового заявления, настаивает на рассмотрении дела, Третейский суд может принять решение или определение о прекращении производства по делу.

§ 16. Цена иска

16.1. Цена иска определяется:

- а) в исках о взыскании денег — взыскиваемой суммой;
- б) в исках об истребовании имущества — стоимостью оспариваемого имущества;
- в) в исках о признании или преобразовании правоотношения — стоимостью предмета правоотношения в момент предъявления иска;
- г) в исках об определенном действии или бездействии — на основе имеющихся данных об имущественных интересах истца.

16.2. Истец обязан указать в исковом заявлении цену иска также в тех случаях, когда его исковое требование или часть требования имеет не-денежный характер.

16.3. В исках, состоящих из нескольких требований, сумма каждого требования должна быть определена отдельно. В этом случае цена иска определяется общей суммой всех требований.

16.4. Если истец не определил или неправильно определил цену иска, Третейский суд по собственной инициативе или по требованию ответчика определяет цену иска на основе имеющихся данных.

§ 17. Расходы по третейскому разбирательству

Размер третейского сбора, порядок его уплаты и распределения, а также порядок покрытия других расходов по третейскому разбирательству определяются Положением о третейских сборах и расходах и об издержках сторон, являющимся неотъемлемой частью настоящего Регламента (Приложение № 1 к настоящему Регламенту).

§ 18. Изменение исковых требований или отзыва

В ходе третейского разбирательства любая сторона может изменить или дополнить свои исковые требования или отзыв, если только Третейский суд не признает нецелесообразным разрешить такое изменение с учетом допущенной задержки или ущерба для интересов другой стороны или любых иных обстоятельств. Однако исковое требование не может быть изменено таким образом, чтобы в результате изменения оно оказалось выходящим за пределы третейской оговорки или третейского соглашения.

§ 19. Уведомление ответчика и избрание им третейского судьи

19.1. По получении искового заявления секретарь Третейского суда уведомляет об этом ответчика и направляет ему копии искового заявления и приложенных к нему документов, а также список третейских судей Третейского суда.

19.2. Одновременно секретарь предлагает ответчику в срок не более 30 дней с даты получения искового заявления представить по нему свои письменные объяснения, подкрепленные соответствующими доказательствами. По просьбе ответчика указанный срок может быть продлен.

19.3. В этот же срок ответчик должен сообщить фамилию избранного им третейского судьи или заявить просьбу о том, чтобы третейский судья был назначен Председателем Третейского суда. Ответчик может избрать запасного судью.

19.4. Если ответчик не изберет третейского судью в указанный срок, третейского судью за него назначает Председатель Третейского суда.

§ 20. Формирование состава Третейского суда

20.1. Если стороны не договорились об ином, дело рассматривается в составе трех арбитров. При этом третейские судьи, избранные сторонами или назначенные Председателем Третейского суда, избирают председателя состава арбитража из списка третейских судей.

20.2. Если третейские судьи не выберут председателя состава Третейского суда в течение 15 дней со дня избрания или назначения второго третейского судьи, председателя состава Третейского суда назначает Председатель Третейского суда из списка третейских судей Третейского суда.

20.3. При наличии более одного истца или ответчика как истцы, так и ответчики избирают по одному третейскому судье. При недостижении соглашения между истцами или ответчиками третейский судья назначается Председателем Третейского суда.

§ 21. Избрание или назначение единоличного судьи

По соглашению сторон дело может рассматриваться единоличным судьей, который избирается из числа третейских судей Третейского суда по взаимной договоренности сторон или, если не будет достигнута договоренность между ними, назначается Председателем Третейского суда из числа третейских судей Третейского суда.

§ 22. Подготовка к судебному разбирательству

22.1. Председатель состава Третейского суда может давать секретарю Третейского суда отдельные поручения в связи с подготовкой дела к судебному разбирательству.

В порядке подготовки дела могут быть истребованы от сторон письменные объяснения, доказательства и другие дополнительные документы. Председатель состава Третейского суда может до начала рассмотрения дела назначить экспертизу.

22.2. Копии всех документов, других доказательств, представленных одной стороной Третейскому суду, должны быть переданы другой стороне. Третейский суд должен передать сторонам заключения экспертов и другие документы (их копии), истребованные Третейским судом при подготовке дела или в процессе рассмотрения спора.

22.3. Председатель состава Третейского суда устанавливает время и место проведения заседания и поручает секретарю Третейского суда вызов сторон на заседание.

§ 23. Извещение сторон

О месте и времени проведения заседания по делу стороны извещаются повестками с таким расчетом, чтобы они располагали сроком не менее 30 дней для подготовки к разбирательству. По соглашению сторон этот срок может быть сокращен.

§ 24. Отвод третейского судьи, эксперта и переводчика

24.1. Каждая из сторон вправе заявить об отводе третейского судьи, председателя состава Третейского суда или единоличного третейского судьи, если существуют обстоятельства, вызывающие обоснованные сомнения относительно их беспристрастности или независимости, в частности, если можно предположить, что они лично прямо или косвенно заинтересованы в исходе дела. Третейский судья, председатель состава Третейского суда или единоличный третейский судья могут заявить о самоотводе по указанным обстоятельствам.

24.2. Письменное заявление об отводе, содержащее его мотивы, должно быть сделано до начала разбирательства. Заявление, сделанное позднее, рассматривается только в том случае, если состав Третейского суда признает причину задержки заявления уважительной.

24.3. Вопрос об отводе решается другими третейскими судьями состава Третейского суда. Если отвод заявлен двум третейским судьям или единоличному третейскому судье, вопрос об отводе решается Председателем Третейского суда.

24.4. По основаниям, предусмотренным пунктом 24.1. настоящего Регламента, отвод может быть заявлен эксперту и переводчику. Вопрос об отводе эксперта и переводчика решается составом Третейского суда.

§ 25. Изменения в составе Суда

25.1. Если председатель состава Третейского суда, единоличный третейский судья или третейский судья были отведены или не могут участвовать в разбирательстве дела по иным причинам, их заменяет соответственно запасной председатель состава Третейского суда, запасной единоличный третейский судья или запасной третейский судья. В тех случаях, когда такая замена не может произойти, новый председатель состава Третейского суда, единоличный третейский судья или третейский судья избираются или назначаются в соответствии с настоящим Регламентом. Если председатель состава Третейского суда, единоличный третейский судья или третейский судья назначались Председателем Третейского суда, им же осуществляются новые назначения.

25.2. В случае необходимости, с учетом мнения сторон, состав Третейского суда может заново рассмотреть вопросы, которые уже рассматривались на предыдущих заседаниях, состоявшихся до проведения замены.

§ 26. Судебное заседание

Дело рассматривается в закрытом заседании. С разрешения состава Третейского суда и при согласии сторон на заседании могут присутствовать лица, не участвующие в деле.

§ 27. Участие сторон

27.1. Стороны могут вести свои дела в Третейском суде непосредственно или через своих представителей. Представители, в том числе и иностранные граждане, должны иметь надлежащим образом оформленную доверенность на ведение дела.

27.2. Сторона может просить о рассмотрении дела в ее отсутствие.

§ 28. Последствия неявки сторон или непредставления документов

28.1. Неявка стороны или ее представителя, надлежащим образом извещенных о месте и времени проведения заседания, не препятствует рассмотрению дела и вынесению решения, если неявившаяся сторона до окончания разбирательства дела не просила в письменной форме отложить его по уважительной причине.

28.2. Непредставление ответчиком отзыва на исковое заявление не является препятствием к рассмотрению спора, однако не может рассматриваться как признание требований истца.

§ 29. Разбирательство дела на основе письменных материалов

По соглашению сторон дело может быть разрешено составом Третейского суда на основе только письменных материалов, без проведения ус-

тного разбирательства. Состав Третейского суда может назначить устное разбирательство дела, если представленные материалы окажутся недостаточными для разрешения спора.

§ 30. Мировое соглашение

На любой стадии производства по делу состав Третейского суда использует имеющиеся у него возможности для заключения сторонами мирового соглашения.

§ 31. Встречный иск

31.1. До вынесения Третейским судом решения по первоначальному иску ответчик вправе предъявить встречный иск для совместного рассмотрения с первоначальным иском. Встречный иск должен быть связан с первоначальным иском.

31.2. К встречному иску предъявляются те же требования, что и к первоначальному иску.

31.3. При предъявлении встречного иска стороне, которой предъявлен встречный иск, по ее требованию должно быть предоставлено время для подготовки к рассмотрению встречного иска.

§ 32. Обязанность доказывания и представления доказательств

32.1. Каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые ссылается как на основание своих требований и возражений.

32.2. Оценка доказательств осуществляется судьями на основе их внутреннего убеждения.

32.3. Обстоятельства, имеющие значение для дела, устанавливаются следующими средствами: объяснениями сторон, третьих лиц, письменными и вещественными доказательствами, заключениями экспертов, показаниями свидетелей. Состав Третейского суда может по собственной инициативе требовать от сторон представления иных необходимых доказательств, испрашивать представление доказательств третьими лицами.

§ 33. Письменные доказательства

33.1. Стороны представляют письменные доказательства в подлиннике или в виде надлежащим образом заверенной копии. Состав Третейского суда в случае необходимости может потребовать от стороны представления подлинника документа.

33.2. Непредставление стороной надлежащих доказательств не препятствует Третейскому суду продолжить разбирательство и вынести решение на основе имеющихся у него доказательств.

§ 34. Проверка доказательств

Проверка доказательств производится способом, устанавливаемым составом Третейского суда. Проведение проверочных действий может быть поручено составом Третейского суда одному из третейских судей.

§ 35. Участие третьих лиц

Вступление в третейское разбирательство третьего лица допускается только с согласия спорящих сторон. Для привлечения к разбирательству

третьего лица, помимо согласия сторон, требуется также и согласие привлекаемого лица. Заявление ходатайства о привлечении третьего лица допускается только до истечения срока представления ответа на исковое заявление. Согласие о привлечении третьего лица должно быть выражено в письменной форме.

§ 36. Отложение разбирательства дела и приостановление производства

В случае необходимости, по заявлению сторон или по инициативе состава Третейского суда, рассмотрение дела может быть отложено либо приостановлено. Об отложении слушания дела или приостановлении производства выносятся определение.

§ 37. Протокол заседания

37.1. О разбирательстве дела в заседании составляется протокол. Протокол заседания ведет секретарь Третейского суда. Протокол должен содержать:

- наименование Третейского суда;
- номер дела;
- место и дату заседания;
- наименование спорящих сторон и их представителей;
- сведения об участии сторон;
- имена и фамилии третейских судей, секретаря, свидетелей, экспертов, переводчиков и других участников заседания;
- краткое описание хода заседания;
- требования сторон и изложение иных заявлений сторон;
- указание оснований отложения заседания или завершения производства;
- подписи третейских судей.

37.2. Стороны вправе ознакомиться с содержанием протокола. По просьбе стороны определением состава Третейского суда в протокол могут быть внесены изменения и дополнения, если просьба будет признана обоснованной.

37.3. Сторона может получить по ее просьбе копию протокола.

§ 38. Завершение производства по делу

Производство по делу завершается вынесением решения либо определения. Решение выносится в случаях, когда спор разрешается по существу, в том числе когда оно выносится на основании просьбы сторон о вынесении решения в соответствии с достигнутым ими мировым соглашением.

§ 39. Принятие решения

39.1. После того как состав Третейского суда сочтет, что все обстоятельства, связанные со спором, достаточно выяснены, он объявляет устное разбирательство дела законченным и приступает к вынесению решения.

39.2. Решение принимается составом Третейского суда на закрытом совещании большинством голосов третейских судей, входящих в состав Третейского суда. Если решение не может быть принято большинством голосов, оно принимается председателем состава Третейского суда. Тре-

тейский судья, не согласный с решением большинства, может изложить в письменном виде свое особое мнение, которое приобщается к делу.

§ 40. Отложение вынесения решения

Состав Третейского суда может отложить вынесение решения и вызвать стороны на дополнительное разбирательство, если это требуется в интересах правильного разрешения спора и резолютивная часть еще не была сообщена сторонам.

§ 41. Содержание решения

41.1. Решение принимается в письменной форме и подписывается всем составом Третейского суда.

41.2. В решении Третейского суда должны быть указаны, в частности:

- наименование Третейского суда;
- номер дела;
- имена и фамилии третейских судей, участвующих в деле;
- дата принятия решения и место рассмотрения спора;
- наименование сторон, их представителей и других лиц, участвующих в третейском разбирательстве;
- предмет спора и изложение обстоятельств дела;
- обстоятельства, установленные судом, доказательства, на основании которых принято решение, законодательство, которым суд руководствовался при вынесении решения, и другие мотивы, на которых основано решение;
- решение об удовлетворении или отклонении исковых требований, а также суммы расходов и сборов по делу, их распределении между сторонами;
- срок исполнения принятого решения;
- подписи третейских судей.

§ 42. Объявление решения

42.1. Непосредственно после окончания устного разбирательства выносится резолютивная часть решения, которая объявляется сторонам устно или, в случае их отсутствия, сообщается им письменно.

42.2. В течение устанавливаемого составом Третейского суда срока, который не должен превышать 15 дней, сторонам должно быть в письменном виде направлено мотивированное решение.

42.3. Председатель Третейского суда может, в случае необходимости, продлить срок, указанный в пункте 42.2. настоящего Регламента.

§ 43. Исправление и дополнение решения, толкование решения

43.1. В течение 15 дней после получения решения любая из сторон, уведомив об этом другую сторону, может просить состав суда (или состав суда вправе по собственной инициативе) исправить допущенную в решении арифметическую ошибку, опечатку либо иную ошибку аналогичного характера.

43.2. В течение того же срока любая из сторон, уведомив об этом другую сторону, может просить состав Третейского суда дать толкование решения либо его части.

43.3. Состав Третейского суда в течение 15 дней после получения просьбы стороны вправе внести соответствующие исправления или дать разъяснения, не изменяя при этом существа решения.

43.4. Любая из сторон, уведомив другую сторону, может в течение 15 дней по получении решения просить состав Третейского суда вынести дополнительное решение в отношении требований, которые были заявлены в ходе третейского разбирательства, но не нашли отражения в решении. Дополнительное решение, если состав Третейского суда сочтет просьбу оправданной, выносится в течение 15 дней на основе нового разбирательства дела с вызовом сторон.

43.5. Дополнительное решение или определение об исправлении решения является составной частью дополненного или исправленного решения. Стороны не обязаны возмещать расходы, связанные с исправлением или дополнением решения.

§ 44. Прекращение производства по делу без вынесения решения

44.1. Если по делу не принимается решение, производство по делу прекращается вынесением определения о прекращении разбирательства.

44.2. Определение о прекращении производства по делу выносится в случаях:

- отсутствия компетенции Третейского суда;
- отказа истца от своего искового требования;
- заключения сторонами мирового соглашения;
- достижения сторонами соглашения о прекращении разбирательства;
- при отсутствии предпосылок, необходимых для рассмотрения и разрешения дела по существу, в том числе когда из-за бездействия истца дело остается без движения более 3 месяцев.

44.3. До формирования состава Третейского суда определение о прекращении производства по делу выносится Председателем Третейского суда.

Раздел 4. Исполнение решения

§ 45. Порядок исполнения решения

Решение Третейского суда исполняется сторонами добровольно, в порядке и в сроки, установленные в решении. Если в решении срок исполнения не установлен, оно подлежит немедленному исполнению.

§ 46. Принудительное исполнение

Решения Третейского суда, не исполненные добровольно в указанный в решении срок, приводятся в исполнение в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами.

Раздел 5. Введение в действие Регламента и внесение в него изменений и дополнений

§ 47. Порядок вступления в силу

Настоящий Регламент вступает в силу с момента утверждения его Начальным Советом Института.

§ 48. Внесение изменений и дополнений

Изменения и дополнения в настоящий Регламент после их принятия на собрании третейских судей утверждаются Научным Советом Института.

Приложение № 1
к Регламенту Третейского суда
при Московском независимом институте
международного права

ПОЛОЖЕНИЕ О ТРЕТЕЙСКИХ СБОРАХ И РАСХОДАХ И ОБ ИЗДЕРЖКАХ СТОРОН

№ 1. Общие положения

1.1. Положение о третейских сборах и расходах и об издержках сторон является неотъемлемой частью Регламента Третейского суда (Приложение № 1 к Регламенту Третейского суда).

1.2. Порядок вступления в силу и внесения изменений и дополнений в настоящее Положение определяется § 47 и 48 Регламента Третейского суда.

№ 2. Определение терминов

2.1. «Третейский сбор» — это сбор, взимаемый для покрытия общих расходов, связанных с каждым принятым к рассмотрению Третейским судом делом (гонорары третейских судей, расходы по организации третейского разбирательства и развитию Третейского суда).

2.2. «Расходы Третейского суда» — это специальные издержки Третейского суда, которые он несет в связи с разбирательством дела (издержки на проведение экспертизы, суммы, подлежащие выплате экспертам и переводчикам, и др.).

2.3. «Издержки сторон» — это расходы, которые несут стороны в связи с защитой своих интересов через представителей перед Третейским судом (командировочные расходы, гонорары адвокатов и др.).

№ 3. Третейский сбор

3.1. Третейский суд взимает третейский сбор, исчисляемый в зависимости от цены иска.

3.2. Третейский сбор взимается в валюте, в которой выражена цена иска.

3.3. Сумма сбора определяется в зависимости от цены и валюты иска по следующей шкале:

3.3.1. (в рублях)

3.3.1.1. С исковых заявлений имущественного характера при цене иска:

цена иска	третейский сбор
до 10 000 000	5%, но не менее размера минимальной месячной оплаты труда

от 10 000 001 — до 50 000 000	200 000 + 4% от суммы свыше 10 000 000
от 50 000 001 — до 100 000 000	1 800 000 + 3% от суммы свыше 50 000 000
от 100 000 001 — до 500 000 000	3 300 000 + 2% от суммы свыше 100 000 000
от 500 000 001 — до 1 000 000 000	11 300 000 + 1% от суммы свыше 500 000 000
свыше 1 000 000 000	16 300 000 + 0,5% от суммы свыше 1 000 000 000

3.3.1.2. С исковых заявлений по спорам, возникающим при заключении, изменении или расторжении договоров (контрактов), и по спорам о признании сделок недействительными — 20-кратный размер минимальной месячной оплаты труда.

3.3.1.3. С исковых заявлений неимущественного характера, в том числе с заявлений о признании права, о принуждении к исполнению обязанности в натуре — 20-кратный размер минимальной месячной оплаты труда.

3.3.2. (в долларах США)

цена иска	третейский сбор
до 10 000	1 000
от 10 001 — до 50 000	1 000 + 4% от суммы свыше 10 000
от 50 001 — до 100 000	2 600 + 3% от суммы свыше 50 000
100 001 — до 200 000	4 100 + 2% от суммы свыше 100 000
200 001 — до 500 000	6 100 + 1% от суммы свыше 200 000
500 001 — до 1 000 000	9 100 + 0,5% от суммы свыше 500 000
от 1 000 001 — до 2 000 000	11 600 + 0,3% от суммы свыше 1 000 000
от 2 000 001 — до 5 000 000	14 600 + 0,2% от суммы свыше 2 000 000
от 5 000 001 — до 10 000 000	20 600 + 0,1% от суммы свыше 5 000 000
свыше 10 000 000	25 600 + 0,05% от суммы свыше 10 000 000

3.4. Если требование не может быть выражено в денежной форме, размер третейского сбора определяется Третейским судом, исходя из характера спора.

3.5. Размеры гонораров, выплачиваемых третейским судьям, устанавливаются в соответствии с Положением о гонорарах по делам Третейского суда при Московском независимом институте международного права, которое после его одобрения на собрании третейских судей Третейского суда согласовывается между Президиумом Третейского суда и Научным Советом Института.

3.6. Третейский сбор уплачивается в рублях, если цена иска выражена в рублях, и соответственно в долларах США, если цена иска выражена в иностранной валюте. При пересчете цены иска в доллары США применяется текущий курс международного валютного рынка на дату предъявления иска.

3.7. Третейский сбор считается уплаченным с момента поступления перевода третейского сбора:

3.7.1. В рублях — на расчетный счет № 606723 RUR 401102 кор. сч. 000467526 в Международном Московском Банке, МФО 997083, уч. ТН.

3.7.2. В долларах — на валютный счет № 606723 USD 401002, транзитный счет 402002 в Международном Московском Банке.

3.8. К встречному иску применяются те же правила о третейском сборе, что и к первоначальному иску.

№ 4. Уменьшение размера и частичный возврат третейского сбора

4.1. Если дело рассматривается единоличным третейским судьей, третейский сбор уменьшается на 30%.

4.2. Если истец отозвал иск до направления повестки о назначении слушания дела, Третейский суд возвращает ему 75% третейского сбора.

4.3. Если истец отозвал иск после направления повестки, но до дня первого слушания дела, в частности, вследствие того, что стороны урегулировали спор мирным путем, равно как и в иных случаях получения Третейским судом заявления до указанного дня об отказе сторон от рассмотрения спора в Третейском суде, истцу возвращается 50% третейского сбора.

4.4. Размер третейского сбора при проведении примирительной процедуры составляет 50% от суммы третейского сбора, подлежащего уплате при рассмотрении дела в Третейском суде.

4.5. Если в силу обстоятельств, указанных в пункте 4.3. настоящего Положения, рассмотрение дела прекращено в первом заседании Третейского суда без вынесения решения, истцу возвращается 25% третейского сбора.

4.6. Если дело прекращено определением в соответствии с одним из оснований, предусмотренных пунктом 44.2. Регламента Третейского суда, до уплаты истцом третейского сбора, с него взыскивается 25% суммы третейского сбора, однако не менее половины размера минимальной месячной оплаты труда.

4.7. В случаях, предусмотренных пунктами 4.1. — 4.3. и 4.5. настоящего Положения, указание о частичном возврате третейского сбора должно быть отражено в решении или определении о прекращении производства по делу. В случае прекращения производства по делу до образования состава Третейского суда решение о возврате принимается Председателем Третейского суда.

№ 5. Распределение третейского сбора

5.1. Третейский сбор возлагается на сторону, против которой состоялось решение. Однако Третейский суд может распределить этот сбор между сторонами, если он считает это разумным с учетом обстоятельств дела.

5.2. Если иск удовлетворен частично, то третейский сбор возлагается на ответчика пропорционально размеру удовлетворенных исковых требований и на истца — пропорционально той части исковых требований, в которой иск не удовлетворен.

5.3. Стороны могут договориться между собой об ином, чем предусмотрено пунктами 5.1. и 5.2. настоящего Положения, распределении третейского сбора.

№ 6. Расходы Третейского суда

6.1. Расходы Третейского суда оплачиваются сторонами в соответствии с пунктами 5.1. — 5.3. настоящего Положения.

6.2. Третейский суд может потребовать от истца в качестве аванса покрытия расходов по осуществлению необходимых действий по ведению дела. Покрытие расходов может быть истребовано Третейским судом от стороны, заявившей о необходимости осуществления какого-либо действия по ведению дела, если такое заявление Третейский суд признает обоснованным.

6.3. Если аванс, указанный в пункте 6.2. настоящего Положения, не будет полностью уплачен в течение 10 дней после получения просьбы об этом, Третейский суд уведомляет об этом стороны, с тем чтобы одна или другая из них могла произвести необходимые платежи.

6.4. Если по просьбе одной из сторон при разбирательстве дела осуществляется перевод объяснений сторон, их заявлений и др., равно как и вопросов, пояснений и указаний состава Третейского суда, то расходы по переводу оплачиваются указанной стороной.

Если с согласия сторон слушание дела ведется не на русском языке, то оплата возможных расходов по переводу может быть возложена в равной доле на каждую из сторон.

Третейский суд может потребовать от соответствующей стороны или сторон внесения аванса на оплату этих расходов.

Те же правила действуют и в отношении перевода решений и определений Третейского суда.

6.5. Распределение дополнительных расходов Третейского суда между сторонами осуществляется в соответствии с пунктами 5.1. — 5.3. настоящего Положения. Расходы, указанные в абзаце первом пункта 6.4. настоящего Положения, возлагаются на сторону, заявившую просьбу об обеспечении ее услугами переводчика.

6.6. День оплаты расходов и аванса, предусмотренных в пунктах 6.2. и 6.3. настоящего Положения, определяется в соответствии с пунктом 3.7. настоящего Положения.

6.7. Издержки по банковскому переводу сумм третейских расходов и сборов, уплачиваемых Третейскому суду, возлагаются на сторону, заявившую просьбу об обеспечении ее услугами переводчика.

№ 7. Издержки сторон

В отношении издержек сторон, указанных в пункте 2.3. настоящего Положения, Третейский суд по требованию сторон и с учетом обстоятельств дела вправе определить, какая из сторон должна нести такие расходы, или может распределить такие расходы между сторонами, в

частности, расходы, связанные с защитой своих интересов через юридических представителей, если считает это разумным, как в соответствии с произведенными ими расходами, так и в ином порядке.

№ 8. Исключения

В изъятие из правил, установленных § 5 — 7 настоящего Положения, Третейский суд может взыскать в пользу одной из сторон с другой стороны понесенные первой излишние расходы, вызванные нецелесообразными или недобросовестными действиями другой стороны. Под такими действиями понимаются, в частности, действия, вызвавшие не оправданную обстоятельствами дела задержку процесса.

СПИСОК ТРЕТЕЙСКИХ СУДЕЙ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА ПРИ МОСКОВСКОМ НЕЗАВИСИМОМ ИНСТИТУТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

- АБОВА ТАМАРА ЕВГЕНЬЕВНА** — Главный специалист Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор
- АНДРЕЕВ ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ** — Главный специалист Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор
- БАЙДИКОВА РАИСА ВЛАДИМИРОВНА** — Зам. начальника департамента Центрального Банка России, кандидат юридических наук
- БАРДИНА МАРИНА ПЕТРОВНА** — Старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, кандидат юридических наук
- БАЛАЯН ЛЕОНИД ГЕОРГИЕВИЧ** — Председатель Третейского суда Ассоциации российских банков
- БЕДНОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ** — Вице-президент Торгово-промышленной палаты Российской Федерации
- БРЫЛОВ АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ** — Зам. Генерального директора авиакомпании «Аэрофлот — Российские международные авиалинии», академик Российской академии естественных наук
- БЫКОВ АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ** — Зав. кафедрой предпринимательского права юридического факультета Московского государственного университета, доктор юридических наук, профессор
- ВИЛКОВА НИНА ГРИГОРЬЕВНА** — Профессор кафедры правовых дисциплин Всероссийской академии внешней торговли
- ВИНОГРАДОВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА** — Старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, кандидат юридических наук
- ВИТЯНСКИЙ ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ** — Зам. Председателя Высшего арбитражного суда Российской Федерации, кандидат юридических наук
- ЕФИМУРКИН СТАНИСЛАВ МАКСИМОВИЧ** — Начальник юридического отдела Департамента воздушного транспорта Министерства транспорта Российской Федерации

- КАЗАКОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА** — Консультант юридического отдела Международного московского банка
- КАМЫШЕВ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ** — Член Международной коллегии адвокатов России
- КОЛОСОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ** — Зав. кафедрой международного права Московского государственного института международных отношений, член постоянной палаты Третейского суда в Гааге, доктор юридических наук, профессор
- КОРНЕЕВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ** — Профессор кафедры гражданского права юридического факультета Московского государственного университета, заслуженный юрист РСФСР, доктор юридических наук, профессор
- КУЗНЕЦОВ ВАЛЕРИЙ ИВАНОВИЧ** — Проректор Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации, член постоянной палаты Третейского суда в Гааге, доктор юридических наук, профессор
- ЛУКЬЯНЕНКО ГЕННАДИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ** — начальник юридического отдела Международного московского банка
- ОРЛОВ ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ** — Профессор Высшей коммерческой школы при Министерстве внешнеэкономических связей Российской Федерации
- ПЕТРОСЯН РУДОЛЬФ АШОТОВИЧ** — арбитр Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, третейский судья Третейского суда Ассоциации российских банков, кандидат юридических наук
- ПОДБЕРЕЗНЫЙ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ** — Зам. Председателя Правления коммерческого банка «Интурбанк», кандидат юридических наук
- САДИКОВ ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ** — ведущий специалист Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор
- СОКОЛОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ** — Член Межреспубликанской коллегии адвокатов России
- СУХАНОВ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ** — Декан юридического факультета Московского государственного университета, доктор юридических наук, профессор
- ТРАВНИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ** — Вице-президент Фонда авиационной безопасности
- ФОМИНОВ ИГОРЬ ГЕННАДЬЕВИЧ** — Начальник юридического отдела коммерческого банка «Возрождение»
- ХЛЕСТОВА ИРИНА ОЛЕГОВНА** — Старший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук
- ШАПКИНА ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА** — Ведущий специалист Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

ШЕЛЕНКОВА НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА — Ведущий специалист Центра международного частного права, кандидат юридических наук, кандидат экономических наук
ШЕИН ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ — Юридический советник коммерческого банка «Диалог-Банк»
ЯЗЕВ ВАСИЛИЙ АФРИКАНОВИЧ — Заведующий кафедрой права Московского коммерческого университета, Заслуженный юрист РСФСР, доктор юридических наук, профессор

Вариант I

ДОГОВОР (КОНТРАКТ) № _____
от « _____ » _____ 1995 г.
п. _____. Порядок разрешения споров

Все споры, возникающие между Сторонами из настоящего Договора (Контракта) или в связи с ним, относительно неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств, подлежат рассмотрению в Третейском суде при Московском независимом институте международного права (Российская Федерация, Москва) в соответствии с его Регламентом.

Вариант II

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ СОГЛАШЕНИЕ
К ДОГОВОРУ (КОНТРАКТУ) № _____ от « _____ » _____ 1995 г.

1. Стороны Договора (Контракта) № _____ от « _____ » _____ 1995 г. договорились о том, что все споры, возникающие между Сторонами из Договора (Контракта) № _____ от « _____ » _____ 1995 г. или в связи с ним, относительно неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств, подлежат рассмотрению в Третейском суде при Московском независимом институте международного права (Российская Федерация, Москва) в соответствии с его Регламентом.

2. Настоящее Дополнительное соглашение является неотъемлемой частью Договора (Контракта) № _____ от « _____ » _____ 1995 г.

3. Настоящее Дополнительное соглашение вступает в силу с даты его подписания и действует до момента, пока между Сторонами сохраняются какие-либо правоотношения по Договору (Контракту) № _____ от « _____ » _____ 1995 г.

[4. Настоящее Дополнительное соглашение составлено в двух подлинных экземплярах на _____ языке (языках).]

5. Совершено в городе _____ « _____ » _____ 1995 г.

Сторона

Сторона

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ СОВМЕСТНЫХ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ И ФИНАНСОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ГРУПП В СНГ

Распад СССР привел к разрушению связей между предприятиями и организациями бывших союзных республик. Сегодня стоит важная задача остановить этот процесс, губительный для развития деловых отношений. В отдельных случаях уже достигнуты положительные результаты, свидетельствующие о том, что не только возможно, но и необходимо сконцентрировать усилия в данном направлении. В то же время объективная логика развития постсоветского пространства, осознание стремления народов к интеграции требуют продолжить поиск новых, более тесных, организационных форм сотрудничества независимых государств на добровольной и взаимовыгодной основе, исходя из экономических интересов хозяйствующих субъектов.

Одним из ключевых направлений деятельности созданного в рамках Экономического союза СНГ Межгосударственного экономического комитета является содействие развитию финансово-промышленных групп, совместных предприятий, финансово-кредитных и страховых структур и других транснациональных объединений. Созданию такого типа компаний уделяется большое внимание со стороны государств — участников Содружества.

В рамках СНГ был принят ряд документов по вопросам создания и развития смешанных предприятий. Среди них — Соглашение об общих условиях и механизме поддержки развития производственной кооперации предприятий и отраслей государств — участников СНГ 23 декабря 1993 г., Соглашение о сотрудничестве в области инвестиционной деятельности 24 декабря 1993 г., Соглашение о содействии в создании и развитии производственных, коммерческих, кредитно-финансовых, страховых и смешанных транснациональных объединений 15 апреля 1994 г. (как наиболее характерный пример публикуется ниже), Соглашение о товарообороте и производственной кооперации в области машиностроения на взаимовыгодной основе 9 декабря 1994 г.

В СНГ уже функционирует ряд зарегистрированных смешанных предприятий. Россия участвует в таких предприятиях не только посредством капитальных вложений, но и путем приобретения собственности на территории других стран СНГ в счет их долгов. Подобная интеграция будет развиваться главным образом на базе отраслевого и суботраслевого разделения и кооперации труда.

Достаточно интенсивно идет процесс формирования финансово-промышленных групп с Белоруссией, Украиной и Казахстаном.

В январе 1995 года главы правительств Белоруссии, Казахстана и России выступили с совместным заявлением, в котором стороны высказались относительно государственной поддержки развития прямых связей и кооперации между предприятиями в различных отраслях экономики. Эти страны будут осуществлять конкретные меры по созданию финансово-промышленных групп, развитию прогрессивных форм сотрудничества. Особая роль отводится мерам по расширению сотрудничества в области

обеспечения экономики и населения трех государств топливом и энергией, в том числе и путем совместного производства энергоносителей, их транспортировки. С этой целью будут предприниматься дополнительные усилия по созданию интегрированных транснациональных компаний с государственным участием трех стран.

Для успешного функционирования механизма транснациональных объединений ставится задача выработать за короткий срок общий инструментарий взаимного правового регулирования хозяйственных отношений. Необходима унификация в первую очередь внешнеторгового, таможенного, валютно-финансового, ценового, налогового законодательства. На заседании Совета глав правительств СНГ 10 февраля 1995 г. в Алма-Ате была утверждена Концепция взаимного правового регулирования хозяйственных отношений и выравнивания условий хозяйственной деятельности государств — участников Экономического союза. Принятие соответствующих документов может ускорить и создаваемый Межгосударственный экономический комитет, при условии, что государства делегируют ему соответствующие полномочия для решения этих задач на наднациональной основе.

Во время недавней встречи в Минске президентами России и Белоруссии принято решение о создании совместной комиссии по рассмотрению предложений о формировании финансово-промышленных групп. Создается Российско-белорусская финансово-промышленная группа по сооружению участка транзитного магистрального газопровода «Ямал — Западная Европа», проходящего по территории Белоруссии.

Между Россией и Украиной в марте 1995 года подписано Соглашение о создании финансово-промышленной группы «Международные авиамоторы» по производству авиадвигателей. В проекте будет участвовать около 50 предприятий оборонных комплексов двух стран.

Из действующих транснациональных объединений следует отметить «Нижегородские автомобили» с участием предприятий России, Украины, Молдавии, Таджикистана и Латвии по производству автомобилей и запчастей к ним; «Сокол» с участием предприятий России и Казахстана по производству самолетов «Ил-96», машин для горнодобывающей промышленности и другой промышленной продукции.

В каждой стране предстоит работа по созданию унифицированной правовой базы, которая необходима в первую очередь для регулирования деятельности крупных финансово-промышленных объединений и участия в ней предприятий ближнего зарубежья. На одну из ближайших сессий верхней палаты российского парламента Комитет Совета Федерации по бюджету и финансам планирует представить проект Закона о финансово-промышленных группах.

Необходимо отметить, что, как показали исследования, нестабильная экономическая ситуация в стране на 30% связана с разрывом связей между предприятиями бывших союзных республик. Так, к примеру, из 88 станкозаводов, которые входили в одну действующую систему, за пределами России остались 45. Происходит перепрофилирование наукоемкого производства на выпуск примитивных изделий. Последствия уже видны: происходит замораживание научных разработок, высококвалифицированные

кадры уходят в другие сферы экономики. Принятие Закона о финансово-промышленных группах в России ускорит формирование аналогичной правовой базы в странах ближнего зарубежья.

Необходимо решить вопросы в области таможенного законодательства каждой из стран для успешной работы транснациональных компаний. И если Белоруссия, Казахстан и Россия подписали Соглашение о Таможенном союзе и приступили к практической реализации договоренностей, то другие участники Содружества пока думают о присоединении к этому Союзу или решении этих вопросов другим путем, например заключением двусторонних соглашений.

Очень большая проблема — осуществление платежных и финансовых расчетов. Затянулось создание механизма Платежного союза стран СНГ. Все еще на стадии создания его Валютный комитет.

Финансовые институты играют решающую роль в деле организации работы транснациональных объединений. Активнее участие частных банковских структур, в том числе и третьих стран, позволит развить потенциал, будет способствовать активизации российского финансового капитала на рынках СНГ. Необходимо заинтересовать частные банковские структуры для их активной работы на рынке Содружества путем предоставления налоговых скидок, участия в капитале Межгосударственного банка и других льгот.

Недавно белорусский Биржевой банк, «Москомприватбанк» (Москва) и украинский коммерческий «Приватбанк» (Днепропетровск) создали Белорусско-российско-украинский межбанковский союз. Цель союза — установить единые правила действия, при которых создаются благоприятные условия для клиентов в Белоруссии, России и на Украине. Соглашение предусматривает унификацию банковских гарантий, совместную политику в области ресурсных операций, обмен информацией по процентным ставкам, определение лимита кредитных ресурсов и порядок их использования.

Вышеперечисленные и другие проблемы (налогообложение, инфляция, нестабильность и т.д.) замедляют приток зарубежных капиталовложений в создаваемые странами СНГ предприятия. Например, в России прямых зарубежных капиталовложений привлечено менее 1 млрд. долл. США, а в КНР — 20 млрд. долл. США. Официально зарегистрированных финансово-промышленных групп в Южной Корее почти столько же, сколько и в России. Но не в пример нам, они сконцентрированы не в сырьевых отраслях, а в электронике, металлургии, авиа-, авто-, судостроении. Интегрировав для обслуживания этих приоритетов финансовый, страховой, торговый, научно-технический, трудовой капитал, Южная Корея сделала финансово-промышленные группы точками стабильного роста.

Еще не поздно добиться этого же и в России, и других странах СНГ, где поставлена задача создания общего рынка, переход к которому обеспечивается правовыми, экономическими и организационными условиями для свободного перемещения товаров, капиталов, услуг и рабочей силы.

А.Н. ЕРОХИН,
*первый секретарь
Департамента по делам
СНГ МИД РФ*

СОГЛАШЕНИЕ

о содействии в создании и развитии производственных, коммерческих, кредитно-финансовых, страховых и смешанных транснациональных объединений

Правительства государств — участников настоящего Соглашения, именуемые в дальнейшем Стороны,

руководствуясь положениями Договора о создании Экономического союза от 24 сентября 1993 года,

подтверждая стремление обеспечить благоприятные условия для всемерного развития экономических связей в интересах своих народов на взаимовыгодной и равноправной основе, а также повышать эффективность торгово-экономических отношений в рамках Содружества Независимых Государств,

придавая важное значение использованию современных форм взаимодействия в области производственной, научно-исследовательской, инвестиционной, коммерческой и финансово-кредитной деятельности, направленной на восстановление и расширение высокоинтегрированных технологических и кооперационных взаимосвязей непосредственно между предприятиями и организациями различных форм собственности и на интенсификацию на этой основе взаимного товарообмена,

согласились о нижеследующем:

Статья 1

Стороны будут поддерживать развитие эффективных форм совместной производственной, научно-технической, инвестиционной, коммерческой и иных не запрещенных национальным законодательством видов деятельности хозяйствующих субъектов, зарегистрированных на территориях государств — участников Соглашения в качестве участников внешнеэкономических связей в соответствии с национальным законодательством.

Стороны, координируя свои действия, будут способствовать созданию и развитию производственных, коммерческих, кредитно-финансовых, страховых и смешанных транснациональных объединений (далее именуемых «транснациональные объединения»), деятельность которых соответствует целям, определенным настоящим Соглашением, и не противоречит антимонопольному национальному законодательству.

Статья 2

Транснациональные объединения могут создаваться в любых областях деятельности, не запрещенных национальным законодательством, в различных формах, включая: совместные финансово-промышленные группы, международные хозяйственные объединения, корпорации, холдинговые компании, ассоциации, союзы, совместные предприятия, торгово-посреднические организации типа торговых домов, агентств и международных

бирж, совместные коммерческие банки и их объединения, финансовые и страховые компании.

Создаваемые транснациональные объединения могут осуществлять одновременно несколько видов указанной деятельности.

Статья 3

Транснациональные объединения могут создаваться как на основе межправительственных соглашений, так и путем заключения договоров непосредственно между хозяйствующими субъектами различных форм собственности в соответствии с национальным законодательством.

Учредителями транснациональных объединений могут выступать государственные (федеральные, республиканские, муниципальные, коммунальные) органы в случаях, когда это не запрещено законодательством государств — участников настоящего Соглашения.

Стороны могут предоставлять транснациональным объединениям квоты, лицензии, в том числе для реализации межправительственных обязательств по поставкам товаров для государственных нужд, по кооперации и для экспорта продукции на рынки третьих стран.

Статья 4

Стороны будут способствовать формированию благоприятных условий для:

- развития в рамках транснациональных объединений сотрудничества предприятий различных форм собственности, основывающих свою деятельность на тесных технологических связях, специализации и кооперации производства, реализации межгосударственных программ, производственных и экономических проектов;

- создания совместных коммерческих организаций, нацеленных на всемерное развитие прямых торгово-экономических связей хозяйствующих субъектов;

- обеспечения эффективного финансово-кредитного обслуживания предприятий, входящих в транснациональные объединения, для осуществления их производственной деятельности и внешнеторговых операций;

- выпуска и размещения транснациональными объединениями акций и других ценных бумаг;

- участия в совместных инвестиционных проектах;

- учреждения совместных страховых компаний.

Статья 5

Транснациональные объединения являются юридическими лицами по законодательству государства места их регистрации.

Статус филиалов (отделений) и представительств транснациональных объединений определяется в учредительных документах в соответствии с законодательством государства местонахождения филиалов (отделений) и представительств.

Статья 6

Порядок оценки финансовых, материальных ресурсов и имущества, вносимых учредителями в уставный фонд транснациональных объединений, определяется по согласованию между ними.

Статья 7

Уставный фонд транснациональных объединений формируется на согласованных учредителями условиях путем объединения их финансовых, материальных ресурсов и имущества.

Порядок распределения прибыли и возмещения убытков транснациональных объединений определяется их учредительными документами.

Статья 8

Взаимоотношения предприятий, входящих в транснациональные объединения, с соответствующим бюджетом государства их местонахождения определяются законодательством этого государства.

Статья 9

Инвестиционная деятельность транснациональных объединений, включая деятельность с привлечением капитала из третьих стран, осуществляется в соответствии с законодательством государства, на территории которого производятся соответствующие вложения, и договорами, заключенными между Сторонами о сотрудничестве в области инвестиционной деятельности и о взаимной защите инвестиций.

Статья 10

Настоящее Соглашение открыто для присоединения любого государства, разделяющего изложенные в нем цели и принципы.

Статья 11

Настоящее Соглашение заключено на 5 лет и будет автоматически продлеваться на последующие пятилетние периоды, если Сторонами не будет принято иное решение. Каждая из Сторон может заявить о своем выходе из состава участников Соглашения путем письменного уведомления об этом депозитария не менее чем за 12 месяцев.

Статья 12

Настоящее Соглашение временно применяется со дня подписания и вступает в силу с момента сдачи на хранение государству-депозитарию третьего уведомления о выполнении Сторонами внутригосударственных процедур, необходимых для его вступления в силу.

Совершено в городе Москве 15 апреля 1994 года в одном экземпляре на русском языке. Подлинный экземпляр Соглашения хранится в Архиве Правительства Республики Беларусь, которое направит правительствам государств, подписавшим настоящее Соглашение, его заверенную копию.

За Правительство
Азербайджанской Республики

За Правительство
Республики Молдова

За Правительство
Республики Армения

За Правительство
Российской Федерации

За Правительство
Республики Беларусь

За Правительство
Республики Таджикистан

За Правительство
Республики Грузия

За Правительство
Туркменистана

За Правительство
Республики Казахстан

За Правительство
Республики Узбекистан

За Правительство
Кыргызской Республики

За Правительство
Украины

ЗАКОН РОССИИ ОБ УЧАСТИИ В ОПЕРАЦИЯХ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ МИРА

23 июня 1995 г. Президентом Российской Федерации был подписан закон «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности». Закон разрабатывался в течение нескольких лет; дважды рассматривался в парламенте РФ и теперь, после подписания его Президентом и опубликования, вступил в силу. Закон создает правовую базу для участия России в одной из наиболее важных сфер международного сотрудничества — поддержании международного мира и безопасности.

Как известно, Устав ООН, запретив прибегать к войне как средству разрешения международных споров и осуществления внешней политики, создал систему коллективной безопасности в рамках ООН. На Совет Безопасности ООН, который действует от имени всех ее членов, возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности, и все члены ООН приняли обязательство выполнять решения Совета. Запрещение войны, создание системы коллективной безопасности, наряду с признанием права на самооборону, явились колоссальным достижением человечества, тысячелетняя история которого признавала законность войн для разрешения споров и осуществления внешней политики.

За 50-летнюю историю своего существования ООН, хотя и не в том объеме, в каком этого ожидали, сыграла положительную роль в уменьшении количества вооруженных конфликтов. Особенно эффективно развивались так называемые «операции по поддержанию мира», которые являлись иным видом деятельности, чем принудительные меры, предусмотренные главой VII Устава ООН. Эти операции способствовали прекращению вооруженных конфликтов, снижению числа жертв и разрушений в ходе вооруженных столкновений как между государствами, так и во внутренних вооруженных конфликтах. Сейчас ООН, учитывая, что существует тенденция увеличения количества внутренних вооруженных конфликтов, должна играть еще более активную роль в их предотвращении и прекращении.

Россия — постоянный член Совета Безопасности ООН несет особую ответственность за поддержание международного мира и безопасности. После распада СССР на территории новых государств — членов СНГ возникают очаги вооруженных конфликтов, например в Грузии, Молдавии. Их разрастание грозит распространением и на территорию России. В ходе этих конфликтов груз потерь и страданий несет мирное население, в том числе русскоязычное. В силу многих причин Россия вынуждена участвовать в операциях по поддержанию мира, в прекращении вооруженных конфликтов, возникающих в странах СНГ.

Недавно принятый закон, касающийся участия России в операциях по поддержанию мира, представляет несомненный интерес со многих точек зрения. Во-первых, он создает правовую базу для более эффективного участия России в международных операциях по поддержанию мира, в том числе в странах СНГ, что является благородной, гуманной миссией. Во-

вторых, он решает ряд внутренних вопросов в России, связанных с порядком принятия решений об участии России в международных операциях по поддержанию мира и направлении в этих целях за пределы РФ вооруженных сил. В-третьих, данный закон разграничивает операции по поддержанию мира и принудительные действия в соответствии с Уставом ООН, на основе политико-правовых критериев, что имеет положительное значение для международной практики, особенно в современных условиях, когда на международных форумах активно обсуждаются проблемы второго поколения международных операций по поддержанию мира.

В законе предусмотрены положения, касающиеся вопросов внутренней жизни России в связи с ее участием в операциях по поддержанию мира.

Конституция РФ 1993 года содержит лишь одно положение об использовании вооруженных сил России за ее пределами. В пункте 12 статьи 102 указывается, что решение вопроса о возможности использования российских вооруженных сил за пределами территории РФ относится к ведению Совета Федерации. Другие положения Конституции по военным вопросам не касаются порядка использования российских вооруженных сил. В них определяется, какие вопросы относятся к компетенции Федерации: вопросы войны и мира, обороны страны и защиты ее граждан. Президент утверждает военную доктрину, являясь главнокомандующим, может вводить на территории России военное или чрезвычайное положение.

Основным правовым актом об использовании вооруженных сил является Закон об обороне от 24 сентября 1992 г., который предусматривает, что российские вооруженные силы могут направляться для участия в мероприятиях по осуществлению коллективной безопасности ООН. Однако этот закон во многом устарел, расходуется в ряде положений с Конституцией 1993 года и нуждается в пересмотре.

Новый закон определяет порядок направления вооруженных сил России за ее пределы для участия как в операциях по поддержанию мира, так и в принудительных действиях, предусмотренных Уставом ООН. Решения об участии в таких операциях должны приниматься с учетом международных обязательств России, вытекающих из Устава ООН и других международных договоров, а также положений ее внутреннего законодательства. Что касается международных обязательств, то закон, наряду с Уставом ООН, предусматривает также региональные двусторонние и многосторонние договоры РФ, например Соглашение от 24 июня 1992 г. о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта, Соглашение от 21 июля 1992 г. о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском районе Республики Молдавии, на основании которых проводились операции по поддержанию мира в этих районах с участием России.

Если рассматривать внутриполитические вопросы, отраженные в законе, то можно отметить, что в нем найден разумный баланс разграничения компетенции между исполнительной и законодательной властями: решение о направлении вооруженных сил за пределы РФ для участия в любых операциях по поддержанию мира принимается Президентом, но только на основании соответствующего постановления Совета Федерации. Президент информирует Совет и Государственную Думу о принимаемых им ре-

шениях по использованию вооруженных сил. Уместно отметить, что для участия в операциях по поддержанию мира военный персонал может направляться только на добровольной основе и по контракту, а не в призывном порядке. Закон предусматривает более глубокую подготовку и обучение лиц, направляемых для осуществления миротворческих операций, что будет способствовать уменьшению потерь среди них. Поскольку опыт миротворческих операций показывает, что российские военнослужащие недостаточно знакомы с правилами ведения военных действий, предусмотренными нормами гуманитарного права, этому аспекту необходимо уделять особое внимание. Закон также требует установления дополнительных гарантий и компенсаций военнослужащим, участвующим в операциях по поддержанию мира, и членам их семей.

О критериях разграничения миротворческих операций и принудительных действий

Наибольший интерес представляют критерии, которые были использованы в законе для разграничения операций по поддержанию мира и принудительных действий. Как уже отмечалось выше, закон определяет порядок участия российских вооруженных сил в тех и других мероприятиях, между которыми проводится принципиальное различие. Кстати, нельзя не отметить, что практически все законы других стран, а их всего несколько, обычно определяют порядок использования вооруженных сил только в операциях по поддержанию мира. В этом отличительная особенность российского закона. В связи с этим перед российскими законодателями встала задача разграничить указанные выше операции.

Известно, что под принудительными действиями в международном праве понимается применение в рамках ООН, согласно положениям главы VII Устава, определенных мер против государства, совершившего акт агрессии, нарушение мира или создающего угрозу миру. Эти меры могут быть приняты без использования вооруженных сил, например перерыв экономических отношений (ст. 41 Устава ООН), или с использованием вооруженных сил (ст. 42 Устава ООН). В этом случае вооруженные силы используются против государства-нарушителя по решению Совета Безопасности ООН. Их цель — сломить агрессора, заставить государство прекратить агрессию, привлечь его к ответственности. В их состав входят вооруженные силы государств — членов ООН, которые обладают всеми боевыми возможностями, включая тяжелое вооружение. Примером принудительных действий могут быть действия, осуществленные по решению Совета Безопасности ООН против Ирака в связи с его агрессией против Кувейта.

Операции по поддержанию мира имеют совершенно иной характер. Начиная с 1948 года ООН осуществляет операции по поддержанию мира. С 1948 по 1994 год было проведено 34 таких операций, в которых участвовало свыше 650 тыс. человек. В настоящее время ведется 13. Эти операции также осуществляются с использованием вооруженных сил, но их роль иная. Военные действия ведутся не против воюющих сторон, а используются для разъединения участников вооруженного конфликта, для контроля за соблюдением ими соглашения о перемирии и т.п. Они вооружены лишь легким оружием и применяют его в случае самообороны. Все

эти операции проводятся с согласия государств — участников международного вооруженного конфликта или сторон вооруженного конфликта, если он происходит в пределах государства.

Тенденции в современном мире таковы, что операции по поддержанию мира все чаще проводятся в случае вооруженного конфликта, возникающего в пределах государства, то есть немеждународного вооруженного конфликта. Так, из пяти операций по поддержанию мира, которые осуществлялись ООН в начале 1988 года, четыре были связаны с войнами между государствами и лишь одна (20% от общего числа) — с немеждународным вооруженным конфликтом. Из 21 операции, проводимых ООН после 1988 года, лишь 8 связаны с межгосударственными конфликтами, в то время как 13 (62%) связаны с конфликтами внутри государства. Из 11 операций, начатых ООН с января 1992 года, все, за исключением 2 (82%), связаны с конфликтами внутри государства*. Вооруженные силы, направленные ООН в район вооруженного конфликта, начинают все чаще и шире применять военную силу. Используется не только легкое оружие, но и тяжелое вооружение. В качестве задачи ставится требование «вытеснения» сопротивляющихся группировок, «превентивная оборона» и т.п. В июне 1993 года войска ООН применили военную силу в Сомали против одной из вооруженных группировок. Сейчас идет активное обсуждение операций по поддержанию мира, тенденций их развития. В связи с этим можно сослаться на проходивший в Москве с 31 мая по 2 июня 1995 г. международный семинар «Нетрадиционные операции с применением вооруженных сил: российский и международный опыт». Его участники, главным образом военные из ряда стран (Россия, другие страны СНГ, США, Великобритания, Ирландия, Канада, Финляндия), анализировали опыт проведения операций по поддержанию мира в странах СНГ (Молдавия, Грузия, Таджикистан), а также в Югославии, Ганги, Сомали, Сальвадоре, Гватемале, Перу и других странах, делая главный акцент на военных аспектах этих операций. Ссылаясь на свой личный опыт участия в таких операциях и опыт представляемых ими стран, присутствовавшие на семинаре стремились дать определение операциям по поддержанию мира, учитывая, что задачи и методы их осуществления отличаются от обычных военных действий. Однако предлагаемые ими критерии базировались в основном на военно-технических аспектах проводимых операций.

По аналогичному пути вначале пошли и авторы российского закона. Проект закона, подготовленный в Государственной Думе, предусматривал разграничение между этими операциями и принудительными мерами ООН на основе концепции применения силы, то есть операциями по поддержанию мира именовались меры, которые не связаны с использованием военной силы, а принудительные действия определялись как меры, осуществляемые с использованием военной силы.

* Документ ООН A/50/60—S/1995/6 от 3 января 1995 г. «Дополнение к Повестке дня для мира: позиционный документ Генерального секретаря по случаю пятидесятой годовщины Организации Объединенных Наций». — С. 3.

Формулировка «военная сила» расходится с Уставом ООН, который предусматривает проведение принудительных мер или без применения вооруженных сил (а не военной силы, что не однозначно), или с их применением. Кроме того, применение военной силы допустимо и при проведении операций по поддержанию мира. Вооруженные силы, используемые в таких операциях, могут применять военную силу для решения стоящих перед ними задач, например для охраны важных объектов (гидростанций и т.п.), разоружения незаконных военных формирований. Но все это — только с согласия сторон вооруженного конфликта, как межгосударственного, так и не носящего межгосударственного характера. Если нет на это согласия сторон конфликта, то вооруженные силы, прибывшие в район конфликта, не могут применять силу. Да и их присутствие там зависит от согласия на это сторон — участников конфликта. Видимо, в том случае, когда продолжение вооруженного конфликта создает угрозу миру и безопасности в том смысле, как это ныне интерпретируется Советом Безопасности ООН, он может принять решение о применении предусмотренных в главе VII Устава ООН принудительных мер для прекращения вооруженного конфликта. Но в этом случае данные меры не будут зависеть от согласия на них сторон вооруженного конфликта и, следовательно, не подпадают под понятие операции по поддержанию мира. Это уже принуждение к миру, принудительные действия, что имеет право делать Совет Безопасности ООН на основе главы VII Устава. Таким образом, решающим критерием для разграничения между операциями по поддержанию мира и принудительными действиями ООН является отношение сторон вооруженного конфликта к этим мерам, волеизъявление сторон, их согласие или несогласие с ними, то есть политико-правовые критерии.

Естественно, это не затрагивает международно-правовые нормы, регулирующие отношения между государствами, когда законное правительство в случае вооруженного конфликта на его территории обращается к правительству другого или других государств с просьбой оказать вооруженную помощь, как это было, например, в случае обращения правительства Шри-Ланки к правительству Индии во время обострения борьбы с тамильскими сепаратистами.

Исходя из этой концепции и была сформулирована статья 2 закона, отделившая операции по поддержанию мира и другие виды миротворческой деятельности от принудительных действий, осуществляемых, согласно Уставу ООН, против воли стороны вооруженного конфликта по решению Совета Безопасности. Такой версией решение этого вопроса защищал и автор настоящей статьи, выступая в Государственной Думе в качестве официального представителя Президента России при повторном рассмотрении закона.

С этим определением связан еще один вопрос, касающийся региональных мероприятий по поддержанию мира в соответствии с главой VIII Устава ООН, который поощряет проведение таких мероприятий, подчеркивая, что никакие принудительные действия не могут применяться в силу региональных соглашений или региональными органами без полномочий Совета Безопасности ООН (ст. 53).

СНГ подпадает под понятие региона с точки зрения главы VIII Устава ООН. 24 марта 1994 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о предоставлении СНГ статуса наблюдателя, признав его тем самым в качестве региона. Закон предусматривает возможность участия России в миротворческих операциях в СНГ, и если они осуществляются с согласия сторон вооруженного конфликта, то на это не требуется полномочий от Совета Безопасности ООН. Однако в тех случаях, когда эти операции будут приобретать характер принудительных действий, проводимых вопреки воле сторон конфликта, это может осуществляться лишь по полномочию Совета Безопасности ООН. Аналогичное толкование главы VIII Устава ООН дает известный уругвайский юрист Эдуардо Хименес де Аречага, который пишет: «Региональная организация может осуществлять операции по поддержанию мира на региональном уровне, если они не будут представлять собой принудительную акцию, для которой в соответствии со статьей 53 Устава ООН требуется разрешение Совета Безопасности. Следовательно, региональные операции по поддержанию мира считаются законными только в тех случаях, когда вооруженные силы посылаются и размещаются с согласия или по просьбе заинтересованного государства и если в их функции не входит ведение военных действий»*. Правда, после издания его книги в 1980 году в ходе операций по поддержанию мира все шире стала использоваться военная сила, о чем сказано выше.

Принятый в России закон о миротворческих операциях не только создаст правовую базу для ее более активного участия в таких операциях, но будет способствовать изданию подобных законов и в других странах. К сожалению, такие законы существуют лишь в небольшой группе государств. Среди них — Австрия, Швейцария, Швеция, Финляндия, Япония. Создание правовой базы для операций по поддержанию мира — одна из задач, стоящих перед международным сообществом, учитывая, что роль таких операций в XXI веке будет возрастать. В этой связи можно только приветствовать одобрение на последней, 49-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Конвенции, направленной на повышение безопасности участников операций по поддержанию мира, которая открыта для подписания до 31 декабря 1995 г. Закон России безусловно окажет положительное влияние на создание правовых норм, как национальных, так и международных, связанных с операциями по поддержанию мира.

О.Н. ХЛЕСТОВ,
*профессор Дипломатической
академии МИД Российской Федерации,
Чрезвычайный и Полномочный Посол,
вице-президент Российской ассоциации международного права;*
подробные сведения об авторе опубликованы
в № 3 нашего журнала за 1992 год.

* Аречага Эдуардо Хименес де. Современное международное право. — М., 1983. — С. 286.

ЗАКОН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности

Принят Государственной Думой

26 мая 1995 года

ГЛАВА I

Общие положения

Статья 1

Настоящий Федеральный закон определяет порядок предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала, организации его подготовки и обеспечения для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности.

Статья 2

В настоящем Федеральном законе под деятельностью по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности с участием Российской Федерации понимаются операции по поддержанию мира и другие меры, предпринимаемые Советом Безопасности Организации Объединенных Наций в соответствии с Уставом ООН, региональными органами либо в рамках региональных органов или соглашений Российской Федерации, либо на основании двусторонних и многосторонних международных договоров Российской Федерации и не являющиеся согласно Уставу ООН принудительными действиями (далее — миротворческая деятельность), а также международные принудительные действия с использованием вооруженных сил, осуществляемые по решению Совета Безопасности ООН, принятому в соответствии с Уставом ООН для устранения угрозы миру, нарушений мира или акта агрессии.

Статья 3

В состав военного и гражданского персонала, предоставляемого Российской Федерацией для участия в предусмотренной статьей 2 настоящего Федерального закона деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности, могут включаться отдельные военнослужащие и воинские формирования Вооруженных Сил Российской Федерации (воинские части и подразделения с соответствующими вооружением и военной техникой, средствами поддержки и обеспечения), а также гражданские лица — отдельные представители (или группы представителей) федеральных органов исполнительной власти.

Участие военного и гражданского персонала в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности может включать наблюдение и контроль за соблюдением соглашений о прекращении огня и других враждебных действий, разъединение конфликтующих сторон, разоружение и расформирование их подразделений, производство инженерных и иных работ, содействие в решении проблемы беженцев, оказание медицинской, иной гуманитарной помощи, выполнение милицейских (полицейских) и других функций по обеспечению безопасности населения и соблюдению прав человека, а также ведение в соответствии с Уставом ООН международных принудительных действий.

Российская Федерация может участвовать в миротворческой деятельности также посредством предоставления продовольствия, медикаментов, оказания медицинской, иной гуманитарной помощи, средств связи, транспортных средств и других материально-технических ресурсов.

Статья 4

Если в связи с предоставлением Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности предполагается заключение международного договора Российской Федерации, решение о проведении переговоров и подписании указанного международного договора принимается Президентом Российской Федерации или Правительством Российской Федерации в пределах полномочий, определенных Конституцией Российской Федерации, настоящим Федеральным законом, иными федеральными законами.

В случае заключения международного договора Российской Федерации о предоставлении Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности этот договор подлежит ратификации в установленном Федеральным законом порядке, если для реализации такого договора необходимо выделение дополнительных бюджетных ассигнований или договор предусматривает предоставление воинских формирований Вооруженных Сил Российской Федерации для участия за пределами территории Российской Федерации в международных принудительных действиях с использованием вооруженных сил, а также по другим основаниям, установленным федеральными законами.

Статья 5*

Российская Федерация самостоятельно с учетом ее обязательств по Уставу ООН и другим международным договорам определяет в каждом случае целесообразность своего участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности.

Действие настоящего Федерального закона не распространяется на порядок использования Вооруженных Сил Российской Федерации при осуществлении неотъемлемого права Российской Федерации на индивидуальную или коллективную самооборону для отражения вооруженного нападения в соответствии со статьей 51 Устава ООН.

ГЛАВА II

Порядок принятия решений о предоставлении Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в миротворческой деятельности

Статья 6

Решение о направлении за пределы территории Российской Федерации отдельных военнослужащих для участия в миротворческой деятельности принимается Президентом Российской Федерации.

Президент Российской Федерации определяет район действий указанных военнослужащих, их задачи, подчиненность, срок пребывания и порядок замены, а также устанавливает в соответствии с федеральными законами дополнительные гарантии и компенсации указанным военнослужащим и членам их семей.

Президентом Российской Федерации принимается решение об отзыве указанных военнослужащих, если в связи с изменением международной военно-политической обстановки дальнейшее их участие в миротворческой деятельности становится нецелесообразным.

Статья 7

Решение о направлении за пределы территории Российской Федерации воинских формирований Вооруженных Сил Российской Федерации для участия в миротворческой деятельности принимается Президентом Российской Федерации на основании постановления Совета Федерации о возможности использования Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации.

Предложение, вносимое Президентом Российской Федерации в Совет Федерации, должно включать сведения о районе действий указанных воинских формирований, об их задачах, общей численности, о типе и составе вооружений, подчиненности, сроке пребывания или порядке его продления, порядке замены и об условиях вывода, а также об устанавливаемых в соответствии с федеральными законами дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим воинских формирований и членам их семей.

Президентом Российской Федерации принимается решение об отзыве указанных воинских формирований, если в связи с изменением международной военно-политической обстановки дальнейшее их участие в миротворческой деятельности становится нецелесообразным.

О принятых решениях Президент Российской Федерации информирует Совет Федерации и Государственную Думу.

Статья 8

Военный персонал, направляемый в соответствии со статьями 6 и 7 настоящего Федерального закона для участия в миротворческой деятель-

ности, комплектуется на добровольной основе военнослужащими, проходящими военную службу по контракту. Указанные военнослужащие должны пройти предварительную специальную подготовку.

Статья 9

Решение о направлении за пределы территории Российской Федерации на добровольной основе гражданского персонала для участия в миротворческой деятельности принимается Правительством Российской Федерации.

Правительством Российской Федерации принимаются также решения о предоставлении продовольствия, медикаментов, иной гуманитарной помощи, средств связи и других материально-технических ресурсов, транспортных средств с их экипажами, комплектуемыми на добровольной основе, для доставки гуманитарной помощи и материально-технических ресурсов.

Правительство Российской Федерации определяет район действий указанного гражданского персонала, его задачи, срок пребывания и порядок замены, а также устанавливает в соответствии с федеральными законами дополнительные гарантии и компенсации направляемым лицам, включая членов экипажей транспортных средств, и членам их семей.

Правительством Российской Федерации принимается решение об отзыве указанного гражданского персонала, если в связи с изменением международной военно-политической обстановки дальнейшее его участие в миротворческой деятельности становится нецелесообразным.

Решение об отзыве гражданского персонала может приниматься Президентом Российской Федерации одновременно с решениями об отзыве военного персонала, предусмотренными статьями 6 и 7 настоящего Федерального закона.

ГЛАВА III

Порядок принятия решений о предоставлении Российской Федерацией воинских формирований Вооруженных Сил Российской Федерации для участия в международных принудительных действиях с использованием вооруженных сил

Статья 10

Решение о направлении за пределы территории Российской Федерации воинских формирований Вооруженных Сил Российской Федерации для участия, согласно Уставу ООН, в международных принудительных действиях с использованием вооруженных сил принимается Президентом Российской Федерации на основании постановления Совета Федерации о возможности использования Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации и в соответствии с ратифицированным и вступившим в силу для Российской Федерации международ-

ным договором либо, если заключение международного договора не предполагается, в соответствии с федеральным законом.

Предложение, вносимое Президентом Российской Федерации в Совет Федерации, должно включать сведения о районе действий указанных воинских формирований, об их задачах, общей численности, о типе и составе вооружений, подчиненности, сроке пребывания или порядке его продления, порядке замены и об условиях вывода, а также об устанавливаемых в соответствии с федеральными законами дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим указанных воинских формирований и членам их семей.

Предложение о ратификации международного договора или проект федерального закона, предусмотренные настоящей статьей, могут быть внесены в Государственную Думу после принятия Советом Федерации соответствующего постановления.

Президентом Российской Федерации принимается решение об отзыве указанных воинских формирований, если в связи с изменением международной военно-политической обстановки дальнейшее их участие в международных принудительных действиях с использованием вооруженных сил становится нецелесообразным.

О принятых решениях Президент Российской Федерации информирует Совет Федерации и Государственную Думу.

Статья 11

Решение о направлении за пределы территории Российской Федерации воинских формирований Вооруженных Сил Российской Федерации для участия в международных принудительных действиях с использованием вооруженных сил, предоставляемых в распоряжение Совета Безопасности ООН на основе предусмотренного Уставом ООН особого соглашения с Советом Безопасности ООН, принимается в соответствии с решением Совета Безопасности ООН в порядке и на условиях, установленных статьей 10 настоящего Федерального закона.

Статья 12

В случае необходимости обеспечения воинских формирований Вооруженных Сил Российской Федерации, направляемых для участия в международных принудительных действиях с использованием вооруженных сил, продовольствием, средствами связи, транспортными средствами и другими материально-техническими ресурсами, медицинским и иным обслуживанием Правительство Российской Федерации по поручению Президента Российской Федерации принимает решение об организации такого обеспечения и о направлении за пределы территории Российской Федерации на добровольной основе соответствующего гражданского персонала.

Правительство Российской Федерации определяет район действий указанного гражданского персонала, его задачи, срок пребывания и порядок замены, а также устанавливает в соответствии с федеральными законами дополнительные гарантии и компенсации направляемым лицам и членам их семей.

Президентом Российской Федерации или по его поручению Правительством Российской Федерации принимается решение об отзыве указанного гражданского персонала, если в связи с изменением международной военно-политической обстановки дальнейшее его участие в таких действиях становится нецелесообразным.

ГЛАВА IV

Организация подготовки и обеспечения военного и гражданского персонала, предоставляемого Российской Федерацией для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности

Статья 13

В целях обучения, специальной подготовки и участия военного персонала в миротворческой деятельности в составе Вооруженных Сил Российской Федерации формируется специальный воинский контингент.

Порядок формирования, состав и численность указанного контингента определяются Президентом Российской Федерации.

Статья 14

Правительство Российской Федерации организует и обеспечивает подготовку, аттестацию, медицинское освидетельствование и обучение военного и гражданского персонала, направляемого для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности, а также устанавливает и обеспечивает предоставление гарантий и компенсаций указанному персоналу, включая обязательное страхование жизни и здоровья, в соответствии с федеральными законами.

Статья 15

Подготовка и оснащение воинских формирований Вооруженных Сил Российской Федерации, направляемых для участия в деятельности, производятся за счет средств федерального бюджета, выделяемых на оборону. Расходы на содержание военного персонала в период участия в указанной деятельности предусматриваются в федеральном бюджете отдельной статьей.

Расходы на подготовку и участие в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности гражданского персонала, а также расходы на обеспечение указанной деятельности продовольствием, медикаментами, иной гуманитарной помощью, средствами связи, транспортными средствами и другими материально-техническими ресурсами предусматриваются в федеральном бюджете отдельной строкой в статье расходов на международную деятельность.

Расходование дополнительных средств на указанные цели возможно только после принятия соответствующего федерального закона.

Правительство Российской Федерации представляет в Совет Федерации и Государственную Думу заключения о необходимых расходах, связанных с предоставлением военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности, разрабатывает и представляет в Государственную Думу проекты федеральных законов о выделении на эти цели дополнительных средств с указанием источников их финансирования, а также решает вопросы, относящиеся к возмещению ООН, региональными органами и отдельными государствами расходов Российской Федерации на участие в этой деятельности.

ГЛАВА V

Заключительные положения

Статья 16

Правительство Российской Федерации ежегодно представляет в Совет Федерации и Государственную Думу доклад об участии Российской Федерации в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности.

Статья 17

В связи со вступлением в силу настоящего Федерального закона:

1. Предложить Президенту Российской Федерации привести свои правовые акты в соответствие с настоящим Федеральным законом.
2. Поручить Правительству Российской Федерации привести принятые правовые акты в соответствие с настоящим Федеральным законом.

Статья 18

Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

**ПРЕЗИДЕНТ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Б.ЕЛЬЦИН

КАФЕДРА ЮНЕСКО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ДЕМОКРАТИИ

С 1 января 1995 г. началось Десятилетие ООН по обучению правам человека. Этим, в частности, призвана заниматься созданная в Москве кафедра ЮНЕСКО по правам человека и демократии (ниже публикуется текст соглашения об учреждении кафедры).

Первыми шагами кафедры явились проведенная в Москве 26 — 28 апреля 1995 г. международная конференция ЮНЕСКО «Опыт процесса консолидации демократии в странах Центральной и Восточной Европы», организованный 25 апреля 1995 г. национальный семинар на тему «Проблемы имплементации стандартов международного гуманитарного права и преподавание прав человека в соответствии с гуманитарным правом» (материалы будут изданы в конце 1995 г.). Кроме того, кафедра организовала публикацию книги американского юриста Уильяма Бернэма «Суд присяжных заседателей» (может быть приобретена на кафедре).

В качестве следующего важного шага кафедра намечает создание сети своих филиалов в различных регионах России, что будет способствовать реализации целей кафедры во всероссийском масштабе.

Приглашаем к сотрудничеству в этом деле все заинтересованные учебные заведения и научные организации гуманитарного профиля.

Адрес кафедры: Москва, 117454, пр-т Вернадского, 76, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО — Университет) при МИД РФ, кафедра международного права.

Ю.М. КОЛОСОВ,
*директор Кафедры ЮНЕСКО по правам человека и демократии,
заведующий кафедрой международного права МГИМО,
президент Международного независимого института
международного права,
профессор, доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки Российской Федерации;*
подробные сведения об авторе опубликованы
в № 4 нашего журнала за 1993 год.

СОГЛАШЕНИЕ

**между Московским государственным институтом
международных отношений МИД России, Московским
независимым институтом международного права и
ЮНЕСКО об учреждении Кафедры ЮНЕСКО по правам
человека и демократии при МГИМО и МНИМП в Москве
(Российская Федерация)**

Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации (далее МГИМО) в лице его Ректора г-на А.В. Торкунова, Московский независимый институт международного права (далее МНИМП), Москва, Россия, в лице его Директора г-на В.Д. Бордунова и Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (далее ЮНЕСКО) в лице ее Генерального директора г-на Федерико Майора,

принимая во внимание цели ЮНЕСКО, закрепленные в ее Уставе, и роль ЮНЕСКО в содействии международному интеллектуальному сотрудничеству, а также уважая права человека и основные свободы,

придавая особое значение уважению прав человека для укрепления недавно возникших демократий в Центральной и Восточной Европе,

считая, что одним из существенных факторов, способствующих развитию в областях, относящихся к компетенции ЮНЕСКО, является обмен знаниями и опытом между университетами,

учитывая опыт, накопленный в ходе осуществления международного проекта ЮНИТВИН, как стимул для международного сотрудничества в области высшего образования, происходящего путем сближения, создания образовательных сетей, а также потенциальные возможности МГИМО и МНИМП в дальнейшем развитии институтов защиты прав человека и демократии,

принимая во внимание желание МГИМО и МНИМП создать Кафедру ЮНЕСКО по правам человека и демократии,

согласились о следующем:

1. МГИМО и МНИМП в сотрудничестве с ЮНЕСКО создают Кафедру ЮНЕСКО по правам человека и демократии.

2. Целью создания Кафедры является организация и содействие развитию комплексной программы исследований, обучения, информации, а также работы с документами в области обучения правам человека и демократии.

3. Кафедра будет служить инструментом развития субрегионального и регионального сотрудничества между высокопрофессиональными и международно-признанными исследователями и преподавателями МГИМО и МНИМП с высокопрофессиональными, признанными на международном уровне исследователями и преподавателями из других стран.

4. Важной сферой деятельности Кафедры является прогрессивное развитие национальной системы постоянного обучения правам человека и демократии, включая разработку специальных учебных программ по правам человека и демократии для преподавателей средних и высших учеб-

ных заведений, депутатов, государственных и муниципальных служащих, юристов, военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и пенитенциарных учреждений, а также работников радио и телевидения, прессы и т.д.

5. МГИМО и МНИМП, по согласованию с ЮНЕСКО, назначают заведующего Кафедрой ЮНЕСКО, отобранного по международному конкурсу, в соответствии с процедурой, взаимно согласованной между ЮНЕСКО, МГИМО и МНИМП.

6. МГИМО и МНИМП заключают с заведующим Кафедрой или Кафедрой договор о совместной поддержке на определенный период времени в соответствии с существующими правилами и процедурами, касающимися прав и обязанностей преподавательского состава.

7. Кафедра может привлекать к своей исследовательской и преподавательской деятельности ученых и специалистов, не являющихся членами Кафедры, а также студентов и аспирантов. В своей деятельности, имеющей международный характер, Кафедра будет использовать следующие официальные языки ЮНЕСКО: английский, испанский, французский и русский.

8. МГИМО и МНИМП предоставляют Кафедре ЮНЕСКО необходимые для выполнения ее задач поддержку и средства.

9. В рамках статей бюджета, установленных Генеральной конференцией, ЮНЕСКО будет оказывать поддержку Кафедре, особенно в целях укрепления международного характера ее деятельности. Конкретные условия финансовой поддержки ЮНЕСКО будут определены в отдельном контракте. ЮНЕСКО будет сотрудничать с МГИМО и МНИМП в поисках внебюджетных источников поддержки деятельности Кафедры.

10. МГИМО и МНИМП представляют ЮНЕСКО каждые два года финансовый доклад о текущей деятельности Кафедры, включая оценку эффективности использования предоставленных средств. Доклад может быть распространен ЮНЕСКО среди мировой научной общественности.

11. ЮНЕСКО содействует участию Кафедры ЮНЕСКО в программах и деятельности Организации в целях развития международного научного сотрудничества в области прав человека и демократии.

12. В этих рамках ЮНЕСКО стремится подключить МГИМО и МНИМП к деятельности различных межуниверситетских сетей, поддерживаемых Организацией, в первую очередь в странах Центральной и Восточной Европы.

13. Ни МГИМО и МНИМП, ни их служащие, упомянутые в пунктах 5 и 6 настоящего Соглашения, не рассматриваются представителями или сотрудниками Секретариата ЮНЕСКО. Они не пользуются какими-либо привилегиями, иммунитетами, вознаграждениями или стипендиями, явным образом не предусмотренными данным Соглашением.

14. МГИМО и МНИМП оставляют за собой право предпринимать любые меры, которые сочтут необходимыми, с целью обеспечения себе гарантий от убытков, вреда и ущерба, нанесенного в ходе деятельности Кафедры ЮНЕСКО.

15. Настоящее Соглашение вступает в силу в день подписания. Оно может быть прекращено любой из Сторон путем письменного уведомления, направленного другой Стороне за шестьдесят дней.

16. Любой спор, возникающий из или связанный с выполнением или толкованием настоящего Соглашения, урегулируется, главным образом, путем достижения взаимопонимания. Однако, если по истечении шести месяцев с момента возникновения спора Стороны не достигли мирового соглашения или если даже до момента окончания данного срока ЮНЕСКО официально уведомит в письменной форме, что, по ее мнению, возможность достижения Сторонами мирового соглашения маловероятна, любая из двух Сторон имеет право передать спор для разрешения арбитра, выбираемому по соглашению Сторон. В том случае, если избрание арбитра Сторонами невозможно, последний назначается Председателем Суда Высшей Инстанции Парижа по требованию наиболее заинтересованной Стороны. Дело будет рассматриваться в Париже в соответствии с правилами процедуры, устанавливаемыми и принимаемыми арбитром. Арбитр, принимая во внимание соответствующий уровень судебных издержек, установленный в отношении таких же дел, рассмотренных Международной Торговой Палатой, своим решением устанавливает размер судебных издержек, бремя выплаты которых, согласно распоряжению арбитра, может быть возложено на обе Стороны либо только на одну из Сторон. Решение арбитра является окончательным и обжалованию не подлежит.

Совершено в Москве 21 июня 1994 года в трех экземплярах, каждый на русском и английском языках.

**ЗА МГИМО МИД РОССИИ
РЕКТОР**

А.В.ТОРКУНОВ

**ЗА ЮНЕСКО
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР**

ФЕДЕРИКО МАЙОР

**ЗА МНИМП
ДИРЕКТОР**

В.Д. БОРДУНОВ

Ф.СП-1

АБОНЕМЕНТ на журнал

70893

Московский журнал
международного права

(индекс издания)

КОЛИЧЕСТВО
КОМПЛЕКТОВ

на 1996 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда:

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому:

(фамилия, инициалы)

доставочная карточка

ПВ	место	ли- тер

на
журнал

70893

Московский журнал международного права

Стои- мость	по каталогу	_____ руб.	количество комплектов
	за доставку	_____ руб.	

на 1996 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда:

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому:

(фамилия, инициалы)

f

Стоимость подписки по каталогу (без доставки):

на три месяца

— один номер — 15.800 руб.

на полугодие

— два номера — 31.600 руб.

Наценка за доставку определяется отделениями Минсвязи.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА !

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати.

Заполнение месячных клеточек при переадресовке издания, а также клетки «ПВ – МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати.

На «Московский журнал международного права» («Moscow Journal of International Law») на английском языке можно подписаться:

Россия — 121019 г. Москва Г-19, а/я 32

НЕСТОР АКАДЕМИК ПАБЛИШЕРЗ Лтд.

США и Канада — Wm. W. Gautn & Sons, Inc.

Gaunt Building 3011 Gulf Drive

Holmes Beach, Florida 34217-2199 USA

или через каталоги таких подписных агентств, как «Книга Сервис» (Россия); EBSCO (1995-96 Periodicals for Law Libraries); Dawson UK Ltd.

Цена одного номера на английском языке — 30 \$ США.

подписка на полгода — 60 \$ США; на год — 120 \$ США.

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
№ 3, 1995

Сдано в набор 04.09.95. Подписано в печать 18.12.95.

Формат 60 x 88 $\frac{1}{16}$.

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 14,7. Усл. кр.-отт. 15,06. Уч.-изд.л. 16,61.

Тираж 1150 экз. Заказ №1903 Изд. № 3-МЖМП/95.

Отпечатано с готового оригинал-макета
издательства «Международные отношения»
в типографии № 9 Комитета РФ по печати.
109033, Москва, ул. Волочаевская, д.40

МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШИЙ ЭКОНОМИЧЕСКО-ПРАВОВОЙ КОЛЛЕДЖ «ЛИДЕР»

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

ТРУДОВОЕ ПРАВО

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

ЮРИДИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРС
НА ЗАМЕЩЕНИЕ ВАКАНТНЫХ
ДОЛЖНОСТЕЙ ПРОФЕССОРСКО-
ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО
СОСТАВА

ИЗЯЗК, ЛОГИКА, ИСТОРИЯ, ГЕОГРАФИЯ, ПСИХОЛОГИЯ

242 - 39 - 19

ул. акад. Петровского, 10
3 эт., 17 каб., с 18⁰⁰ до 20⁰⁰
(рядом с м. «Шаболовская»)

Ю. Г. Демин

**СТАТУС
ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ
И ИХ ПЕРСОНАЛА**

В издательстве "Международные отношения" вышло в свет учебное пособие:

ДЕМИН Ю.Г. Статус дипломатических представительств и их персонала. 10 л.

Автор учебного пособия — доктор юридических наук, профессор. В его работе отражены современные тенденции в развитии дипломатического права.

К достоинствам пособия можно отнести умение автора сочетать исследование теоретических положений с анализом юридической природы дипломатической практики.

В книге собран обширный фактический и нормативный материал, в том числе новейшие законодательные акты, показывающие основные тенденции дальнейшего укрепления статуса дипломатических представительств и их персонала. Автор раскрывает юридическую природу дипломатических привилегий и иммунитетов, а также анализирует примеры современной практики, вызывающие осложнения в отношениях государств.

Учебное пособие написано доступным языком, материал изложен достаточно кратко и четко, что важно для его усвоения в соответствии с программой курса международного права. В качестве иллюстраций — примеры из дипломатической практики.

К каждой главе приводится тщательно отобранная отечественная и иностранная литература для более глубокого изучения темы и даются контрольные вопросы. Пособие имеет тщательно составленную библиографию по теме и текст (извлечение) Венской конвенции о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г.

Предназначено для студентов, аспирантов юридических вузов, юристов-международников.

**Контактный телефон для оптовых покупателей:
975-30-09 (отдел маркетинга)**

Московский независимый институт международного права

Московский независимый институт международного права оказывает консультативные, экспертные и иные услуги по вопросам международного публичного и частного права.

В области международного публичного права Институт осуществляет аналитические исследования действующих международно-правовых документов, готовит заключения и рекомендации по широкому кругу вопросов: соблюдения и обеспечения основных прав и свобод человека, применения международных стандартов по правам человека, правового статуса и защиты прав национальных меньшинств; предотвращения, локализации и урегулирования межгосударственных конфликтов; территориального устройства и урегулирования территориальных проблем; правопреемства в отношении международных договоров и обязательств; функционирования экономических сообществ; права наций на самоопределение в современных условиях; применения и толкования международного морского, воздушного и космического права, дипломатического и консульского права и других отраслей международного права.

В области международного частного права Институт консультирует по вопросам правового режима иностранных инвестиций в России и СНГ, налогообложения иностранных юридических и физических лиц, банковского, налогового, валютного, таможенного законодательства России и СНГ, осуществляет правовую экспертизу инвестиционных проектов, внешнеторговых сделок и контрактов и обеспечивает их правовое сопровождение и защиту интересов своих клиентов в случае возникновения спора. Институт также осуществляет разработку научно-практических рекомендаций по различным аспектам внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности субъектов СНГ и Российской Федерации.

По заказам вузов Институт готовит учебные программы и спецкурсы по международному праву, обеспечивает чтение лекций специалистами Института и содействует обучению в заочной аспирантуре.

При Институте создано издательство, которое принимает к публикации работы по международному публичному и частному праву, сравнительному правоведению, а также другим проблемам права. Издательство готово опубликовать работы по вопросам экономики, политологии, социологии и другим аспектам государства и общества.

Адрес Московского независимого института международного права:
117454, г. Москва, проспект Вернадского, 76
телефон: (095) 241-31-33